

ПРАВИТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Комитет по социальной политике

Санкт-Петербургское государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ПСИХОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ»

**Д. С. Горбатов, В. В. Агафонова, Л. Т. Андреева,
В. В. Волкова, Е. А. Горбатова**

ПСИХОЛОГИЯ СТИХИЙНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

МОНОГРАФИЯ

**Монография опубликована на средства внутреннего научного
гранта СПб ГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
институт психологии и социальной работы»**

Санкт-Петербург
2021

УДК 316.62

ББК 88.53

Г67

*Рекомендовано к печати Редакционно-издательским советом
Санкт-Петербургского государственного института
психологии и социальной работы*

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского государственного института
психологии и социальной работы*

Рецензенты:

Л. Г. Почебут — доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

Е. Ф. Яценко — доктор психологических наук, профессор (Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I)

Психология стихийных социальных объединений: монография / Д. С. Горбатов, В. В. Агафонова, Л. Т. Андреева, В. В. Волкова, Е. А. Горбатова / Под научн. ред. Д. С. Горбатова. — СПб.: издательство СПбГИПСР, 2021. — 188 с.

ISBN 978-5-6046439-8-3

В книге отражены теории толпы, разработанные на рубеже XIX и XX веков. Идеи Н. К. Михайловского, Г. Лебона, П. Росси, Э. Росса, С. Сигеле, Г. Тарда, У. Троттера, В. М. Бехтерева, Д. Д. Безсонова, В. А. Вагнера, Л. Н. Войтоловского, Н. Н. Головина, А. С. Резанова и других исследователей стихийных социальных объединений проанализированы с учетом социокультурного, исторического и интеллектуального контекста эпохи. Возвращение в предметное поле современной социальной психологии ключевых положений данных теорий призвано способствовать разработке концептуальных основ применения системно-структурного подхода к феномену толпы. Монография предназначена для социальных психологов, социологов, антропологов, специалистов по связям с общественностью, а также студентов вузов, изучающих данные специальности.

© СПбГАОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный институт психологии
и социальной работы», 2021

© Коллектив авторов, 2021

ISBN 978-5-6046439-8-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
1. Образ толпы в творчестве Ги де Мопассана.....	8
2. Психологическая природа толпы в трудах Ипполита Тэна.....	16
3. Влияние ученых-натуралистов на исследования толпы.....	25
4. Н. К. Михайловский и В. К. Случевский — первые исследователи толпы в российской науке.....	32
5. Сципион Сигеле и Анри Фурниаль — пионеры исследований толпы в зарубежной психологии.....	43
6. Восприятие современными студентами теории толпы Габриэля Тарда.....	55
7. Проблемы научного приоритета и плагиата в психологии толпы конца XIX века.....	68
8. Историко-психологический аспект критики теории толпы Гюстава Лебона.....	80
9. Забытая концепция толпы Паскуале Росси.....	91
10. Феномен бунтующей толпы в американской психологии.....	99
11. Гендерные стереотипы и предрассудки в первых теориях толпы.....	107
12. Парадигма стадного инстинкта в толпе.....	114
13. Толпа в отечественной психолого-педагогической.....	129
14. Толпа в российской военной науке дореволюционного.....	141

15. Влияние коллективной психологии на российскую юриспруденцию начала XX века.....	163
16. Динамика научных представлений о толпе в первые годы советской власти	168
Заключение	176
Литература	178

ПРЕДИСЛОВИЕ

Описание и прогнозирование динамики процессов, происходящих в стихийных социальных объединениях, затруднено без использования системно-структурного подхода к изучению данного феномена. Однако разработка концептуальных основ его применения на материале только тех теорий толпы, которые получили воплощение в зарубежной социальной психологии и социологии последних десятилетий, представляется невозможной. Во многом это связано с тем, что современные исследователи, прервав развитие предшествовавшей научной традиции, пошли по пути изучения не толпы как совокупного субъекта совместных действий, а социально-когнитивной сферы индивидов в ней. Переосмысление теорий «психологического contagia» и «стадного инстинкта» однажды позволит не только дополнить и уточнить трактовки современных исследований феномена, но и создать предпосылки к лучшему пониманию специфики взаимоотношений личности, государства, общества и толпы.

Монография подготовлена на средства внутреннего научного гранта СПб ГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы». В состав авторского коллектива вошли доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной социальной психологии и конфликтологии СПбГИПСР Д.С.Горбатов, кандидат педагогических наук, доцент В.В.Агафонова, старший преподаватель Л.Т.Андреева, кандидат психологических наук, доцент В.В.Волкова, кандидат психологических наук, доцент Е.А.Горбатова.

Объект нашего исследования — труды начального периода изучения проблематики стихийных социальных объединений.

Предмет исследования — научные представления исследователей XIX и начала XX вв. о феномене толпы.

Целью работы авторского коллектива стала историко-психологическая реконструкция исследований толпы XIX — первого десятилетия XX вв. в контексте разработки концептуальных основ применения системно-структурного подхода к проблематике стихийных объединений и расширения предметного поля современной социальной психологии.

Задачи исследования:

- 1) выявить для последующего изучения работы антропологов, психологов, социологов, юристов, историков, медиков, социальных философов XIX и начала XX вв. по проблематике стихийных социальных объединений;
- 2) проанализировать психологическое содержание трудов исследователей толпы указанного периода;
- 3) систематизировать представления ученых и общественных деятелей того времени о ключевых характеристиках толпы, процессах изменения личности в ней, условиях образования и детерминантах поведения;
- 4) определить специфику влияния интеллектуального, социокультурного и исторического контекста XIX века и первого десятилетия XX века на особенности научных воззрений в отношении феномена изменения личности в толпе;
- 5) сопоставить феноменологию исследований толпы XIX — начала XX вв. с некоторыми последующими достижениями психологической науки;
- 6) оценить в первом приближении объяснительный потенциал ключевых элементов парадигм «психологического contagia» и «стадного» инстинкта в деле уточнения и дополнения современных теорий стихийных объединений.

При подготовке монографии применялись следующие методы исследования:

- теоретический анализ социально-психологической, историко-психологической, социально-философской, социологической, юридической и общественно-публицистической литературы по изучаемой проблеме;
- систематизация научных представлений, позволяющая описать признаки выделенных учеными категорий, отразить их связи и основные отношения;
- историко-функциональный анализ, ориентированный на изучение идей прошлого с учетом общей логики научного развития в рассматриваемый исторический период;
- историко-генетический анализ, предполагающий исследование научного наследия с учетом социально-исторических условий со второй половины XIX века по первое десятилетие XX века;
- сравнительно-исторический анализ, направленный на сопоставление взглядов исследователей толпы того времени с их последу-

ющим соотношением с релевантными идеями и подходами современной психологической науки.

Научную значимость данного исследования мы связываем с ориентацией на преодоление противоречий, во-первых, между увеличивающимся массивом эмпирических исследований социального влияния в стихийных объединениях и все более заметным отставанием в том, что касается концептуального обобщения накопленных данных, во-вторых, между явным наличием иррациональных аспектов в поведении толпы и устоявшимся подходом к ее изучению, выражающемся в сосредоточении на социально-когнитивных трактовках, в-третьих, между осознанием общественной значимости проблемы противодействия деструктивной активности стихийных объединений и отсутствием системности в изучении толпы, предполагающей, в числе прочего, анализ, обобщение и переосмысление научного опыта исследователей прошлых лет.

В работе над монографией использовались публикации из фондов Российской национальной библиотеки (СПб., ул. Садовая, 18), научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета (СПб., Университетская наб., 7/9), библиотеки Российской академии наук (СПб., Биржевая линия, 1), а также информационные ресурсы сети интернет, в частности, материалы «Books. google», «Gallica», «Gutenberg», «Internet Archive», «Mead Project», «Jstor», «Cambridge Journals Online», «Oxford Journals», «PsycARTICLES», «Elsevier».

Результаты исследования позволили уточнить содержание парадигм «психологического контагия», «стадного инстинкта» и «индивида в толпе», выявить их взаимосвязи, проследить ряд сторонних теоретических влияний, описать преимущества и ограничения подходов к пониманию феномена толпы. Дальнейшее изучение концептуальных предпосылок построения системно-структурного подхода к массовому поведению будет способствовать решению проблемы прогнозирования динамики социальных конфликтов.

1. ОБРАЗ ТОЛПЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ГИ ДЕ МОПАССАНА

В западноевропейских и российских исследованиях по проблематике толпы конца XIX века не имеется никаких упоминаний о вкладе в понимание феномена известного французского писателя Анри-Рене-Альбера-Ги де Мопассана (1850–1893). Нет оснований полагать, что это обусловлено применением «научного метода», потребовавшего приоритета ссылок на труды ученых — физиологов, психиатров, биологов, историков, социальных философов, криминалистов, статистиков и гипнологов. Дело в том, что имена многих других литераторов там присутствуют. В частности, Сципион Сигеле цитировал А. Габелли, А. Мандзони, Ф. Стендаля, Ж. Валлеса [Сигеле, 1893], Анри Фурниаль делал краткие выдержки из Г. Флобера, В. Гюго, М. Дюкана, Э. Золя [Fournial, 1892], Гюстав Лебон упоминал Ф. М. Достоевского, Д. Лесюэра, Ф. Коппе, П. Бурже [Лебон, 1896], Габриэль Тард писал о Ш. де Сент-Бёве, А. Ламартине, Ж. де Сталь, Г. Леру и др. [Тард, 1902], Паскуале Росси приводил слова Т. Гросси, Дж. Мадзини, С. Степняка, У. Фосколо и проч. [Rossi, 1898].

В отличие от перечисленных писателей и поэтов, Мопассан не ограничился мимоходными меткими зарисовками и отдельными обобщениями в адрес стихийных объединений. Его небольшое эссе «Толпа» было опубликовано в газете «Голуа» в марте 1882 г., перепечатано в под названием «Политическая философия» в газете «Жиль Блас» в апреле 1885 г. и после некоторого редактирования вошло в путевые очерки «На воде», впервые вышедшие в 1888 г. и не раз переиздававшиеся [Mahn, 1908]. Исследователи толпы могли не заметить газетных публикаций этого эссе, точно так же, как позже не обратили внимания на материал «Физиология толпы» в парижской газете «Le Temps» [Anonymous, 1886], заимствованный из британского журнала «Lancet». Однако возникают сомнения, что художественное произведение популярного писателя прошло совершенно незамеченным социальным окружением каждого из них.

Если в отношении Г. Лебона, выглядевшего живым воплощением характерного мопассановского персонажа [McClelland, 2005], у современных ученых могут иметься конкретные предположения о причинах отсутствия ссылок на труды ряда предшественников [Горбатов, 2019], то остается неясным, почему о вкладе Мопассана не упомянули иные исследователи толпы начального периода — вполне акаде-

мичный Г.Тард, скрупулезный в вопросах научной этики С.Сигеле, равнодушные к проблеме публикационного приоритета А.Фурниаль и П.Росси. Для ответа на этот вопрос рассмотрим ключевые составляющие образа толпы в творчестве писателя.

МАРИНИСТИКА ТОЛПЫ

Тема водной стихии занимает значительное место в произведениях Мопассана [Малишевский, 2014; Подлеснова, Торговкина, 2016]. При этом соответствующие образы выполняют не только функции конкретизации обстановки и выражения переживаний героев, но и нередко являются иллюстрациями к наблюдаемому писателем массовидному поведению. Толпа течет «по тротуарам ... как вздущившиеся потоки», вливается в здание «подобно воде, хлынувшей в ворота шлюза», образует на бульваре «два встречных течения, сливавшихся воедино», она струится, «точно полноводная река», кружится «людским водоворотом», накатывает многочисленными «человеческими волнами», предупреждает о себе звуком, напоминающим «отдаленный, глухой шум прибой» [Мопассан, 1958].

Надо заметить, что уподобления такого рода не были характерны для исследователей толпы начального периода. Как исключение, стоит сослаться на сравнение Г.Тардом человеческих масс с медленным течением рек, полными многочисленных водоворотов, и несущих свои воды без определенного русла, а также на его сопутствующий комментарий о том, что именно «гидравлические сравнения естественно напрашиваются всякий раз, когда заходит речь как о толпе, так и о публике» [Тард, 1902, 2].

Там же, где речь идет про опасности толпы, сходство мыслей Мопассана и первых исследователей феномена представляется неоспоримым. Находящемуся вне ее толпа способна причинить такой же вред, как шторм, обрушивающийся на судно или смывающий куски побережья. Но не меньшая угроза, выражающаяся в нивелировке личностных различий, утрате самоконтроля и попаданию под власть многолюдства, появляется перед тем, кто уже принадлежит ей: «он перестал быть человеком и сделался частью толпы. Его личная воля смешалась с общей волей, подобно капле воды, распустившейся в реке. Его личность исчезла...» [Мопассан, 1958, т. 7, 323].

АНИМАЛИСТИКА ЛИЧНОСТИ

Несмотря на то, что в ряде произведений Мопассана проявились отчетливо мизогинистические мотивы [Эрштейн, 2016], писатель избежал приписывания толпе негативных характеристик «фемининного начала», тенденции, свойственной многим представителям т.н. коллективной психологии того времени [Gorbatov, Baichik, 2019]. Для него толпа — не импульсивная, истеричная, иррациональная и внушаемая «женщина», а «грубое животное», «хищное чудовище», так как состоит из тех, кто на время утратил человеческую природу. Мопассан писал: «В душе каждого из них словно сорвался с цепи дикий зверь, тот отвратительный человек-зверь, который воет, буйствует, напивается, дерется, громит или убивает, как только его без намордника выпустят па волю, тот ужасный зверь, который поджигает, грабит и истребляет во время войны, гильотинирует во время революции и прыгает, обливаясь потом, в дни всеобщего веселья, одинаково страшный и в радости и в гнев» [Мопассан, 1958, т. 9, 254].

Не случайно в его описаниях толпа ведет себя в гнев «с каким-то скотским остервенением», в веселье «проявляет всю свою скотскую тупость», чуть что, «начинает реветь, как зверинец, полный взбесившихся диких зверей», испытывает «хищные желания», двигается «как стадо неуклюжих животных, случайно выпущенных на свободу», от нее несет «запахом скотины, запахом стада», ей на время «дают свободу, как псу», при первой возможности она показывает окружающим «всю буйную звериную натуру этих людей» [Мопассан, 1958].

Почему толпа такова? В числе ключевых «философем» творчества Мопассана выделяют тезисы о непреодолимом влиянии животных инстинктов на поведение и о неодолимой, атавистической по своей природе жажде убийства, скрытой в глубинах психики [Салем, 2006]. Не в меньшей степени эти тезисы оказались свойственны авторам первых теорий толпы, желающим объяснить, каким образом то или иное сочетание процессов заражения, внушения и подражания оказалось способным кардинально изменить базовые установки личности, превратить ранее рационального индивида в послушный автомат, подтолкнуть к поступкам, прежде казавшимся преступными или бессмысленными. Мопассан предпочитал говорить только об одном из этих механизмов — заражении [Мопассан, 1958, т. 1, 271;

т. 7, 324], а когда хотел подчеркнуть высокую степень его воздействия на личность, то об опьянении [Мопассан, 1958, т. 7, 324; т. 9, 32]. Отметим, что применение концепта «опьянение» в этом контексте было присуще С.Сигеле, А.Фурниалю, П.Росси. Так или иначе, писатель и последующие ученые сходились в том, что во власти толпы стереть поверхностный налет цивилизации, обнажив неприглядную природу глубин человеческой души.

ИДИОСИНКРАЗИЯ К ТОЛПЕ

Нервы Мопассана чрезвычайно раздражал шум многолюдных собраний, какофония возгласов, криков, свиста, брани, крикливых, пронзительных, визгливых и зычных звуков, издали сливающихся в невнятный рокот, но вблизи вполне различимых. Особую антипатию ему внушал «запах толпы, сладковатый и тошнотворный запах грязного тела, жирных волос и чеснока, этот запах чеснока, который жители Юга распространяют вокруг себя через рот, через нос и через кожу» [Мопассан, 1958, т. 7, 320]. Одорическая лексика, связанная с толпой, неизменно негативна. Так, в другом месте он писал про то, как «от толпы шел смешанный запах хлеба, молока и навоза, сена и пота, едкий, неприятный запах скотины и человека, присущий жителям деревни» [Мопассан, 1958, т. 3, 243].

Непереносимость нахождения в скопище для него настолько велика, что иногда высказывается мнение о принципиальной разнице между восприятием этого феномена Мопассаном и первыми исследователями толпы. Там, где он испытывал, главным образом, брезгливое отвращение, последние сосредоточились на тревоге перед сочетанием кровожадной силы, иррациональной дикости и сумасшествия [Harris, 1990]. Нет сомнений в том, что западноевропейские исследователи стихийных объединений конца XIX века (за исключением убежденного социалиста П.Росси) во многом были мотивированы коллективными страхами перед деструктивной активностью угнетенных масс [Barrows, 1990; McClelland, 2005]. Однако неверно полагать, что отношение Мопассана к толпе лишено специфического оттенка страха.

В его произведениях (например, в новелле «Ужас») встречаются емкие описания немотивированной коллективной агрессии. В дру-

гих случаях показана вполне равнодушная реакция народной массы на исторические катаклизмы (в рассказе «Государственный переворот»). Однако чаще Мопассан рисовал толпу, которая мирно флианговала по парижским бульварам, суетилась на всемирной выставке 1889 г., веселилась на деревенских праздниках, заполняла гамом театры или наслаждалась публичными торжествами в качестве зевак. Но даже самая «счастливая толпа, где женщины красивы, а мужчины богаты, и которая живет только ради туалетов и удовольствий» [Мопассан, 1958, т. 2, 345] пугала возможностью внезапной утраты личностного начала и превращения из самостоятельно мыслящего существа, художника и творца, в элемент толпы.

Он писал об эффекте заразительности каждого всеобщей глупостью скопища, о том, что чужое любопытство способно овладеть любым членом толпы как опьянение, о легкости распространения на всех буйного помешательства, нелепости необдуманных общих порывов, растерянности тех, кто, «вернувшись домой, спросит себя, что за бешенство, что за безумие охватило его, внезапно заставив изменить своей природе и своему характеру, и как мог он уступить этому хищному побуждению» [Мопассан, 1958, т. 7, 323]. Велика, по его мнению, власть стихии многолюдства. За отвращением писателя к толпе скрывался подлинный страх перед нею: «Я не могу бывать в театре, не могу присутствовать на публичных торжествах. Я сразу чувствую странное, невыносимое недомогание, ужасное нервное раздражение, словно мне приходится 'напрягать всю свою силу для борьбы с неотразимым и таинственным влиянием. И я действительно борюсь с душой толпы, пытающейся проникнуть в меня» [Мопассан, 1958, т. 7, 321].

ДУША ТОЛПЫ

Исследователи толпы конца XIX века воспринимали ее не в качестве неопределенного множества совместно действующих индивидов, но как совокупный субъект деструктивной активности. Один из них считал для такого субъекта наиболее подходящим выражение «душа толпы», которая «больше расположена ко злу, чем к добру» [Сигеле, 1893, 23, 41], другой называл его «одной колоссальной личностью, где тысячи лиц сливаются как бы в один смутный облик»

[Тард, 1893, 4], третий предпочитал говорить об образовании «коллективной души», «подчиняющейся закону духовного единства толпы» [Лебон, 1896, 163], четвертый писал о «единой душе» и «особом существе, способном интенсивно чувствовать и действовать, но лишенном понимания» [Fournial, 1892, 14, 23], пятый — «о гигантском теле, состоящем из множества умов и сердец, обладающим коллективной душой» [Rossi, 1898, 9].

Споры некоторых из них о приоритете в трактовке сущности стихийных объединений [Горбатов, 2019] теряют смысл при ознакомлении с предшествовавшими их трудам мыслями французского писателя о том, что из разрозненных людей образуется «некое особое существо, наделенное собственной душой, новым и общим для всех способом мыслить», фактически, выступающее как «огромная коллективная индивидуальность», в которой растворяется каждый, на время становясь не более чем «мельчайшей частицей огромной и странной личности, личности толпы» [Мопассан, 1958, т. 7, 322, 323].

Какова она — «душа толпы»? Рассуждения писателя о том, что она умеет лишь чувствовать, но не рассуждать [Мопассан, 1958, т. 7, 323; т. 9, 42] предвосхитило соответствующий тезис А. Фурниаля. Но, если Мопассан ссылаясь на бытующее выражение, то выпускник лионской военно-санитарной школы взял за основу теорию своего учителя А. Лакассаня о типах преступников, различающихся активностью частей мозга [Fournial, 1892, 23]. Комментарии писателя о выраженной нивелировке личности в толпе, независимо от исходных различий людей в умственных способностях, нравственном развитии, воспитании, верованиях, предрассудках «в силу одного только факта совместного пребывания» [Мопассан, 1958, т. 7, 322] удивительно напоминают как по содержанию, так и по стилю аналогичные пассажи Г. Лебона. Определенное сходство между ними просматривается и в описании воздействий на толпу. Но если Мопассан сперва процитировал лорда Честерфилда, а затем сделал беглый исторический экскурс, то Г. Лебон ограничился только последним, представив его итоги в качестве плодов собственных размышлений.

Особо стоит отметить, что Мопассан опередил представителей коллективной психологии в двух ключевых для этой отрасли знаний методологически некорректных постулатах — в противопоставлении рациональности индивидов, взятых в отдельности, с нерациональностью тех, кто вошел в состав толпы, а также в допустимости переноса

характеристик, приписываемых в соответствии с «духом времени» стихийным объединениям, на всю социальную сферу. В частности, он писал: «Качества умственной инициативы, свободы суждения, мудрой рассудительности и даже проникновенности, свойственные человеку в одиночестве, обычно пропадают, как только этот человек смешивается с множеством других людей» [Мопассан, 1958, т. 7, 322]. Нет сомнений в том, что под этой фразой подписались бы С. Сигеле, А. Фурниаль, Г. Лебон и Г. Тард. Не встретило бы никаких возражений с их стороны, готовых распространить свойства уличной толпы на коллегия присяжных, парламентскую комиссию, театральную публику или академическое собрание, следующее замечание писателя: «то, что я сказал о толпах, должно быть применено к обществу в целом, и тот, кто хотел бы сохранить абсолютную цельность своей мысли, гордую независимость своего суждения, кто хочет смотреть на жизнь, на человечество и на мир как свободный наблюдатель ... тот должен был бы совершенно устранить себя от так называемых светских отношений» [Мопассан, 1958, т. 7, 324].

По замечанию С. Берроуз, работы исследователей толпы конца XIX века основывались на синтезе идей многочисленных предшественников, в процессе которого описания заменялись теоретизированием, а наблюдения дополнялись доступными данными из естественных и социальных наук [Barrows, 1990]. Проблема в том, что, оставаясь в рамках художественного творчества, Г. де Мопассан сформулировал те же самые умозаключения о природе стихийных объединений, к которым несколько позже пришли итальянские и французские ученые, рассматривавшие толпу как объект исключительно научного анализа.

Итоги сопоставления текстов позволяют выделить лишь четыре несомненных отличия в воззрениях на толпу Мопассана и первых исследователей феномена — писатель не затрагивал аспекта преступности стихийных объединений, избегал, как отмечалось, «модного» в ту пору приписывания толпе «фемининного начала», не представил психологического «портрета» вожаков и проигнорировал потенциал концепции гипнотизма в трактовке их влияния на ведомых.

Сходство остальных идей оказалось настолько велико, что ссылки на Мопассана, фактически, изрядно преуменьшили бы значение вклада каждого из последующих ученых. Разумеется, писатель изложил многое из того, что буквально «носилось в воздухе», проскальзывало в газетных заметках и публицистических брошюрах, встречалось в рассказах очевидцев, упоминалось в исторических трудах и художественных произведениях современников. Но если, при всем различии жанров, плоды его творчества могли конкурировать с продуктами новейших для того времени научных изысканий, возникали резонные сомнения в качестве последних.

2. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ТОЛПЫ В ТРУДАХ ИППОЛИТА ТЭНА

В совокупности публицистических, научных и художественных публикаций, оказавших заметное влияние на становление первых теорий толпы, особое место занимает многотомник Ипполита Адольфа Тэна (1828–1893) «Происхождение современной Франции» [Тэн, 1907]. Известный историк, социальный философ, психолог, искусствовед и литературный критик непосредственно не разрабатывал теории стихийных социальных объединений, однако не мог проигнорировать роль толп в бурных событиях Великой французской революции. Содержащиеся в его работе яркие примеры, меткие комментарии, убедительные, хотя подчас и тенденциозные обобщения, наложили несомненный отпечаток на восприятие толпы последующими учеными.

Показательно, что Г.Лебон, неохотно признававший заслуги предшественников, с пиететом писал о нем: «самый замечательный из современных историков», «наш великий историк», «великий мыслитель», «великий философ» [Лебон, 1896]. Для этого имелись основания. И.Тэн опередил Г.Лебона в изображении французского национального характера, описании специфики народного воображения и изложении приемов манипулятивного воздействия на толпу; намного раньше Г.Тарда отразил природу революционных «сект» и проследил процессы формирования общественного мнения; задолго до С.Сигеле сделал акцент на антропологических характеристиках активного «ядра» масс и указал на эффект уменьшения интеллектуального потенциала общественных собраний из-за взаимного заражения; предвосхитил трактовку Л.Н.Войтоловским взаимоотношений толпы и ее вожаков; наконец, больше чем кто бы то ни было из числа первых исследователей стихийных объединений уделил внимание значению голода, безработицы, народной нужды в развитии социальных конфликтов.

Рассмотрим особенности психологических воззрений Ипполита Тэна на революционные события, обращая особое внимание на проявления в них феномена стихийных социальных объединений.

ПСИХОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИИ

К работе над «Происхождением современной Франции» И.Тэн обратился под впечатлением Парижской коммуны и поражения во Франко-прусской войне в надежде внести вклад в защиту страны от новых политических потрясений [Richard, 2013]. Как отмечал В.И.Герье, его целью являлось не написание учебника по истории французской революции, но психолого-историческое исследование закономерностей формирования революционного духа от этапа ожидания социальных перемен до актов коллективного безумия времен торжества якобинцев и последующего восстановления государственности. Именно поэтому большее внимание им уделялось настроению различных слоев парижан перед крушением монархии или социальной принадлежности и мотивации «сентябрьских убийц», чем многочисленным военным кампаниям или активности дипломатов [Герье, 1911].

Показателем того, что неоконченное произведение, повествующее об отдаленном прошлом, приобрело злободневный характер, стала реакция представителей политических течений на публикацию очередных томов. Как отмечал Э.Кантеро, в восприятии современников Франция разделилась на «тэнистов» и «антитэнистов». Так, легитимисты, приверженцы династии Бурбонов, негативно оценили «Старый порядок», республиканцы всех мастей обвинили автора в недобросовестности и предвзятости после выхода в свет «Анархии», «Якобинского завоевания», «Революционного правительства», бонапартисты увидели очернительство в «Новом порядке» [Cantero, 2007]. На стороне И.Тэна выступали все те, кого пугали явные аналогии между давними событиями и текущей социальной ситуацией [Тесля, 2017], в диапазоне от либеральных сторонников идеи общественной эволюции до идеализирующих прошлое реакционеров.

В своих письмах французский мыслитель неоднократно подчеркивал, что в гуманитарных и социальных науках психология должна выполнять ту же роль, что механика — в науках физических. В частности, история способна предоставить психологии массив материала, а психология, в свою очередь, должна быть готова предложить ей арсенал теоретических инструментов, обеспечивающих понимание преобразований индивидов, социальных групп и всего общества в рамках исторического процесса [Richard, 2013]. Иначе говоря, в про-

тивовес «ораторской, патриотической историографии» того времени, ориентированной на апологию всей революции или ее отдельных партий и персон [Герье, 1911], он стремился выявить психологические факторы, определяющие поведение людей и развитие событий.

Для раскрытия психологизма исторических воззрений И.Тэна, возможно, вначале стоит обратиться к фразе, которую без особых на то оснований приписывают Т.Карлейлю или, реже, О.Бисмарку: «Всякую революцию задумывают романтики, осуществляют фанатики, а пользуются ее плодами отпетые негодяи». Автор «Происхождения современной Франции» уделил внимание каждой из названных категорий, но в применении к феномену толпы для нас важнее первые и вторые, чем третьи.

Согласно И.Тэну, принципиальной ошибкой проектировщиков революции, кабинетных идеалистов и доктринеров, стало неверное представление о природе человека. В реальности оказалось, что это не рациональное существо, помышляющее об общественном благе и склонное к добросердечию, а «животное, очень близкое к обезьяне, вооруженное клыками, хищное и плотоядное млекопитающее, когда-то людоед, впоследствии охотник и воин. Отсюда в нем постоянный источник зверства, жестокости, инстинктов насилия и разрушения, к этому нужно прибавить... весьма странную потребность резвиться, дурачиться среди опустошений, которые он производит» [Тэн, 1907, т. 1, 173]. Таким организмом управляет отнюдь не разум, но физический темперамент, телесные потребности, унаследованные предрассудки, игра воображения, захватывающая страсть. Не столько речи политиков и социально-философские постулаты эпохи, сколько эти аспекты, с его точки зрения, нуждаются в изучении.

В последовавшем разгуле хаоса, анархии и безначалия И.Тэн выделял центральную фигуру — обобщенный образ революционеров-якобинцев, требующий психологической интерпретации. Постоянно перевозбужденные до экзальтации и нарочито грубые, фанатичные и деспотичные, властители новой Франции прежде всего являлись для него «людьми с поверхностным воспитанием, ничтожными познаниями и неограниченным честолюбием, души которых были искалечены и извращены софизмами или зачерствели от гордости или были убиты преступлениями, безнаказанностью и успехом» [Тэн, 1907, т. 4, 83]. Вскормленные догмой о всемогуществе государства, они видели вокруг тысячи врагов и миллионы тех, кого легко

заставить следовать за собой при помощи трескучих фраз, дерзкого напора и угроз конфискации и гильотиной. Удручающая простота черно-белого мышления, целеполагания, методов, морали отличала тех, кто в своих собственных глазах представлял не иначе как в образах «спасителей нации», «подлинных римлян» и «великих героев».

Характеризуя идеологию якобинцев, И.Тэн писал, что она предполагала подгонку всех и каждого под единый шаблон, согласно которому любой француз как некий «философский автомат желает свободы, равенства, народовластия, сохранения прав человека, соблюдения общественного договора, этого достаточно, отныне воля народа известна, она известна вперед, так что можно действовать, не спрашивая мнения граждан» [Тэн, 1907, т. 3, 13]. А если учесть, что носители таких идей вращались в тесном и замкнутом кругу, куда не могли проникнуть противоположные представления, и где предусматривались жесткие санкции за инакомыслие, многое становится понятным в душевной организации революционных сектантов.

Их вожди рисовались автором мрачными красками. Так, Марат, в трактовке И.Тэна, являлся не более чем буйным сумасшедшим, страдающим бредом величия, паранойей и маниакальной склонностью к преступлению, Дантон по темпераменту и характеру выступал в качестве подлинного варвара, политического мясника, руководствующегося первобытными инстинктами, а Робеспьер выглядел ограниченным догматиком, аскетом и напыщенным педантом, охотно принявшим на себя роль палача. Эти вожди, по И.Тэну, способны были повлиять прежде всего на тех, в чей мозг новые понятия проникли «в виде кратких, строго определенных формул, например: «Религия — суеверие; монархия — узурпаторство; все священники — обманщики; все аристократы — вампиры; все короли — тираны и чудовища». Подобные мысли, наполняя ограниченный ум точно огромный поток, вливающийся в узкое русло, производят в нем страшный переворот, ибо в данном случае не он управляет ими, а они поработщают его» [Тэн, 1907, т. 3, 37].

СВОЙСТВА ТОЛПЫ

Во многом находясь под влиянием И.Тэна, авторы первых теорий толпы наделили ее самыми негативными характеристиками [Сигеле,

1893; Тард, 1893; Fournial, 1892; и др.]. Проблема в том, что в предмет исследования французского ученого входили стихийные объединения, которые участвовали в интенсивном и продолжительном социальном конфликте. К методологически неоправданному переносу ключевых свойств революционной толпы на иные ее виды И.Тэн отношения не имел.

Каковы характеристики революционной толпы?

Согласно И.Тэну, она способна на быстрый переход от выражения пассивного протеста до совершения преступления, разумеется, если для этого предварительно создана социально-экономическая почва, сформировалась привычка к кровопролитию и, главное, толпа попала под власть экстремистов из революционной «секты». Развивая эту мысль, Г.Тард позже писал о том, что по отдельности группы политических экстремистов и протестующие толпы не представляют собой социальной опасности. Однако все меняется при их объединении, «Секты — это дрожжи толпы... достаточно слабой закваски злости для того, чтобы поднялось огромное тесто глупости» [Тард, 1902, 175–176].

Так как мышление этого «колоссального существа» отличается примитивностью и некритичностью, на первый план в понимании реальности выходит работа воображения: «по одному признаку, по одному слову оно строит свои воздушные замки или фантастические тюрьмы, и мечты кажутся ему столь же основательными, как и действительность» [Тэн, 1907, т. 1, 277]. Под влиянием коллективной фантазии мимолетные подозрения толпы переходят в полную уверенность, опасения доходят до отчаяния, а иллюзии страстно принимаются за истины.

Многочисленность собравшихся в сочетании с анонимностью и отсутствием личности ответственности порождают в толпе чувство всемогущества, требующее своего выражения в разрушении и кровопролитии. «Чем более полно, радикально и быстро разрушение, — писал И.Тэн об участниках массового террора, — тем большее имеешь ощущение своей силы. Каково бы ни было препятствие, не хочешь ни отступить, ни остановиться, разрушаешь все преграды, называемые людьми здравым смыслом, человечностью, справедливостью и при этом чувствуешь удовольствие. Разрушать и укрощать становится громадным наслаждением» [Тэн, 1907, т. 4, 137].

Вслед за И.Тэном Г.Тард отнес к основным свойствам толпы такие неожиданные, на первый взгляд, характеристики как тщеславие,

самолюбие и высокомерие, в выраженности которых «народные скопища не уступали любому африканскому деспоту» [Тард, 1893, 4]. Многие он заимствовал и из описаний И. Тэнном влияния салонных разговоров на общественное мнение и последующее поведение толпы [Тард, 1902]. Характеризуя в русле своего предшественника процессы растворения личности в народной массе и доминирование общей воли над индивидуальной, Г. Лебон почти буквально повторил фразу о песчинке «среди массы других песчинок, вздымаемых и уносимых ветром» [Лебон, 1896, 171]. Не менее высоко Г. Лебоном была оценена мысль о том, что толпа несет на себе отпечаток не только социального класса, но и расы составляющих ее индивидов. С. Сигеле, основываясь на ряде зарисовок И. Тэна и приведенных им свидетельств очевидцев, сформулировал тезис о преимущественной предрасположенности толпы к злу, агрессии и преступлению [Сигеле, 1893]. А. Фурниаль попытался развивать суждения, сделанные своим знаменитым предшественником, о воздействии на стихийные группы климатических и погодных условий [Fournial, 1892]. Все упомянутые исследователи приводили в своих работах мысли, уже высказанные ранее И. Тэнном, об импульсивности толпы, ее переменчивости, легковерии, доминировании эмоций над разумом, а также о процессах заражения в ней, подчас достигающих масштаба социальной эпидемии.

ВОЖАКИ ТОЛПЫ

Представители коллективной психологии конца XIX — начала XX вв., как правило, провозглашали безграничность власти лидеров стихийных социальных объединений над мыслями, чувствами и действиями ведомых [Горбатов, Большаков, 2015]. В качестве исключения следует упомянуть лишь Л. Н. Войтоловского, утверждавшего, что не вожаки управляют толпой, а, напротив, толпа подчиняет их своей воле, наделяя временным авторитетом для выражения общих чувств и актуальных желаний [Войтоловский, 1912]. Изучение «Происхождения современной Франции» дает основания полагать, что в этом отечественный исследователь выступил последователем И. Тэна. В частности, тот писал: «Чтобы командовать ими, им нужно повиноваться, и их руководители всегда будут их орудиями ... сама шайка всегда ведет. Она всегда будет привязана, без всякого уваже-

ния к своим прежним патронам, к тому, кто больше всех будет по-такать ее распушенности... и как только вожак будет не в курсе дня, они разобьют его как препятствие или отбросят его как ненужную вещь» [Тэн, 1907, т. 3, 197].

Опираясь на документы и суждения очевидцев, И.Тэн предвосхитил трактовку социальной принадлежности лидеров стихийных объединений сторонниками антрополого-криминалистического подхода в коллективной психологии [Сигеле, 1893; Тард, 1893; Fournial, 1892; и др.]. Согласно его выводам, научная новизна которых была отмечена историками [Герье, 1911], вожаками уличных толп неизменно становились маргиналы общества — «контрабандисты, фальшивые монетчики, браконьеры, нищие... бездомники, преступники, разыскиваемые судами, дикие отчаянные бродяги, сбегавшиеся как волки, когда почуют добычу. Они-то и служат исполнителями и руководителями частной и народной мести... Они теперь стали вождями, так как при всяком сборище во главе становятся самые смелые и наименее совестливые» [Тэн, 1907, т. 2, 14–15]. Их узнают по «дикому облику», «странному акценту», «рваным отрепьям», но главное — «по их действиям, по стремлению разрушать ради разрушения» [там же]. Они становятся верными союзниками толп, временами выплескивающихся из Конвента и якобинских клубов под руководством фанатиков и доктринеров. Тех и других объединяет, по мнению И.Тэна, готовность к проявлению самой грубой силы, злоупотреблению кровопролитием и террором в желании продлить свою власть над чувствами и умами. «Переходящее всякие границы и ничем не сдерживаемое своеволие, непоколебимая вера в свои права и полное презрение чужих прав, энергия фанатика и тактика злодея — вот средства, дающие меньшинству перевес над большинством», — констатировал он [Тэн, 1907, т. 3, 39].

Как и последующие исследователи толпы, И.Тэн не видел принципиальной разницы в приемах социального влияния, применяемых в отношении завсегдатаев уличных сборищ, депутатов и зевак в парламентских собраниях, членов политических клубов или иных объединений. Во всех подобных случаях, по его мнению, оказываются полезны «эффектные звонкие фразы, где выставляются упрощенные, подтасованные и подделанные по желанию факты, словом, хмельное вино, отличное для разогревания энтузиазма» [Тэн, 1907, т. 5, 20]. Безудержно льстить, стараться влиять на чувства, а не на рассудок,

повторять одно и то же самым авторитетным тоном, использовать лозунги вместо рассуждений, апеллировать к низким и пагубным страстям, подпитывать работу народного воображения ложными обвинениями, сомнительными известиями и внушаемыми иллюзиями — такова, по мнению И.Тэна, беспроигрышная тактика ораторов в эпоху общественных неурядиц. Следует подчеркнуть его несомненное влияние на Г.Лебона в разработке гипнотической модели коммуникации вожаков толпы.

Вот, например, как автор «Происхождения современной Франции» характеризует речи одного из якобинцев: «У Сен-Жюста нет никакой логики, никакой последовательности, он топчется на месте, нанизывая друг на друга эффектные афоризмы, догматические аксиомы. Фактов в своих речах он никаких не приводит, он клеветает вполне очевидно, нагло, как базарный шарлатан на своей эстраде, он даже не старается придать своим клеветам тень правдоподобности... Своими властными фразами он наносит мощные удары» [Тэн, 1907, т. 4, 123]. Однако не только в этом И.Тэн видит секрет успеха вожака толпы. Он обращает внимание на то, что выступления подобных ораторов неизменно сопровождалась активностью крикливых клерков, наемных или бескорыстных «фабрикантов энтузиазма», а также групп единомышленников, готовых насилием подавить протесты идейных оппонентов.

Что же касается их противников, то у них «нет физической мощи, которая может покорить этот бунт, нет грубого шарлатанства, который бы его очаровал и обманул, нет остроумия Скапена, который бы его рассмешил, нет крепкого лба, жестов бойца, глотки крикуна, одним словом, нет тех ресурсов энергичного темперамента и животной хитрости, которые одни способны отвратить ярость сорвавшегося с цепи зверя» [Тэн, 1907, т. 1, 118]. До тех пор, пока власть имущие не научатся конкурировать с вожаками толпы на их поле, активно защищаться и нападать, пропагандировать идеи и заражать энтузиазмом, они обречены на повторение однажды сделанных ошибок.

Согласно И.Тэну, дальнейшее развитие общественной жизни невозможно без свободы самореализации личности. С одной стороны,

для нее представляет опасность бюрократическая машина государства, исподволь стремящаяся унифицировать граждан под один шаблон, нивелировать личностные различия, превратив людей в полуавтоматы, способные к согласованным свыше действиям. С другой стороны, ничто так не подавляет личность как власть толпы, срывающая с нее налет цивилизации, заражающая чужими эмоциями, эксплуатирующая потаенные страхи и побуждающая к импульсивным реакциям антисоциального характера.

Существенность вклада И. Тэна в исследования стихийных социальных объединений неоспорима. В то же время он выступил основоположником, как минимум, трех тенденций, остановивших развитие коллективной психологии уже в середине 30-х гг. XX века [Reicher, Potter, 1985; Stott, Drury, 2016; Горбатов, Байчик, 2018; и др.]. Имеются в виду попытки неоправданной патологизации бунтующей толпы, стигматизации ее вожakov [Schleicher, 2011], а также использование понятия расового начала для интерпретации причин ее деструктивной активности, концептуально чрезвычайно сомнительного [Whalen, 1999; Richard, 2013], но вполне соответствующего предубеждениям того времени.

3. ВЛИЯНИЕ УЧЕНЫХ-НАТУРАЛИСТОВ НА ИССЛЕДОВАНИЯ ТОЛПЫ

В исследованиях психологии толпы конца XIX — начала XX вв., по замечанию С. Барроуз, не имеется принципиально новых положений, отсутствовавших в трудах многочисленных предшественников — историков, литераторов, социальных философов, криминалистов и физиологов — за исключением разве что попытки распространения концепции гипнотизма на стихийные социальные объединения [Barrows, 1990]. Однако нет оснований полагать, что во многих других исследовательских областях этап становления научного знания происходил принципиально иначе, начинаясь не со систематизации и обобщения накопленного ранее знания. Развитие уже имеющихся представлений о феномене толпы, встречавшихся подчас в довольно фрагментарном виде в мемуарах очевидцев, художественных произведениях и научных работах иной проблематики, в первых публикациях, посвященных психологии стихийных объединений, сопровождалось привлечением разнообразного и, добавим, не всегда релевантного материала из интенсивно развивающихся в то время областей науки.

Среди подобных заимствований число ссылок на ученых-натуралистов сравнительно невелико. В частности, С. Сигеле и, вслед за ним, А. Фурниаль и Г. Тард, характеризуя процессы массового заражения, описывали наблюдения А. Эспинаса за поведением ос, предупреждающих рой об опасности, а, подчеркивая влияние численности особей на выраженность агрессии, приводили в качестве доказательства опыты А. Фореля по изоляции от других сражающихся муравьев. У Л. Н. Войтоловского, помимо Фореля и «постоянно цитируемой работы Эспинаса» [Войтоловский, 1904, 27], упоминаются описания насекомых А. Руже и жестокие эксперименты с животными А. Сиеля. Н. К. Михайловский, определяя мимикрию в животном мире как аналог феномена подражания в человеческом, ссылался на наблюдения Г. У. Бэтса за обитателями бассейна Амазонки и на опыты Ф. А. Пуше по влиянию на цвет рыб изменений окраски дна водоема [Михайловский, 1896]. В работе П. Росси встречаются имена микробиолога Л. Пастера, зоолога Ф. Вейсмана, эволюционистов А. Уоллеса и М. Ваккаро, естествоиспытателя Э. Геккеля и др. [Rossi, 1898].

Однако В. А. Вагнер, единственный профессиональный натуралист из числа первых исследователей толпы, критично воспринимал попытки своих коллег при выявлении сущности стихийных социальных объединений найти подходящую опору в сведениях о природе [Вагнер, 1905]. Неприемлемыми для сколько-нибудь серьезного исследования российский ученый считал ссылки Н. К. Михайловского на описания Н. Мальбраншем и И. Лафатером случаев появления у новорожденных тех травм, нанесение которых их матери могли наблюдать накануне родов, присутствуя при публичной казни. Точно так же он оценивал как неправомерные цитирования С. Сигеле [Сигеле, 1893, 36; 56] и другими исследователями А. Эспинаса, у которого осы, действуя в духе отчетливого антропоморфизма, «в гневе вылетают и жалят своих врагов», или А. Фореля, наблюдавшего, как заключенные в общий сосуд муравьи «только что сражавшиеся одни против других, сделались друзьями».

По мнению В. А. Вагнера, при обращении к трудам натуралистов типичной ошибкой современных ему исследователей толпы явилось некорректное сопоставление психических процессов человека и животных без учета того, на какой ступени эволюции они находятся. Так, способность к подражанию, являющаяся сложным психическим актом, в принципе, не может быть характерна для беспозвоночных. Соответственно, представления Н. К. Михайловского об участии некоего «психологического фактора» в явлениях мимикрии насекомых и растений не имеют под собой научной почвы. Столь же нелепыми казались ему отсылки С. Сигеле при описании «рокового закона психического мимизма», позволяющего перенять в толпе «нравственную окраску от окружающих», на тех низших животных, которые копируют оттенки окружающей среды. В итоге, исследователь констатировал: «К природе и ее явлениям надо подходить иначе, чем они это делают: у нее надо учиться, ее надо спрашивать и уметь понимать ее ответы. Экскурсии в эту аудиторию с готовым ответом на вопрос и желанием подыскать что-нибудь подходящее для иллюстрации готового ответа к решению задачи не приведут» [Вагнер, 1905, 153].

Оценивая влияние авторитета ученых-натуралистов на исследователей толпы конца XIX — начала XX вв., сосредоточимся на тех моментах, которые, возможно, сыграли свою роль в том, что научная традиция изучения стихийных объединений, заложенная в работах

Н.К.Михайловского, Г.Лебона, С.Сигеле, Г.Тарда и др., не сохранилась до нашего времени.

Вначале отметим декларации заимствования основного подхода к рассмотрению природных феноменов. Анализируя виды толпы, Г.Лебон призывал «поступать, как натуралист, начинающий с описания общих признаков, существующих у всех индивидов одной семьи, и затем уже переходящий к частностям, позволяющим различать виды и роды этой семьи» [Лебон, 1896, 164]. Проблема в том, что если в процессе подобной деятельности случайное принимается за типичное, временное — за неизменное, а второстепенное — за существенное, то открывается простор для самых произвольных интерпретаций. Именно это произошло при построении Г.Лебоном теории психологических различий рас. Не меньшие негативные последствия искаженное применение принципа «от общих признаков к частным» имело в психологии стихийных социальных объединений того времени.

Во-первых, сторонники парадигмы коллективной психологии неоправданно расширили границы базового понятия, включив в категорию толп всевозможные социальные объединения (секты, собрания, коллегии, сословия, классы и проч.). Это было сделано на основании того, что в тот или иной момент в них может возникать «основополагающий» признак — единство действий, мыслей и чувств, описываемый как «душа толпы». При этом специфика деятельности того или иного объединения, выраженность в нем структур управления, степень сформированности общих норм, встроенность в систему социальных отношений и прочие характеристики априори считались менее существенными.

Во-вторых, субъективизм в приписывании стихийному объединению тех или иных признаков в качестве атрибутивных стал причиной искаженного восприятия психологической природы феномена. При этом характеристики такого рода далеко не в полной мере совпадали у различных исследователей. Например, Г.Лебон считал, что «одухотворенная» толпа обладает такими неизменными чертами как доминирование расового бессознательного, импульсивность поведения, изменчивость эмоций, преувеличенность переживаний, предельная раздражительность, повышенная внушаемость, нетерпимость к инакомыслию, консерватизм установок, интеллектуальная деградация. Помимо этого он постулировал выраженность в поведении толпы «женского», «дикарского» и «звериного» нрава [Лебон,

1896]. Многие из этого перечня повторялось другими исследователями. Вместе с тем В.К.Случевский в качестве базовых выделял только четыре свойства толпы, а именно: чрезвычайную возбудимость, моноидеизм как господство одной идеи или чувства над любыми другими, поразительное легковерие и склонность к жестокости в действиях [Случевский, 1893а]. Г.Тард, в свою очередь, приписывал этой «колоссальной личности» характеристики тщеславия, деспотичности, неустойчивости настроения, отчужденности от сограждан, фанатизма, склонности к коллективному безумию, а также не только умственной, но и нравственной регрессии [Тард, 1893, 4].

В-третьих, серьезной методологической ошибкой стало рассмотрение активности толпы в изоляции от сложившегося ситуативного контекста взаимодействия с противостоящими ей в данный момент силами и общего социального, экономического, политического контекста, в котором она являлась одной из сторон обычно продолжительного межгруппового конфликта [Горбатов, Байчик, 2018]. Если минералы, растения или животных на ранних этапах развития науки можно было изучать взятыми по отдельности, вне непосредственного природного окружения, то подобный взгляд на стихийное социальное объединение создавал искаженную картину. Он послужил основанием того, что все проблемы исходят исключительно от патологической, примитивной, иррациональной и деструктивной толпы. Таким образом, по отношению к ней могло считаться «научно» оправданным чуть ли не любое насилие со стороны властей, а ее требования не должны были восприниматься как заслуживающие внимания.

Интересно, что Г.Лебон, считая возможным опираться на «описательный метод натуралистов», видел его ограничения в том, что среди явлений, доступных естествоиспытателям «мы не находим нравственных сил, а между тем, эти силы и составляют истинные пружины истории» [Лебон, 1896, 160]. Однако очевидно, что интерпретация проявлений таких сил, осуществлявшаяся убежденными консерваторами Г.Лебоном и В.К.Случевским, либералами Н.К.Михайловским и П.Росси, социалистами Л.Н.Войтоловским и И.И.Добровольским или далекими от политических баталий Г.Тардом и В.А.Вагнером, была во многом различной.

Но и при обсуждении тех вопросов, где политические предпочтения не могли играть особой роли, тезисы различных исследователей толпы вступали в противоречия. Например, Г.Лебон, ссылаясь

на обстоятельные наблюдения исторических фактов, писал, что «социальные организмы столь же сложны, как и организмы всех живых существ» [Лебон, 1896, 150], тогда как Г. Тард уверенно провозглашал: «даже самые совершенные формы социальных организмов, какие только известны, всегда обладают значительно низшей организацией, чем те живые существа, из которых они слагаются» [Тард, 1893, 9].

Аналогично, многие из них критически воспринимали мысль Г. Спенсера, что свойства социального целого определяются свойствами составляющих индивидов. Однако далее начинались субъективные расхождения. С. Сигеле утверждал, что речь никак не может идти об «алгебраической сумме» характеристик элементов подобного целого. Г. Тард полагал, что когда социальные элементы разнородны, то их свойства вполне могут суммироваться, а если однородны — то даже взаимно умножаться. П. Росси настаивал на том, что если элементы схожи, тогда следует говорить о сумме или об умножении их свойств, если же они различны, то в «математических» преобразованиях свойств не обойтись без учета их знаков — соотношений «плюсов» и «минусов».

Провозглашая свою приверженность эволюционному подходу, большинство исследователей толпы того времени придерживались доктрины атавизма, постулирующей неизбежность проявлений элементов психики, унаследованных от животных предков. Как формулировал В.К. Случевский: «в каждом живет зверь, действия которого сдерживаются нравственными мотивами, частью прирожденными, частью же развитыми путем воспитания» [Случевский, 1893а, 33]. Власть толпы создает условия к тому, чтобы психические начала такого рода, прежде прочно скрываемые «в тайниках человеческой души, вне сферы сознания» [там же, 36], проявили себя со всей полнотой.

Никем из авторов теорий стихийных объединений конца XIX века не подвергалось сомнению, что, с одной стороны, стихийная группа способна придать внутренним импульсам своих членов особую силу и, с другой стороны, кардинально уменьшить сопротивление им, характерное для личности в обычных условиях жизни. Однако постулат о проявлениях звериного начала человеческой души, вполне разделяемый Г. Лебоном, Г. Тардом, С. Сигеле и многими другими, встретил ряд возражений. Так, Н.К. Михайловский в статье «Еще о толпе» иронично заметил: «Ныне вошло в большую моду сваливать все беды на злую природу человека, унаследованную им

от далеких предков... Как и всякая мода, она скоро пройдет» [Михайловский, 1896, 451]. «Не пора ли отказаться от установившейся дурной привычки походя, на каждом шагу, вспоминать наших почтенных прародителей и делать их ответственными за наши собственные изъяны? — вторил ему И.И.Добровольский, — Выходит ведь очень похоже на то, что для известной категории ученых наш прародитель, двуногий «дикий зверь», играет совершенно ту же роль, что «лукавый» для темной, невежественной массы» [Д-ов, 1894, 155].

Критики использования доктрины атавизма для объяснения поведения толпы видели основную проблему в недооценке социально-экономических факторов. Но это не означает того, что они не соглашались с заимствованием у ученых-натуралистов самой идеи унаследованных инстинктов. По замечанию И.И.Добровольского, животные впадают в раздражение от укусов мошкары, но не из-за наличия «диких предков». Согласно Н.К.Михайловскому, люди склонны подчиняться авторитету не из-за глубинной памяти, полученной от тех, кто уступал соплеменнику, на редкость «энергически» дравшемуся палкой. В их понимании, унаследованные инстинкты определяют диапазон возможного поведения толпы, но не являлись первопричиной ее деструктивной активности.

По-видимому, одной из причин, по которой в середине 30-х гг. прошлого века произошло падение научного интереса к первым теориям стихийных социальных объединений, стала последовательная опора их авторов на концепцию инстинктов человека. Современные исследователи истории психологии [Леонтьев, Федорович, 2019; Горбатов, Большаков, 2017; Сериков, 2015; и др.], ссылаясь на смысловую неопределенность концепта инстинкта, отмечают его непригодность для объяснения и прогнозирования социального поведения. Достаточно указать на несовпадения итогов попыток ученых прошлых лет соотносить инстинкт, как унаследованное внерассудочное побуждение, с понятиями рефлекса, навыка, эмоций, воли, опыта, привычек и т.п., на затрудненность различения унаследованных элементов поведения от приобретенных на ранних этапах онтогенеза или на невозможность получения однозначного ответа на вопрос, какое количество инстинктов присуще человеку.

При этом анализируемый концепт, на первый взгляд, объясняющий многое в психологии стихийных объединений, в реальности не объясняет почти ничего. Если членам толпы присущи одинаковые

инстинкты, то из этого неясно, почему они кардинально отличаются по степени своей активности в выражении общих мыслей и чувств. Более того, при изучении проблемной ситуации возникают сомнения в том, что эти чувства и мысли, действительно, являются общими. Наконец, получается, что одни и те же инстинкты делают некоторых лидерами, других — ведомыми, а третьих — жертвами массовой агрессии или оставляют вне границ влияния толпы.

Подведем некоторые итоги. Известно, то в понимании психологии толпы ее первые исследователи взяли многое у современных им писателей, историков и социальных философов. Правомерно ли тогда связывать ошибки при изучении стихийных объединений с преимущественным влиянием представителей естествознания? Формулируя положительный ответ, отметим, что именно обращение к наследию ученых-натуралистов XIX века позволило авторам теорий толпы того времени перейти на «научную» трактовку тех интерпретаций и наблюдений за стихийными объединениями, которые можно было обнаружить в продуктах художественного творчества, мемуарах и научных публикациях самой разной проблематики.

Заимствованные подходы натуралистов, а не многочисленные, но разрозненные констатации историков и философов в большей мере способствовали появлению ряда методологических заблуждений. В частности, тех, для которых характерно избыточно широкое соотнесение феномена с различными группами, в т.ч. и более высокого уровня организации, субъективизм в определении «неотъемлемых» свойств толпы, а также рассмотрение стихийных объединений самих по себе, в изоляции от социальной жизни. Не оправдала ожиданий и доктрина психического атавизма, описывающая пробуждение в условиях толпы инстинктов, унаследованных на предшествовавших ступенях эволюции. Не случайно дальнейшее развитие теории стихийных объединений потребовало использования социально-психологических конструкций (деиндивидуализации поведения, формирования норм, групповой поляризации, социальной идентичности, самокатегоризации и др.).

4. Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ И В. К. СЛУЧЕВСКИЙ — ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ТОЛПЫ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

В конце XIX века представители российской общественной науки сформулировали объяснения массового поведения, не уступавшие трактовкам признанных европейских исследователей. Каким образом толпа влияет на личность, а личность на толпу? Что усиливает или уменьшает такое влияние? Насколько существенные изменения личность претерпевает в толпе? Чем толпа отличается от других социальных объединений? Является ли склонность к преступлению органически ей присуща? Как управлять толпой? Каким образом не стать ее жертвой? В ответах на эти вопросы были заинтересованы не только государственные деятели, правоведы и военные, революционеры и служители правопорядка, но и широкая публика, пытающаяся осмыслить текущие социальные изменения и, тем самым, подготовиться к предстоящим.

ТЕОРИЯ «ГЕРОЕВ И ТОЛПЫ» Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО

Публицист, социолог и литературный критик Н. К. Михайловский (1842–1904) проанализировал природу стихийных объединений в нескольких работах, в первую очередь, в статьях «Герои и толпа» (1882) и «Еще о толпе» (1893), вошедших в прижизненное собрание сочинений [Михайловский, 1896].

Бессознательное подражание как феномен гипнотического порядка, характерное для толпы, согласно Н. К. Михайловскому, имеет ближайшими аналогами влияние публичных казней на рост преступлений, психические эпидемии, серии самоубийств, массовые религиозные движения средневековья, появления стигматов.

С заметно меньшей мерой обоснованности тезис о подражании был распространен на мимикрию насекомых, рыб и млекопитающих, овец и коз библейского Иакова, воспроизводивших в приплоде пестроту предметов, подброшенных в поилку, или случаи рождения изломанных младенцев женщинами, за несколько дней (!) до этого пришедших в ужас от работы палача. В то же время он резко крити-

ковал Г.Тарда, который обнаружил в подражании чуть ли не универсальную константу мироустройства [Tarde, 1890], проигнорировав то, что данный феномен существует в контексте социальных факторов, обуславливающих мотивы выгоды, нравственной обязанности, тщеславия, соревновательности, страха наказания и др. Все это не дает оснований полагать, что «прививая себе оспу, мы подражаем Дженнеру, применяя паровую машину, подражаем Уатту, ездя в Америку, подражаем Колумбу» [Михайловский, 1896, 396].

Отказываясь видеть в подражании определяющий фактор общественной жизни, Н.К.Михайловский напоминал, что влияния лжемессий на древних евреев, средневековые крестовые походы или экспансия арабских мусульман имели свои экономические, политические, нравственные и иные основания, игнорировать которые при анализе исторических событий недопустимо. В то же время и без процессов подражания, иной раз совершенно непреодолимой силы, дело, очевидно, не обходилось. Именно они «обращали людей в автоматы и заставляли их повторять все, что проделывал перед ними какой-нибудь «герой» в нашем условном смысле слова» [там же, 132]. Однако как именно и при каких условиях это происходит, констатировал автор, до сих пор остается невыясненным.

Отмечая своеобразную таинственность проявлений изучаемого феномена, Н.К.Михайловский писал, что иногда охваченный им человек подражает палачу, т.е. совершает убийство, а иногда — казненному преступнику, например, готовясь пострадать за политические убеждения. В тех же случаях, когда подражание толкает кого-либо на самоубийство, дело подчас доходит до того, что акт расставания с жизнью происходит при той же обстановке, в том же месте, тем же самым орудием. И если удастся изменить, казалось бы, незначительные ситуативные факторы, то тенденция прерывается так же внезапно, как и начинается. Именно это произошло в 1772 г. в парижском доме инвалидов, когда в темном коридоре пробиты дополнительное окно и сняли крюк, на котором за короткое время до этого повесилось пятнадцать человек. Аналогично, стоило Наполеону I выпустить приказ, наполненный напыщенными фразами о воинской храбрости, и распорядиться сжечь караулку, успевшую стать излюбленным местом для желающих застрелиться, как повторения самоубийств сошли на нет.

Эффект подражания задолго до Н.К.Михайловского описывался многими историками, юристами, медиками, литераторами, непо-

средственными очевидцами событий. Несомненной заслугой российского исследователя является попытка сопоставить внушение и подражание, описав специфику психологической природы последнего, а также проанализировать условия готовности к копированию поведения в общественной жизни. В более широком смысле, вклад Н.К.Михайловского заключается в попытке преодоления раздробленности современного ему знания о социальности человека и, в частности, «человека толпы» посредством обращения к психологии как систематизирующей фундаментальной науке.

«Ключом» к пониманию подражания для него стали описания гипнотических состояний, сделанные Ганzenом, Гейденгайном, Шнейдером и другими «магнетизерами», а также наблюдения д-ра Кашина за проявлениями «омеряченья», нервного расстройства, получившего в то время распространение в Якутии и Забайкальском крае. В обоих случаях имело место как «автоматическое повиновение» поступавшим приказаниям, так и «автоматическое подражание» действиям и словам (эхопраксия и эхолалия). Разница между этими двумя формами поведения, согласно Н.К.Михайловскому, заключается не более чем в степени подавленности сознания: «Повинующийся автомат способен воспринимать приказание, которое до сознания автомата подражающего не доходит» [там же, 168]. Иначе говоря, непреодолимой границы между податливостью словесному внушению и имитационностью действий не существует: одна форма может переходить в другую, и тот, кто ранее еще мог безвольно выполнять команды, в дальнейшем терял способность понимать сказанное и лишь повторял увиденное или услышанное.

Как следствие, подражание для него, во-первых, всегда выступает в качестве бессознательного, «мимовольного» процесса, отличаясь тем самым от преднамеренного заимствования элементов понравившегося поведения, во-вторых, имеет аналогичную гипнотической физиологическую основу, предполагающую совершение рефлекторных движений на фоне временного подавления активности коры мозга, в-третьих, возникает в результате тех же условий, которые обычно целенаправленно создаются в процессе гипнотизирования или сами по себе складываются в случае «омеряченья».

Предпосылкой для эффективного гипнотического воздействия в самых разнообразных его формах — от «балассирования» лошадей до экспериментов с людьми — является, как отмечал Н.К.Михайлов-

ский, односторонняя концентрация сознания на слабых и равномерно повторяющихся раздражениях органов чувств: «гипнотик... начинает жить однообразной жизнью и, очень быстро исчерпав самого себя, превращается в выеденное яйцо, которое собственного содержания не имеет, а наполняется тем, что случайно вольтется в него со стороны» [там же, 159]. Но то же самое, утверждал он, происходит с человеком в условиях крайней скудости красок, звуков и форм, однообразия пищи, промыслов и интересов, вынужденной обособленности существования, характерных для регионов, где получило распространение болезненное «омеряченье». Немногим отличалась от этого и повседневная жизнь европейского средневековья, когда толпы, по Н.К. Михайловскому, только и ждали того, кто их захочет возглавить.

Характерно это и для солдатской службы, где люди вынуждены постоянно иметь дело с несложной комбинацией зрительных, слуховых, осязательных впечатлений, повторяя до автоматизма реакции. Не случайно военные, «гипнотизируемые самой жизнью», отличаются склонностью к повиновению. И подчас им не достает только примера для того, чтобы склонность к массовому подражанию проявила себя во всей полноте.

Сама же толпа воспринималась им как «податливая масса, готовая идти «за героем» куда бы то ни было и томительно и напряженно переминающаяся с ноги на ногу в ожидании его появления» [Михайловский, 1896, 146]. При этом роль «героя» отводилась ситуативному лидеру — тому, кто увлекает примером, первым «ломает лед», делая один шаг, которого невольно ожидают другие, чтобы слепо последовать за ним. Далеко не всегда он противопоставлен толпе в качестве «великого человека», но, напротив, сам является «человеком толпы», в котором сконцентрированы ее силы, чувства, инстинкты, желания.

Этический компонент, личные качества и мотивация инициатора совместных действий не принимались за существенные. Так, по утверждению Н.К. Михайловского, не имеет значения, из каких соображений действует «герой» — храбрости или трусости, ненависти или тупого повиновения. Более важными представлялись конкретные проявления «героического» поведения, позволившие исследователю перейти от субъективных трактовок «меры величия» в духе Т. Карлейля к постановке, а потом и к частичному разрешению задачи по выявлению «механики отношений между толпой и тем человеком, которого она признает великим» [там же, 99].

В этом смысле «героями» равно могут считаться «пьяный зверь» Василий Андреев, первым занесший удар архиерею Амвросию в разгар чумного бунта 1771 г.; Бланка Кастильская, демонстративно начавшая ломать дверь в монастырскую темницу для того, чтобы освободить крестьян; безвестный ротный командир, поднявший солдат в самоубийственную атаку; драгун из романа Л.Н.Толстого, с «искаженным злобой лицом» опустивший тупой палаш на голову не им выбранной жертвы, словом, любой человек, возглавивший толпу хотя бы на мгновение.

Почему же толпа проявляет склонность к подражанию? Ответ можно найти в одной из последующих публикаций, где автор упомянул о своеобразном «обаянии», секрет которого в «резком, энергическом» действии [там же, 404]¹. В силу этого герой увлекает за собой других к дурному или хорошему, бессмысленному или разумному. При этом он вольно или невольно ведет себя как «магнетизер, делающий гипнотический опыт» [там же, 189]: на фоне однообразных впечатлений, создавших условия к образованию скученной массы, поражает ее восприятие, вызывает концентрацию сознания на своих действиях при отвлечении от прочих особенностей ситуации.

Следует констатировать, что гипнотическая модель коммуникации в толпе, разработанная Н.К.Михайловским в рамках идеи подражания ситуативному «герою» оказалась достаточно перспективной. Одни из последующих исследователей данного феномена независимо от него пришли к похожим представлениям [Лебон, 1896; Сигеле, 1893; Тард, 1893; и др.], другие мыслили в рамках очерченной парадигмы [Обнинский, 1893; Резанов, 1910; Случевский, 1893а], третьи активно полемизировали с ним [Безсонов, 1907; Вагнер, 1905; Войтоловский, 1925а], развивая собственные подходы.

¹ Примечательно, что понятие «обаяния» (prestige) использовали С.Сигеле и Г.Лебон, что объясняется влиянием предшествующих работ, посвященных т.н. «нравственной заразе» (contagion morale). Не новым было и применение эпитета «энергический». Так, по отношению к вожаку толпы его можно найти в статье 1876 г. В.Х.Кандинского. Тем не менее, научный приоритет Н.К.Михайловского в построении того, что позже стало парадигмой «психологического контагия», представляется неоспоримым: разрозненные наблюдения и обобщения в трудах по психиатрии, гипнологии, истории, философии и юриспруденции впервые приобрели определенную последовательность в его публикациях.

Принципиально важная часть теории отечественного исследователя сохранила свое значение вплоть до настоящего времени. Во всяком случае, нет сомнений в том, что процессы бессознательного подражания играют существенную роль в стихийной группе, а инспирируемые ими проявления конформности, подчинения авторитету и деперсонализации поведения подчас могут принимать чрезвычайную выраженность. По-своему прав был Н.К. Михайловский, когда писал: «одинокий человек и человек в толпе — это два совсем разных существа. До такой степени разных, что, зная человека, как свои пять пальцев, вы, на основании этого только знания, никаким образом не можете предсказать образ действия того же человека, когда он окажется под влиянием резкого, энергического примера» [там же, 106–107].

КОНЦЕПЦИЯ «ЗВЕРИНОГО НАЧАЛА ТОЛПЫ» В. К. СЛУЧЕВСКОГО

Обронив в одной из своих работ фразу «всемирно известно, что психология толп была создана Лебоном» [Московичи, 47], современный французский ученый заметно отклонился от истины. С точки зрения хронологии, труду Г.Лебона предшествовало не менее полудюжины книг и статей, большинство из которых давно не упоминается в перечнях научных источников по проблематике стихийных социальных объединений. Бойкость пера и безудержность полета мысли популярного автора заслонили вклад в психологию толпы многих из его современников. Одним из них был известный юрист, профессор уголовного права В.К. Случевский (1844–1926), который в двух номерах журнала «Книжки недели» (1893) опубликовал статью «Толпа и ее психология», вызвавшую общественный интерес.

В первой части он сосредоточился на сущности толпы как особом социальном организме, образующимся на почве единства мыслей, чувств и симпатий. В качестве ее важнейших характеристик В.К. Случевский выделил возбудимость по ничтожным поводам; моноидеизм как господство одной идеи или чувства, поглощающее все душевные силы; легковерие или некритичность отношения к самой себе и окружающей обстановке; склонность к искажениям восприятия вплоть до коллективных галлюцинаций; крайнюю жестокость и разрушительность действий.

Как следствие, попадая под влияние толпы, «человек перестает быть вполне нормальным субъектом, он изменяет часто тем обычным свойствам, которые характеризуют его в будничной жизни; он делается таким же возбудимым, легковерным и односторонним в своих суждениях и чувствах, как и сама толпа, и легко превращается в такого же зверя, как она» [Случевский, 1893а, 35].

Однако другие исследователи высказали по этому поводу ряд возражений. В частности, Н.К.Михайловский объяснил акцентирование внимания В.К.Случевского на жестокости толпы шокирующим впечатлением от холерных беспорядков начала 90-х гг. XIX века [Михайловский, 1896]. В.М.Бехтерев связал жестокость с высокой возбудимостью толпы, т.е. признал ее производной от иного признака [Бехтерев, 1921]. Д.Д.Безсонов, также усомнившись в неперемнной жестокости толпы, указал, что ее легковерие является следствием господства устоявшейся идеи, а не самостоятельным признаком [Безсонов, 1907]. А.С.Резанов счел возможным констатировать, что каждое из этих свойств (за исключением моноидеизма) выделено произвольно и голословно [Резанов, 1910].

Что же касается свойств частных, отличающих одни толпы от других, то В.К.Случевский отнес к ним те, которые возникают в силу влияния на окружающих отдельных личностей, а также обусловленные отпечатком национального характера, духом эпохи и особенностями социально-экономического уклада.

Любопытно, что в категорию частных свойств автор анализируемой концепции включил один из признаков толпы, который Г.Тард, напротив, посчитал принципиально значимым. Речь идет о «коллективном самолюбии», «крайней гордости и тщеславии» [Тард, 1893]. Согласно В.К.Случевскому, указанная метаморфоза обусловлена тем, что значительное большинство из состава толп принадлежит к низшим слоям населения, живущим в условиях борьбы за существование. Неудовлетворенные потребности в признании и уважении в ситуации общественного противостояния получают гипертрофированную реализацию: «Он, этот совсем невидимый человек нагнал на всех страх. Перед ним преклоняют колени и простирают руки потерпевшие, прося его пощады или защиты. Он — полный господин положения... Это ли не обстановка для увлечения, для того, чтобы потерять всякое самообладание!» [Случевский, 1893а, 38].

Характеризуя различия между причинами и поводом к массовой агрессии, автор отметил, что в качестве последнего может выступить любое событие, совершенно не релевантное как имеющимся предпосылкам, так и трагическим последствиям. Так, например, один из ожесточенных погромов начался с разбитой и неоплаченной рюмки в кабаке; холерный бунт вспыхнул во всей разрушительной силе после попытки перевезти больную в клинику; военные беспорядки последовали за дерзким выкриком из строя и т.п. Конкретный повод не важен в тех случаях, когда «накопившиеся в массе идеи и чувства требуют разрешения, и это последнее ожидает лишь внешних условий для своего проявления. Как при одинаково настроенных струнах удар по одной струне вызывает общее их дрожание, так и в толпе, отдавшей одному влечению, ничтожное и случайное обстоятельство заставляет... индивидуумов подражать друг другу» [там же, 17].

По его мнению, в подобных ситуациях вожаками толпы становятся любые лица, активнее других выражающие общие идеи и чувства. В частности, женщины или дети, легче попадая под влияние непосредственного окружения и ситуативных переменных, подчас начинают играть несвойственную им определяющую роль. Что же касается тех, кто не находится под влиянием импульса к немедленным действиям, то они, пришедшие «только посмотреть», своим присутствием придают толпе больше веса и силы, а следовательно, и готовности действовать.

Сравнительно большее внимание, чем его западноевропейские современники, В.К.Случевский уделил социальным факторам, создающим основу для духовного единства толпы. Тягость условий жизни того времени и надежда на скорые изменения собирали приверженцев Разина или Пугачева, надвигающаяся холера будила суеверия и обостряла недоверие к представителям иных сословий, общее обнищание переносило тяжесть неразборчивого народного гнева с ростовщиков и содержателей питейных домов на случайные жертвы — единство в мыслях и переживаниях невозможно без определенной почвы.

Большого внимания заслуживают мысли российского юриста о том, что в социальной психологии XX века получило наименование «посылов к агрессии» [Berkowitz, 1969], тех особенностей ситуации, которые на фоне фрустрации, ассоциируясь с насилием, «запускают» закрепленный паттерн агрессивного поведения. В частности, восприятие страданий, вид крови, трупов, оружия, по мнению В.К.Слу-

чевского, действуют на толпу самым возбуждающим образом. Одну из жертв массовой агрессии погубил невольно вырвавшийся жалобный крик, другую — униженные мольбы, третью — не вовремя выпавший из кармана револьвер. Аналогично, толпу погромщиков «звон битого стекла, разлетающиеся по воздуху перья из распоротых перин, крики «Ломай! Бей!» и тем более вид крови, страданий и смерти электризует... и заставляет развивать страшную стихийную разрушительную силу» [Случевский, 1893а, 35]. Под впечатлением такого рода импульсов, ломающих последние барьеры на пути «кровожадного инстинкта», толпа переходит от убийств к глумлению над трупами, бессмысленному уничтожению домашних животных и разрушению до основания жилищ своих жертв.

Рассуждая о том, почему человек способен меняться в толпе вплоть до забвения нравственных ориентиров, он ссылался на то, что вне сферы сознания, в тайниках души скрывается «звериное начало», просыпающееся в благоприятных условиях: «Кто только в мыслях своих, самопроизвольно возникших и затем бесследно исчезнувших за отсутствием потребной для их дальнейшего развития почвы в личных его свойствах, не совершал тяжких преступлений или, по крайней мере, не желал наступления таких событий, для осуществления которых он никогда не решился бы приложить руку!» [там же, 37].

Такое суждение со времен Т.Гоббса сохраняло востребованность в общественных науках (например, [Сигеле, 1893, 63–65]) и не менее своих альтернатив было пригодно для объяснения индивидуальных различий при определении меры виновности и степени ответственности участников массовых беспорядков. А это для правоведа В.К.Случевского имело особое значение.

Анализируя во второй части статьи собственно юридические аспекты проблемы массовых преступлений, автор утверждал, что сознание и воля не уничтожаются до степени, освобождающей от уголовного преследования.²

² Эта точка зрения характерна для юристов того времени. Автор лишь одной публикации [Обнинский, 1893] выразил сомнение в необходимости наказания вдохновителей толп, разрушающих больницы и избивающих врачей. По его мнению, невежественная и обезумевшая от страха толпа лишь защищалась, поверив слухам, что «господа, чтобы не отдавать крестьянам ... своих земель, задумали морить народ: из подозрительной трубы пускают они в него холерную шмару; доктора и полиция ими подкуплены; ... живых засыпают известкой и кладут в гробы; отравляют реки

По крайней мере, зачинщики беспорядков, те, кто примером, криками и действиями увлекал других на путь преступлений, подлежат взысканию по всей строгости законов. В отношении же пассивного элемента более целесообразным окажется прощение прошлой вины, ибо толпа опасна только до тех пор, пока она существует. Среди способов противодействия массовому насилию он выделил три аспекта: предупреждения, пресечения и уголовного преследования.

Диапазон мер предупреждения, по его мнению, чрезвычайно широк: «все, способное отвлечь толпу от давления того чувства, на котором она сосредоточилась, и способное благотельно повлиять на нее, освободив личность слившегося с толпой человека от гнета, от угроз и возбуждаемого ею страха, — все это должно быть применимо» [Случевский, 1893б, 18]. Рассуждая о том, что не существует никаких универсальных рецептов, автор, помимо традиционной тактики уговоров и запугиваний со стороны властей, отмечал уместность обращения к нравственному и религиозному чувству собравшихся, а также высоко оценивал роль умело брошенного в толпу острого словца или находчивого действия, начиная от своевременной демонстрации портретов государя до подкупа водкой (!).

В отношении мер пресечения массовой агрессии российский юрист, ссылаясь на закон от 3-го октября 1877 г., регламентировавший применение военной силы для подавления беспорядков, писал: «если меры убеждения и успокоения толпы не найдены, то необходимо прибегнуть к самым крайним способам действия для того, чтобы сдержать осуществление преступных инстинктов толпы. Дикая зверь вышел из клетки, стихийная сила перешла тот рубикон, за которым создается опасность для личности, общества и государства и начинается ряд преступных действий, вредные последствия которых невозможно даже предусмотреть» [там же, 21]. Надо заметить, что в этом его позиция не отличалась от рассуждений С. Сигеле и Г. Тарда о допустимости любых способов защиты общественного порядка от агрессивной толпы.

В том, что касается уголовного преследования за преступления, совершенные в составе толпы, автор выделил несколько значимых

и колодцы; строят какие-то холерные бараки и в них разводят холеру; заготавливают багры и крючья, чтобы таскать туда здоровых людей; а никакой холеры нет, а если бы и пришла, то противиться божьему изволению грех» [Обнинский, 1893, 4–5].

проблем юридического характера. Во-первых, далеко не всегда суд способен обоснованно отделить виновных от соучастников, свидетелей или потерпевших, хотя бы потому, что в толпе «жертвами насилия могут сделаться и те, и другие, и третьи» [там же, 15]. Во-вторых, гораздо проще осудить, к примеру, лиц, разрушивших здание, но не всегда очевидна вина тех, кто снабдил их нужным инструментом, уничтожил отнесенный в сторону материал, каким-то образом затруднил действия правоохранителей или ограничился лишь выражением одобрения разрушителям. В-третьих, перед судом нередко предстают только те, кого задерживали целыми группами в спешке, сгоряча. Среди них преобладают пассивные элементы толпы, отставшие от ее ядра или не сопротивлявшиеся аресту, тогда как подлинники «коноводы смуты» ускользают. В-четвертых, подсудимые, в прошлом попавшие под влияние толпы, в ожидании приговора пребывают уже в ином состоянии — подавленности и раскаяния, не представляя больше угрозы для общественного порядка.

Констатируя, что законодательство Российской империи позволяет распространить ответственность за содеянное на любого человека, примкнувшего к толпе (за исключением невменяемых по болезни лиц), В.К.Случевский настаивал на том, чтобы судебная власть в своих действиях исходила из приоритета общественной пользы и справедливости. С его точки зрения, уголовная кара должна распространяться только на тех, кто играл руководящую роль и своим примером увлекал других на путь преступления. Что же касается остальных, на время поддавшихся чужому влиянию, то «уголовно-политические соображения могут побудить желать не столько наказания лиц, понявших уже безумие своих действий, сколько забвения совершенного» [там же, 16].

Рассуждая о значимости гуманизма и христианского милосердия «в наше склонное к озлоблению время» [там же, 18], известный правовед не мог подозревать о том, что несет для России грядущий «век толп». Его концепция оказала заметное влияние на развитие представлений о стихийных объединениях в отечественной общественно-научной мысли, но время существования самой этой традиции оказалось непродолжительным. Когда же после долгого перерыва российские исследователи вновь обратились к изучению толпы, вклад В.К.Случевского в данную проблематику остался в ряду несправедливо забытых.

5. СЦИПИОН СИГЕЛЕ И АНРИ ФУРНИАЛЬ — ПИОНЕРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ТОЛПЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В 90-е гг. XIX века представители образованного общества, обеспокоенные процессами индустриализации, сопровождаемыми увеличением численности и активности пролетарских масс, распространением социалистических и анархистских идей, помнившие недавние времена Парижской коммуны, не могли удовлетвориться прежними разрозненными наблюдениями и комментариями относительно буйства народной стихии.

Если в России первой публикацией по уличной толпе стала серия из трех объемных статей 1882 года [Михайловский, 1896], то для западного читателя этот феномен впервые получил относительно целостное отражение в двух весьма небольших заметках — анонимной публикации в британском медицинском журнале «Lancet» (1886), перепечатанной с сокращениями парижской газетой «Le Temps» (1886) и в кратком эссе Г. де Мопассана в газете «Голуа» (1882), позже еще раз опубликованном под названием «Политическая философия» в «Жиль Блас» (1885). Подлинными пионерами зарубежных исследований толпы выступили в Италии — начинающий юрист С. Сигеле (1891), а во Франции — будущий военный врач, энтузиаст судебной медицины А. Фурниаль (1892).

Анализ природы стихийных объединений рассматривался ими как предпосылка к решению вопросов сугубо юридического свойства — о степени вменяемости, вины и ответственности за массовые преступления. Оба исследователя являлись приверженцами нового для того времени антрополого-криминалистического подхода позитивистской ориентации, предусматривавшего отказ от отвлеченных рассуждений о преступных деяниях в пользу естественно-научного изучения самих преступников в совокупности их биологических, физиологических, психических черт [Вульфферт, 1887]. При этом они принадлежали к конкурирующим направлениям. Сигеле разделял теорию Чезаре Ломброзо о существовании заведомо неисправимых «прирожденных преступников», выделяющихся атавистической телесной конституцией и ущербной психической организацией. Фурниаль мыслил в русле идей Александра Лакассаня, подчеркивавшего

роль социальной среды как «питательного бульона» для дремлющих душевных аномалий [McClelland, 1989].

Рассмотрим содержание вклада данных исследователей в понимание стихийных объединений, сложившееся к началу XX века, а также то, насколько их воззрения представляют интерес с позиций сегодняшнего дня.

ПЕРВЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ТОЛПЫ

Сципион Сигеле (1868–1913), потомственный законовед, начинающий преподаватель уголовного права, активнейший участник ирредентистского движения, добивавшегося возвращения территорий с преобладанием итальянского населения, опубликовал первое издание книги «Преступная толпа. Опыт коллективной психологии» сразу после получения ученой степени в римском университете. В скором времени появились ее переводы на французский, немецкий, английский, русский, испанский, польский языки [Gallini, 1988]. Ни одна из последующих работ ученого, в том числе посвященных той же проблематике, не приобрела такой популярности. Несомненно ее влияние на восприятие толпы Г.Лебоном, Г.Тардом, П.Росси, Э.А.Россом, а также российскими исследователями Д.Д.Безоновым, В.М.Бехтеревым, Л.Н.Войтоловским, В.К.Случевским и мн. др.

Анри Фурниалу (1866–1932) книга по толпе, напротив, не принесла особого признания и не обеспечила академической карьеры, и он почти сразу пропал из поля зрения научной общественности [Rubio, 2010]. В большинстве современных трудов по данной проблематике его имя без рассмотрения идей по существу помещается в конце списка более известных исследователей того времени. Показательно, что при этом автора поспешно характеризуют как криминалиста [Lazzari, 2016], психолога [McClelland, 1989], начинающего антрополога [Чиркова, 2010]. Однако из биографии А. Фурниала [Frachette, 1986] мы узнаем, что будущий ветеран многих колониальных конфликтов Третьей республики и мировой войны, закончивший службу в генеральской должности главного медицинского инспектора, в дальнейшем великий офицер (*grand officier*) Почетного легиона в 1891 г. окончил двухлетний курс военно-санитарной школы в Лионе. «Очерк по психологии толпы: медико-правовое рассмотрение коллективной

ответственности» [Fourrial, 1892] стал его выпускной квалификационной работой, выполненной под руководством главы французской школы судебной медицины и криминальной антропологии профессора А. Лакассаня. Учитывая интерес широкой публики к феномену толпы, издатели опубликовали ее сразу в Лионе и в Париже.

С. Сигеле резко охарактеризовал работу новоиспеченного военного врача как «истинное литературное пиратство» [Sighèle, 1898, 39]. Однако для этого нет оснований. В отличие от Лебона, зачастую синтезировавшего чужие идеи без указаний авторства [Barrows, 1990], А. Фурниаль многократно ссылался на итальянского предшественника. Анализ же тех случаев, где им при отсутствии ссылок пересказывались идеи, упомянутые или рассмотренные Сигеле, свидетельствует, что они последнему не принадлежат.

Во-первых, обе книги «родились на одной почве». Предельно негативный образ толпы в европейской науке сформировался под влиянием историков Великой французской революции А. Ламартина, Ж. Мишле, И. Тэна, А. Тьера, мемуаров современников, литераторов В. Гюго, Э. Золя, Г. де Мопассана, А. Мандзони, социальных философов Ж. де Местра, М. Нордау и др. Даже те из них, кто поддался очарованию идей или творцов бурных событий, неизменно описывали беспощадность и слепость человеческой стихии, рисовали толпу как чудовище, которое будучи разбуженным, не заснет вновь, пока не пресытится преступлением. В подобной метафоричности, по замечанию С. Бэрроуз, проявилась коллективная рационализация страхов политической, экономической, культурной и научной элиты конца XIX века перед необратимыми социальными изменениями [Barrows, 1990].

Во-вторых, весьма схожа была логика доказательств. Действуя в духе доктрины позитивизма, тот и другой автор пытались обосновать свои ключевые положения ссылками на специалистов в области физиологии, психиатрии, криминальной статистики, гипнотизма. Однако недостаточность данных этих наук вынуждала их чаще прибегать к иллюстрирующим примерам, заимствованным из работ историков, литераторов, моралистов. В силу невольной аберрации сознания, свойственной антрополого-криминалистам, многие из подобранных примеров отличались заведомой односторонностью. Так, каждый из них не преминул описать линчевание взбунтовавшимися рабочими инженера Ватрена в 1886. Однако известно, что в тот период насильственные действия сопровождали не более чем десятую

часть массовых уличных шествий и лишь четыре процента от общего числа забастовок [Bellamy, 2003].

В-третьих, следует учесть и то, что при интерпретации глубинных процессов, происходящих в толпе, Сигеле и Фурниаль видели одно и то же, в равной мере опираясь на теорию подражания Г.Тарда. Согласно основателю психологического направления в социологии, роль, подобная той, которую в биологии выполняет наследственность, а в физике — молекулярное движение, во всех аспектах социальной жизни принадлежит непрерывному копированию поведения, суждений, образа жизни, технологий, верований и желаний. Тотальность для социума и имманентность для личности, приписываемые этому феномену Г.Тардом, придавали даже «изобретению» тесную связь с подражанием. Если «общество — это подражание» [Tarde, 1890], то иные механизмы социального влияния в толпе принимали по отношению к нему однозначно подчиненный характер. Внутреннее, известное по трудам гипнологов, становилось одним из возможных условий подражания, а эмоциональное, моральное и ментальное заражение, описанное психиатрами того времени [Aubry, 1888], — его следствием. Соответственно, когда Сигеле предпочитал говорить о подражании и внушении, а Фурниаль — о подражании и заражении, для читателей разница оказывалась несущественной.

ТОЛПА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Выделение толпы в качестве нового объекта исследований, прежде всего, предполагало указание на признаки, отличающие ее от разрозненного множества лиц, связанных лишь местом и временем присутствия. По Фурниалю, появление толпы способно вызвать любое событие, поражающее восприятие внезапностью или интенсивностью. Возникающее индивидуальное возбуждение требует обмена с окружающими впечатлениями, мыслями и переживаниями. Тогда в силу подражания и зарождается «безликое существо», на основе общих чувств и идей сплавляющее воедино прежде разрозненные индивидуальности. Толпа начинает думать и действовать как один человек. Согласно Сигеле, степень отождествления личностей при этом становится столь велика, что новообразование допустимо именовать как «душа толпы».

Каковы ее свойства? Используя представления своего учителя о трех типах преступников, различающихся сравнительной активностью частей мозга, Фурниаль писал, что толпа «затылочная, теменная, но никогда не лобная» [Fournial, 1892, 23]. Иначе говоря, она способна с пугающей интенсивностью чувствовать и действовать, но не рассуждать. При этом толпа нередко бывает опасна, но не всегда злонамеренна. С точки зрения Сигеле, социальное объединение самым пагубным образом действует на добрые чувства: «Толпа — это субстрат, в котором микроб зла развивается очень легко, тогда как микроб добра умирает почти всегда, не найдя подходящих условий жизни» [Сигеле, 1893, 42].

По его мнению, тому множество причин:

- злорадность, стремление нанести вред другим, более активна по своей природе, чем пассивное добродушие, неделание никому зла;
- те, кто активно добры, наталкиваются на превратное истолкование мотивов, слышат обвинения в трусости, предательстве и часто отступают под угрозой санкций;
- восприятие выражений гнева через выражение лиц, энергии жестов, интонации возгласов одних усиливает аналогичные эмоции у других;
- принявшие вид разгневанных и ожесточенных исключительно из соображений внешней подстройки под окружающих, начинают переживать эти чувства, так как реальные душевные состояния тесно связаны с их внешними выражениями;
- «нравственное опьянение», при котором пропорционально численности в толпе усиливаются до абсолюта чувства могущества и безнаказанности;
- атавистический «кровавый инстинкт», опьянение кровью, криками жертв, выстрелами, звуками разрушений;
- чрезмерное количество алкоголя;
- ожесточенность бедноты, составляющей большинство уличных толп, из-за своего социально-экономического положения;
- влияние на толпу вожakov, портрет которых рисовался темными красками: «Преступники, умалишенные, дети умалишенных, алкоголики, вообще социальная грязь, лишенная всякого нравственного чувства и развращенная преступлением, — составляли самую главную часть бунтовщиков и революционеров. Примешайте к легкомысленной и повинующейся всякому толчку толпе

этих личностей, — они и сообщат ей ее жестокость и сумасшествие» [Сигеле, 1893, 69–70].

Сигеле допускал, что проявления самоотречения, добродетели, героизма возможны в толпе под влиянием отдельных вожаков, но встречаются чрезвычайно редко. Скорее, ее непостоянство будет принято неискушенным наблюдателем за милосердие, а жестокость — за смелость. Зато в том, что касается состояния интеллекта толпы, итальянский исследователь был категоричен. Более того, вслед за писателем А.Габелли и философом М.Нордау он считал, что любое собрание — суд присяжных, парламентская ассамблея, научный совет или художественная комиссия — способны выдать решения нелепые и бессмысленные, уступая по интеллектуальным характеристикам любому из своих членов. Позже в книге «Интеллект толпы» Сигеле дал методологически неосновательное объяснение, в частности, ссылаясь на то, что интеллект отличается от чувств отсутствием адекватного внешнего выражения. Поэтому слушатели способны подняться до степени гнева, ненависти или мужества оратора, но не могут сравняться глубиной ума, да и «природе» этого не требуется: «...достаточно, чтобы был гений, но недостаточно, чтобы только один был героем. Нужен Гарибальди и тысяча героев, чтобы выиграть сражение. Тысяча Гарибальди бесполезна» [Sighele, 1903, 11]. Заметим, что и Г.Тард оказался в этом вопросе не чужд поверхностным умозаключениям, полагая, что собрание почти всегда уступает индивиду, так как по сложности и эластичности своей структуры не сравнится с устройством мозга, «этой несравненной армии нервных клеточек, которую каждый из нас носит в своей голове. Хорошо сотворенный ум стоит выше парламента» [Tarde, 1893, 352].

Этот тезис позже сыграл определенную роль в чрезмерной генерализации Г.Лебоном, Л.Н.Войтоловским и др. понятия толпы, его некритичном распространении на иные объединения — от политических и религиозных сект до социальных классов. Вызвал он и многочисленную критику с позиций несоответствия обоснований элементарному здравому смыслу [Горбатов, Большаков, 2015].

Надо сказать, что, в отличие от Фурниаля, Сигеле проявлял заметную склонность к некорректным обобщениям, формулируя то «роковой арифметический закон психологии» — нивелировки личности до среднего уровня собравшихся, то «закон психического мимизма» — склонности вести себя как окружающие, то «неоспоримый психологический закон» возрастания интенсивности душевно-

го движения пропорционально числу присутствующих. Каких-либо границ действия таких «законов» при этом не оговаривалось. Своеобразна была и аргументация: помимо ссылок на труды ученых или литераторов, он подчас писал, что «это известно всякому и доказывать это бесполезно» [Сигеле, 1893, 13], «всякий знает по опыту, насколько это справедливо» [там же, 67] и проч.

Особый интерес исследователей вызвали факторы активизации толпы. В частности, Фурниаль указал на возможные факторы физические (степень жары, количество солнечного света, звуки музыки, фазы луны, атмосферное давление, магнитные бури), химические (спертость воздуха, избыток или недостаток влаги, особенности почвы (?), питания, злоупотребление алкоголем), индивидуальные (возраст, пол, наследственность), социологические (влияние городской жизни). Следует отметить, что последней категории не было уделено достаточного внимания, по сути, начинающий ученый ограничился суждением, что она существует. По утверждению И.И.Добровольского [Д-ов, 1894], критика пионеров исследований толпы, Сигеле в первом итальянском издании также проигнорировал социальные факторы, лишь позже внося некоторые коррективы.

Автор «Преступной толпы» в первую очередь сосредоточился на факторах антропологических, имея в виду специфичность состава стихийных объединений: «толпа хороших людей может пойти по дурной дороге, но она никогда не дойдет до той степени испорченности, до какой может дойти толпа дурных людей» [Сигеле, 1893, 81]. К последним были отнесены «прирожденные» преступники («профессиональные», по терминологии осторожного А.Фурниаля), лица, привыкшие к крови в силу избранного рода занятий, а также сумасшедшие и социальные дегрантанты. Верховенство одних придает толпе жестокость, а других — непредсказуемость. Если же она состоит из людей безупречного прошлого, добросовестных и работающих, то все буйство может ограничиться лишь угрозами, криками, незначительными разрушениями.

Однако гарантии того, что вред от «антропологически хорошей» толпы минимален, исследователи дать не могли. Дело в том, что они разделяли концепцию Ч.Ломброзо об атавистических инстинктах первобытного зверя, скрытых в глубинах всякой души под слоями цивилизации и способных вырваться наружу при непредвиденном случае. Фурниаль предупреждал: «...опасно сплочение людей в тол-

пу. Обществу следует ожидать, скорее, взрыва дурных инстинктов, чем добрых чувств. Из толпы ... чаще всего вырастает «человек-зверь» [Fournial, 1892, 109].

Подобные рассуждения представлялись И.И.Добровольскому в корне неверными. По его ироничному замечанию, доктрина атавизма служит ученым ровно в том качестве, что «бес», «нечистый», «лукавый» темному невежественному народу. И если простой мужик обычно объясняет грех ссылками на происки нечистой силы, то «антрополог-криминалист при виде преступления утверждает: «Дикий зверь проснулся» [Д-ов, 1894, 156]. Профессиональному революционеру казалось очевидным, что социальные условия важнее антропологического состава, так как определяют те чувства, настроения и идеи, что вносят в толпу ее истощенные эксплуатацией единицы.

Анализируя представления создателей первых теорий толпы об активизации в ней животного начала, К.Галлини своеобразно конкретизировала «видовую принадлежность» получившегося монстра. С одной стороны, исследователи описывали толпу как неистового и неконтролируемого «волка», а с другой — подразумевали под ней стадную и пассивную «овцу». И когда «овца» испытывала возбуждение, она превращалась в «волка», для которого уже не существовало пастыря. Набор метафор был бы неполон, если бы Галлини не заимствовала у А.Фурниаля образ «гиены», отталкивающей, пугливой и беспредельно жестокой, для обозначения той роли, которую приписывали женщине в толпе [Gallini, 1988].

В рассуждениях Сигеле и Фурниаля об «особой» роли женщины явственно проявились гендерные стереотипы. К примеру, когда авторы описывали преступление мужчины в толпе, они ссылались на принадлежность того к категории прирожденных или профессиональных преступников, подчеркивали специфичность профессии или отмечали роль сумасшествия. Если же преступление совершалось женщиной, половая принадлежность рассматривалась ими на правах «все объясняющего» обстоятельства, не нуждающегося в дальнейшей конкретизации.

Как следствие, в психике женщины первые исследователи толпы находили черты, обуславливающие колоссальную податливость внушению и заражению, описывая восприимчивость сторонним влияниям, впечатлительность, переменчивость, силу воображения и слабость воли. Попав под влияние толпы, она, якобы, меняется

до неузнаваемости: «когда женщина опьянеет от крови, она не знает ни границ, ни меры, ... если женщина жестока, она в то же время и храбра» [Сигеле, 1893, 70].

Интересно, что вскоре Г.Лебон, Г.Тард и др. сочли допустимым перенести характеристики психики и поведения женщин в толпе на саму толпу в целом. И Сигеле позже писал: «толпа как женщина — ее психология экстремальна, способна на любые эксцессы, может быть, способна только на эксцессы, она поразительна в самоотречении, часто пугающе жестока и почти никогда не рассудительна и не уравновешена в своих чувствах» [Sighele, 1903, 4]. Кульминацией обозначившейся тенденции стала работа [Cazanove, 1904], в которой обобщенный портрет женщины и образ толпы были очерчены чрезвычайно мрачными, но удивительно похожими красками так, что местами читателю нелегко понять, идет ли речь о женщине или о толпе.

Почему слабые натуры не способны устоять перед вожаками? Ответ первых исследователей толпы не отличался оригинальностью. Все они — от Н.К.Михайловского до Г.Лебона — ссылались на наличие у тех обаяния (фр. «prestige»), понятия, заимствованного из работ французских психиатров и гипнологов 70-х гг. XIX века [Aubry, 1888], и позже подкрепленного авторитетом Г.Тарда. Если Сигеле ограничился на этот счет несколькими цитатами, то Фурниаль рассмотрел составляющие обаяния, правда, на примере исторических личностей, а не вожаков толпы. При этом он не отделял личностные качества от поведенческих проявлений, представив в одном ряду честолюбивый характер, незаурядную энергию, неукротимую гордость, интенсивность желаний, решительность речей, громогласность голоса, повелительность жестов, меткость фраз, способность удивлять, умение воодушевлять, воздействовать на воображение и проч. Представляется вполне вероятным влияние его соображений на П.Росси и Г.Лебона, а через посредничество последнего — на становление в начале XX века психологии лидерства.

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МАССОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Пионеры исследований толпы считали оправданным наказание вожаков по всей строгости закона. Согласно Г.Тарду, фактически,

тем самым они игнорировали интенсивность процессов взаимного внушения и интенсивного заражения, способных превратить, к примеру, первоначально умеренные призывы в кровопролитные действия. Поэтому далеко не всегда, по его мнению, было бы справедливо назначать вожаков ответственными за все без исключения преступления распалившейся толпы [Tarde, 1893]. Перефразируя Сигеле, согласимся с тем, что они сами могли оказаться потерпевшими кораблекрушение от вызванной ими же «психологической бури». Однако осознание общественной опасности стихийных объединений подталкивало Сигеле и Фурниалья к юридически простым, но психологически неоднозначным решениям.

В отношении всех остальных, ведомых вожаками, итальянский правовед признавал трудности установления степени вины за массовые преступления. Как комментировал В.К. Случевский, несложно осудить, к примеру, лиц, разрушивших здание, но не всегда очевидна вина тех, кто вовремя снабдил их подходящим инструментом, уничтожил отнесенный в сторону материал, пытался воспрепятствовать усилиям правоохранителей или ограничился словесным одобрением происходящего [Случевский, 1893]. Если Фурниаль оставлял содержание вердиктов о ведомых на усмотрение судов, видя свою задачу лишь в информировании о психологической специфике толпы, то Сигеле склонялся к мнению тех, кто допускал половинную ответственность за участие в массовых преступлениях. Обоснованием подобного компромисса стало рассмотрение им взглядов представителей нансийской (Льебо, Льежуа, Бони) и сальпетриерской (Шарко, Бруардель, Дельбеф и др.) школ гипнологии на возможность преодоления нравственных норм личности в состоянии гипноза. По итогам дискуссии он сделал вывод о том, что внушение не способно побудить человека к совершению поступков, к которым он не имеет никакой предрасположенности. Соответственно, даже самое мощное влияние толпы априори не превращает его, как безапелляционно утверждал позже Г.Лебон, в пассивный бессознательный автомат, у которого больше не существует собственной воли и нравственного стержня.

Заметим, что Фурниаль различал в структуре толпы, помимо вожаков и ведомых, еще одну категорию лиц — наблюдателей, тех, кто присутствует на месте событий, но не принимает в них участия. По отношению к ним не описывалось вариантов юридических действий. Однако определенная необходимость в этом была: само

их присутствие, зрительно увеличивавшее для толпы ее численность, тем самым усиливало чувства могущества и безнаказанности.

Новизна исследуемой области не позволяла создателям первых концепций толпы обстоятельно описать юридические перспективы, вытекающие из очерченной ими в изначальном приближении психологической природы стихийных объединений. Со временем законодатели европейских стран приняли во внимание фактор психологии толпы. Однако далеко не во всех случаях они согласились с позицией исследователей этого феномена. Так, в Уголовном уложении Российской империи (1903) «толпа» считалась не смягчающим, напротив, отягощающим вину обстоятельством, а ее разновидность — «скопище» — интерпретировалось в качестве некоего коллективного субъекта преступного поведения, принадлежность к которому становилась основанием для уголовного преследования [Горбатов, Большаков, 2015].

По мысли Э.Ферри, всецело поддерживаемой С.Сигеле, новая наука — коллективная психология — должна была расположиться в интервале между предметными полями психологии и социологии. Если психология, по их мнению, сосредоточена на изучении индивидов, а социология — общества в целом, то коллективная психология ориентировалась на исследование случайных и временных объединений индивидов (присяжных, зрителей, парламентариев, членов толпы и проч.). Однако научное сообщество не приняло данной идеи. Существенную роль в этом могло сыграть ознакомление с первыми концепциями толпы. Мы имеем в виду наличие в них, как минимум, трех некорректных экстраполяций, а именно:

- 1) перенесение негативных черт, которыми представители антрополого-криминалистического подхода наделяли «преступные» стихийные объединения на иные виды толпы;
- 2) приписывание уменьшенного в сравнении с индивидом интеллектуального потенциала не только толпе, но и, вслед за ней, другим собраниям без исключений;
- 3) распространение характеристик психики и поведения женщин как части толпы на толпу в целом.

Наряду с очевидными недостатками концепций Сигеле и Фурниаля следует признать их влияние на развитие последующих исследований толпы вплоть до середины XX века (например, на исследования Г.Блумера).

По замечанию А.Бригенти, концептуальные решения, сформулированные первыми исследователями в ответ на проблемы своего времени, давно устарели, однако те вопросы, которые они порождают, и сегодня сохраняют актуальность [Brighenti, 2013]. Это связано с тем, что современная психология стихийных объединений во многом забыла об идейном потенциале предшествовавших исследователей, почти полностью перейдя на использование объяснительных социально-когнитивных конструкций.

Действительно, работы ученых прошлого нередко отличали непоследовательность и запутанность изложения материала, неоперациональность ключевых формулировок, методологические упущения, игнорирование социального и ситуативного контекста, чрезмерная концентрация на деструктивных аспектах поведения. Однако не получилось ли так, что «вместе с водой выбросили и ребенка»? Как справедливо отметил К.Борч, в результате толпы предстали перед исследователями как общности, состоящие из отдельных рационально мыслящих и преднамеренно действующих индивидов. При реализации такого подхода, анализирующего стихийные объединения через призму когнитивной сферы их членов, «иррациональное стало рационализированным, а аномальное — нормализованным» [Borch, 2006, 85].

Обращение к наследию С.Сигеле и А.Фурниаля рассматривается нами как один из необходимых шагов по возвращению в предметное поле социальной психологии тех конструктов, которые могли бы способствовать, при их переосмыслении с позиций сегодняшнего дня, комплексному изучению феномена толпы. Это позволит преодолеть существующие тенденции к чрезмерному индивидуализму и рационализму в понимании психологической природы стихийных объединений. Таким образом, речь идет не только о дополнении имеющегося в распоряжении истории психологии массива данных в области исследований толпы, но и о создании предпосылок к поиску ответов на глобальные вызовы современности.

6. ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННЫМИ СТУДЕНТАМИ ТЕОРИИ ТОЛПЫ ГАБРИЭЛЯ ТАРДА

Основоположник классического субъективно-психологического направления в социологии, выдающийся французский социальный философ и криминолог Жан-Габриэль де Тард (1843–1904) известен как создатель одной из первых теорий стихийных объединений. Данной проблематике он посвятил три работы, быстро получившие общеевропейскую известность. Первая из них, подготовленная на основе доклада на Третьем международном конгрессе криминальной антропологии (Брюссель, август 1892), была опубликована под названием «Преступления толпы» [Тард, 1893]. Позже он дополнил свои размышления этюдами «Толпы и преступные секты» (декабрь 1893) и «Публика и толпа» (июль 1898), вошедшими в книгу «Общественное мнение и толпа» [Тард, 1902].

Теория стихийных объединений разрабатывалась Тардом в пределах парадигмы «психологического контагия» (от лат. «contagion» — зараза, инфекция) [Кандинский, 1881; Aubry, 1888], сосредоточенной на описании активности толпы как иррациональной, бессознательной и деструктивной. Она воспринималась, с одной стороны, как явная угроза привычному миропорядку, а, с другой, — в качестве несомненной опасности для личности, способной нивелировать индивидуальные различия и подтолкнуть чуть ли не каждого к экстремальным действиям. Предполагалось, что толпа становилась такой вследствие трех процессов — заражения, подражания и внушения, однако специфика их сочетания и сущность каждого понимались исследователями по-разному. Например, для Г.Тарда особое значение приобретало подражание, явление «гипнотического порядка», а взаимное заражение намерениями, идеями и чувствами рассматривалось как следствие. Для его современника Г.Лебона, напротив, подражание являлось не более чем проявлением заражения, «феномена гипнотического», которое, в свою очередь, считалось продуктом восприимчивости к внушению. Г.Тард, Г.Лебон и их многочисленные последователи не смогли в необходимой мере определить социальные предпосылки, ситуативные условия и личностные детерминанты актуализации этих процессов, что привело к угасанию данной объяснительной парадигмы к середине тридцатых годов XX века.

Тем не менее она оказала заметное влияние на исследования стихийных объединений представителями Чикагской социологической школы, сыграла свою роль в становлении теории деиндивидуализации в социальной психологии, а также способствовала изучению масс в классическом психоанализе [McClelland, 1989; McPhail, 1991].

Современные ученые обвиняют исследователей «психологического контагия» в патологизации толпы, осуществленной, главным образом, посредством приема искусственной деконтекстуализации, рассмотрения ее исключительно «здесь и теперь», вне социального, ситуативного и идеологического контекста масштабного межгруппового конфликта [Drury, Stott, 2011; Reicher, 2001; Spears, Postmes, 2015; и др.]. Однако, несмотря на очевидную пристрастность трактовок и упрощенность интерпретаций, очередные переиздания работ исследователей толпы более чем столетней давности находят все новых читателей.

Это заставляет задуматься о том, что актуальность³ социальной теории имеет, как минимум, два измерения — научное и общественное. Первое осуществляется представителями научного сообщества, специалистами, оценивающими ее объяснительный и прогностический потенциал при сопоставлении с конкурирующими теориями, а также посредством процедур эмпирической верификации. Второе измерение производится общественностью, той или иной частью заинтересованной публики, заинтересованной в получении простых, понятных, пусть не исчерпывающих ответов, соответствующих критерию здравого смысла на фоне не всегда систематизированных представлений о мироустройстве. При этом вторые склонны, в целом, доверять авторитетным суждениям первых, однако могут попросту не знать о них в силу различий в источниках получаемой информации или считать их нерелевантными контексту лично значимых проблемных ситуаций.

Иначе говоря, доминирующие в настоящее время научные представления о стихийных объединениях, сформулированные на основе социально-когнитивных теорий идентичности и самокатегоризации [Reicher, 2001; Drury, Stott, 2011; Spears, Postmes, 2015; Stott, Drury, 2016;

³ Здесь и далее под этим понятием подразумевается не актуальность исследования или необходимость изучения проблемы на данном этапе, а востребованность теории, обусловленная ее объяснительными и прогностическими возможностями.

и др.], не могут предоставить приемлемых для заинтересованных лиц ответов на вопросы, как не попасть под влияние толпы, как не стать ее жертвой, каким образом управляют толпой, какие процессы в ней происходят. И тогда для нее оказываются более актуальными, казалось бы, давно отвергнутые наукой теории стихийных объединений конца XIX века.

Проблема в том, что современные исследователи толпы осведомлены о научной неактуальности этих теорий, но не имеют представления об их возможной актуальности общественной. Насколько нам известно, эмпирическое изучение данного аспекта актуальности теорий стихийных объединений до сих пор не осуществлялось. Более того, современные ученые при оценке значимости тех или иных социальных теорий вообще не принимают в расчет различий между их научной и общественной актуальностью.

Объектом нашего исследования стала общественная актуальность теорий толпы, разработанных в парадигме «психологического contagia». Предметом исследования явилось восприятие современными студентами ключевых положений теории толпы Г.Тарда. Цель исследования — определение возможной общественной актуальности данной теории посредством выявления совокупности авторских тезисов, вызывающих со стороны респондентов множественные реакции согласия, уточнения и критики. Гипотеза: характеристики общественной актуальности теории толпы Г.Тарда могут быть установлены методом экспертного опроса, в котором респондентами являются не признанные специалисты в сфере психологии стихийных объединений, а представители образованной общественности, обладающие в силу этого определенным референтным потенциалом для более широких слоев населения.

Методом исследования явился письменный экспертный опрос. Респондентами стали 33 студента (6 юношей и 27 девушек), обучающихся на четвертом курсе бакалавриата СПбГУ по специальности «Реклама и связи с общественностью». Исследование проводилось в марте 2017 г. в процессе семинарских занятий по дисциплине «Психология массовых коммуникаций». В ходе предварительной беседы было установлено, что из научного наследия Г.Тарда студенты изучали лишь концепцию общественного мнения (без обращения к первоисточникам). Стихийные объединения рассматривались в контексте преподавания социальной психологии в обзорном виде.

Обоснование выбора респондентов. Предпочтение выпускников вуза в качестве субъектов экспертизы общественной актуальности теории толпы Г.Тарда оправдано необходимостью изучения восприятия данной теории образованной частью публики, мнение которой в перспективе может стать авторитетным для иных ее частей. Дело в том, что в сознании более широких слоев в отношении феномена толпы закрепилась другая, столь же давно отвергнутая наукой парадигма, — «стадного инстинкта». В силу своей исключительной простоты она до сих пор применяется там, где требуется наскоро подобрать оправдание для необдуманного копирования чьих-то не самых удачных действий [Горбатов, Большаков, 2017]. Привлечение к исследованию выпускников психологического и социологического факультетов было сочтено нецелесообразным из-за ожидаемой компетентности в проблематике толпы. Это помешало бы отделить общественный аспект актуальности рассматриваемой теории от научного.

Методика исследования. Студентам предлагалось в течение 90 минут ознакомиться с основным содержанием текста «Преступления толпы». В процессе работы они должны были на одной стороне стандартного листа записывать своими словами тезисы Г.Тарда, с которыми они совершенно согласны, а на другой — тезисы, в отношении которых у них имеются уточнения или возражения, указывая суть обнаруженных разногласий. При завершении работы следовало письменно кратко охарактеризовать общие впечатления от прочитанного материала. В устной инструкции особо оговаривались условия самостоятельности выполнения задания и необходимости проявления при этом критических способностей. Для того чтобы уменьшить влияние специфики учебной деятельности на показатели общественной актуальности теории участники исследования предупреждались, что оцениваться будет участие в семинаре, а не объем написанного или количество сделанных отзывов.

Стимульный материал. За основу взят текст из сборника криминологических трудов ученого, приведенный составителями к нормам современного русского языка [Тард, 2004]. При подготовке материала он был сокращен до размеров обычной научной статьи (32 тыс. знаков с пробелами). При этом из рассмотрения исключались следующие элементы: заключительный раздел сугубо юридического характера, малосущественные для общего понимания теории при-

мечания, отдельные рассуждения автора, отклоняющиеся от темы повествования, а также приведенные в скобках по-французски ключевые термины и отдельные выражения. Для облегчения восприятия текста встречающиеся в нем собственные имена были переведены на русский язык.

Стимульный материал заранее загружался участниками исследования на личные смартфоны, планшетные компьютеры или ноутбуки в формате Microsoft Word.

Результаты исследования. Всего зарегистрировано 404 отзыва студентов в отношении составляющих теории толпы Г.Тарда (в среднем по 12,2 отзыва на одного респондента), что свидетельствует об активности участников исследования. Из них 237 отзывов (58,7 % от общего количества) представляли собой выражения согласия с отдельными положениями Г.Тарда, а 167 отзывов (41,3 %) содержали уточнения или критические замечания (однозначным образом отличить уточнения от критики во многих случаях не представлялось возможным). Общие впечатления от теории, сформулированные участниками работы на заключительном этапе, при этом не учитывались.

В таблице 1 приведено десять тезисов Г.Тарда, с правомерностью которых согласилось значительное количество участников исследования. Однако выражение согласия не всегда было единодушным. В правом столбце таблицы по каждому тезису указано количество зарегистрированных отзывов уточняющего и критического характера.

Таблица 1

Тезисы Г.Тарда, одобренные наибольшим количеством респондентов

Отдельные положения теории толпы Г.Тарда (в пересказе)	Число выражений согласия	Число уточняющих и критических отзывов
Общая вера, общая страсть, общая цель — такова жизненная основа толпы	18	4
По своим свойствам социальное объединение не является суммой составляющих его индивидов	16	0
Коллективная преступность отличается особой жестокостью	14	2

Отдельные положения теории толпы Г. Тарда (в пересказе)	Число выражений согласия	Число уточняющих и критических отзывов
В нравственном и умственном отношении индивиды в толпе значительно уступают тем же индивидам вне ее	13	1
В толпе нет сомнений, колебаний и полуверований, она характеризуется догматизмом и страстностью	12	1
Для распространения волны народного движения необходима предварительная подготовка умов	12	1
Смелость, страх, ненависть и надежда отличаются особенной заразительностью	11	0
Толпа нетерпима и жестока к тем, кто пытается выразить несогласие с ней	11	2
Люди в толпе готовы видеть в тех, кто остался вне ее, чужаков или врагов	10	12
Индивидуальные мнения усиливаются в толпе до убеждений и верований, желания — до страсти	9	2

Следует заметить, что наибольшее согласие вызвали тезисы Г. Тарда, относящиеся к изменениям личности в толпе и к тем или иным свойствам толпы. Для сравнения укажем, что фразу «честный и нравственный человек сумеет устоять перед пагубным влиянием толпы» одобрили только четверо из участников исследования, с высказыванием «сила воли вожака важнее его прочих характеристик» согласились также четыре респондента, тезис «источником подражательности является симпатия» поддержали трое, уточнение «подражательность вожаку имеет в толпе не взаимный, а односторонний характер» выделили два человека, суждение «в школе обычно верховодят не отличники, а бунтари и лентяи» разделили также двое.

Комментируя уточняющие и критические отзывы в отношении тезисов, приведенных в таблице 1, отметим, что фраза «люди в толпе готовы видеть в тех, кто остался вне ее, чужаков или врагов» вызвала наибольшее число нареканий. Многие респонденты справедливо указали, что частная характеристика выдана за общую: стихийные объединения существенно различаются между собой, далеко не все из них испытывают к кому бы то ни было враждебные чувства. Заметное число возражений зарегистрировано и по тезису про общую

веру, страсть и цель толпы. Критики, возможно, под влиянием остаточных знаний по социальной психологии, сослались на то, что ясное осознания общей цели далеко не всегда характерно для членов стихийного объединения.

В таблице 2 приведено десять тезисов Г.Тарда, вызвавших значительное количество критических и уточняющих отзывов от участников исследования. В правом столбце таблицы для сравнения указано количество выражений согласия и одобрения с каждым из этих тезисов.

Таблица 2

Тезисы Г. Тарда, по мнению наибольшего количества респондентов, требующие уточнений или опровержений

Отдельные положения теории толпы Г. Тарда (в пересказе)	Число уточняющих и критических отзывов	Число выражений согласия
Никогда коллективный ум собрания не сравнится даже с самым посредственным индивидуальным умом	15	0
Многих людей в толпе отличает стремление привлекать внимание окружающих, выделяться на фоне других	14	6
Народные массы увлекаются не сливками общества, а его подонками	13	1
Зрелище убийства гораздо заразительнее зрелища полового акта	12	3
Люди в толпе готовы видеть в тех, кто остался вне ее, чужаков или врагов	12	10
При виде вооруженной силы толпа робеет, при первых выстрелах — разбегается	11	1
Честный и нравственный человек сумеет устоять перед пагубным влиянием толпы	10	4
Подобно женщине толпа склонна к самым странным и часто бессознательным противоречиям	8	0
Сила обаяния женщин способна увеличить влияние толпы на своих членов	6	0
Толпа всегда является несомненным шагом назад в социальной эволюции	6	6

Стоит обратить внимание на то, что из числа тезисов, вызвавших наибольшее количество возражений, лишь часть оказалась непосредственно связана со свойствами толпы и с процессами изменения личности в ней. Причем, в отношении этих тезисов уточнения и дополнения респондентов заметно преобладали над опровержениями. Например, высказывание Г.Тарда о робости толпы при встрече с вооруженной силой студенты не отвергали, а дополняли указаниями на конкретные случаи самопожертвования толпы, возможное наличие в ней особо конфликтогенных групп, а также на значение сильных эмоций. Точно так же респонденты проявляли склонность, в целом, соглашаться с регрессивным характером толпы в деле социальной эволюции, внося уточнения, что иногда она может служить достижению общественного равновесия или даже обеспечению прогресса.

Категоричные возражения чаще сопровождали тезисы, не имевшие прямого отношения к свойствам самой толпы и изменениям личности в ней — о специфике вожаков, чрезвычайной заразительности зрелища убийства, неизменном превосходстве индивидуального ума над любым коллективным, роли женщин в активности толпы, а также о сравнении толпы с женщиной.

Обсуждение результатов. Есть основания полагать, что ряд замечаний был обусловлен несоответствием высказываний Г.Тарда информации, усвоенной в ходе обучения. Вряд ли случайно при опровержении тезиса о превосходстве индивидуального ума над коллективным восемь из пятнадцати респондентов сослались на процедуру «мозгового штурма». Видимо, по той же причине шесть студентов из тринадцати предпочли заменить выражение с негативной коннотацией «подонки общества» на нейтральное и более привычное «харизматические лидеры». Значительное число возражений как против тезиса, уподобляющего толпу женщине, так и против того, который при объяснении влияния толпы на индивидов апеллировал к силе женского обаяния, резонно объяснить диспропорцией гендерного состава группы респондентов. Показательно, что в шести критических замечаниях к данным тезисам использовалось определение «сексизм». При этом ни одно из них не принадлежало юношам. Однако иных столь же явных признаков влияния специфики группы респондентов на их суждения нами обнаружено не было.

Интересно, что некоторые комментарии участников исследования почти буквально повторяли незнакомые им критические отзывы исследователей, высказанные в адрес Г. Тарда и его последователей еще в конце XIX — начале XX вв. Приведем несколько показательных примеров. Обращаясь к рассуждению о том, что даже у муравьев чрезмерная скученность приводит к увеличению «самолюбия», «сознания собственного достоинства» и особой «храбрости», Полина В. совершенно в духе В. А. Вагнера восклицает: «Самолюбие и храбрость? Это у муравьев-то?! Это антропоморфизм...». Осуждая фактическое смешение автором «преступной толпы» и «преступной шайки», Маргарита М. чуть ли не словами Н. К. Михайловского отмечает, что у последней есть заранее составленный план, сложившаяся иерархия, распределение ролей, свой кодекс — все то, чего лишена толпа. «Если толпой называть чуть ли не любое сообщество или организацию, как [это] делает Тард, получится сплошная путаница», — практически цитирует «Коллективную рефлексологию» В. М. Бехтерева Виктория Н. Комментируя предлагаемый автором перечень характеристик толпы, Екатерина П. в русле неизвестного ей подхода Д. Д. Безсонова утверждает, что это свойства не стихийного объединения, а тех людей, которые составляют его. «Тард что-то, в принципе, и так понятное объясняет через другое, совсем непонятное, даже для него туманное», — пишет почти по П. Ф. Каптереву Алиса Г. о влиянии вожаков и гипнотизме. «Преступный характер толпа имеет не из-за своей природы, а от настроений, зависящих от сложившихся социальных обстоятельств», — на свой лад повторяет Кристина В. мысль, высказанную когда-то И. И. Добровольским. «Не вожакам подражает толпа, а самой себе, воплощенной в вожаках», — вносит поправку в стиле Л. Н. Войтоловского Софья Е. Ряд совпадений суждений современных студентов и исследователей прошлого можно было бы продолжить. Однако и без этого становится понятно, что совпадения элементов общественной актуальности с научной могут наблюдаться только там, где последняя основана на здравом смысле и логике, а не на когнитивных конструктах высокого уровня обобщения.

В отличие от профессиональных ученых, участники исследования охотно ссылались на собственный опыт и личностные диспозиции: «Убийство заразительнее всего? Не для меня!» (Янина М.), «Исходя из личных наблюдений за протестующими в последние годы...» (Андрей Т.), «Мой жизненный опыт не позволяет согласиться...»

(Артеми́й Ш.), «Никогда такого не видела...» (Алина Б.) и проч. Таким образом, можно говорить о том, что общественная актуальность является по своей сути весьма субъективным образованием.

Формулируя свои впечатления от анализируемой теории, студенты подчеркивали, что определенная часть идей Г.Тарда устарела. При этом, по нашему мнению, проявилось еще одно отличие общественной актуальности от научной. Если последняя связывает устаревание какой-либо теории с появлением других, конкурирующих, обладающих доказанными преимуществами при объяснении и прогнозировании социальных событий, то общественная актуальность не предполагает сравнения потенциала теорий между собой. Критерием устаревания здесь становится несоответствие концептуальных положений имеющимся представлениям о мироустройстве. Респонденты писали: «Люди в толпе, может быть, и остались прежними, но их ценности и социальные ориентиры стали другими. Это не может не влиять на поведение толпы» (Влада З.), «Механика формирования толпы сохранилась, но изменились ее характер, состав и мотивы» (Андрей Т.), «Толпа имеет отпечаток эпохи, надо учитывать развитие общества и технологий» (Маргарита М.), «Для нашего времени слишком радикально, теперь склонность не к убийству, а к разрушению» (Даниил Ч.), «Тогда было так, да и то, конечно, не всегда. Нынешние толпы нарушают общественный порядок, но не убивают и никого не грабят» (Алиса Г.), «Вряд ли из-за урбанизации настолько важны различия сельских и городских толп» (Полина В.).

Несколько существенных замечаний высказали респонденты в отношении методологических ошибок Г.Тарда. В частности, была отмечена взаимная противоречивость некоторых тезисов, являющаяся следствием поспешных и некорректных обобщений: «Толпа не может сочувствовать? А как же описания проявлений жалости к своим жертвам?» (Давид С.), «Мотив сиюминутно блистать на фоне окружающих не сочетается с основной чертой — подавления [в толпе] всего индивидуального» (Анастасия Ж.), «Если толпа абсолютно не терпит возражений, тогда тот, кто заступился за фермера, был бы попросту повешен рядом с ним» (Янина М.). Восемь человек признали недопустимым распространение свойств конкретных стихийных объединений, действующих в определенных условиях, на характеристику феномена в целом; семь респондентов не согласились с тенденцией неоправданной генерализации толпы, выражающейся

в перенесении ее свойств на иные типы социальных объединений (парламенты, суды присяжных, конгрессы ученых и т.п.), как минимум, пятеро обозначили неприятие Г.Тардом социальных перемен во Франции конца XIX века как возможную причину предвзятости в негативной трактовке толпы.

Следует отметить, что не все составляющие анализируемой теории заслужили одобрение респондентов. Так, большинству студентов не показались убедительными воззрения Г.Тарда на вожаков толпы, «фанатиков и злодеев», способных вызвать эффект массового подражания в силу присущего им качества «обаяния», «престижа» и действующих вне какой-либо «обратной связи» от ведомых. Данная совокупность тезисов в сумме получила только 13 выражений согласия и 32 замечания, среди которых число явно критических отзывов почти сравнялось с количеством уточнений. Добавим, что суждения автора в отношении феномена подражания, его проявлений и видов, не вызвали к себе особого интереса. Об этом можно судить на основании лишь трех зарегистрированных положительных отзывов и пяти уточняющих.

В противоположность этому, внимание респондентов к двум составляющим теории Г.Тарда — свойствам толпы и процессам изменения личности в ней — представляется несомненным. Из 237 положительных отзывов напрямую к тем или иным свойствам толпы относятся 124 (52,3%), а к изменениям личности — 56 (23,6%). Значительно и количество по этим составляющим теории уточнений, дополнений и опровержений: из 167 отзывов такого рода 72 (43%) связаны со свойствами толпы, а 44 (26,3) — с изменениями личности в ней.

По нашему мнению, в этом проявляется еще одно отличие общественной актуальности от научной. По замечанию К.Макфейла, подлинно актуальная теория не может быть «теорией редких событий», она должна охватывать релевантные феномены во всей полноте и в любой степени выраженности [McPhail, 1991]. В своих комментариях участники исследования зачастую подчеркивали, что описание Г.Тардом толпы исключительно мрачными красками пристрастно и однобоко, а процессы изменения личности в ней далеко не всегда столь масштабны, как это определял французский ученый в конце XIX века. Однако опасность стать жертвой толпы в той или иной ипостаси — как объекта общей агрессии или, после произошедших

личностных изменений, как ее активного субъекта — представлялась респондентам маловероятной, но реальной. Этим и обусловлен их интерес к упомянутому составляющим. Таким образом, «теория редких событий» в том случае, если она связана с проблематикой личной безопасности, может сохранять значительную общественную актуальность.

Итак, в ходе применения метода письменного экспертного опроса по ключевым составляющим теории толпы Г.Тарда (1892 г.) была выявлена совокупность авторских тезисов, вызывающих у респондентов множественные реакции согласия, уточнения и критики. Студенты выпускного курса бакалавриата СПбГУ выделили существенные методологические просчеты Г.Тарда. В частности, они указали на некорректность обобщений, приводящую к противоречиям в описаниях толпы и личности в ней; недопустимость переноса свойств конкретных толп на стихийные группы в целом, а также на социальные образования иного типа; связали предвзятость автора при интерпретации толпы с личным неприятием происходящих в то время социальных изменений.

При этом наибольшее внимание со стороны респондентов вызвали две составляющие теории Г.Тарда — перечень негативных характеристик свойств стихийных объединений и процессы выраженного влияния толпы на личность своих членов. Данная часть результатов исследования может быть интерпретирована как показатель общественной актуальности анализируемой теории.

Представляется перспективным противопоставление двух аспектов актуальности социальной теории — научной и общественной. При этом предполагается, что научная актуальность теории определяется специалистами посредством сопоставления с конкурирующими концепциями, а также путем эмпирической верификации. В противоположность этому общественная актуальность оценивается представителями заинтересованной публики по степени соответствия концептуальных положений здравому смыслу, основывающемся на несистематизированных представлениях о мироустройстве. Она не содержит конструкторов высокого уровня обобщения, подкрепля-

ется собственным опытом и субъективным мнением авторитетных лиц, может охватывать редко встречающиеся феномены в том случае, если последние представляют потенциальную угрозу;

Теория толпы Г.Тарда утратила научную актуальность в связи с дальнейшим развитием социально-психологического знания, однако во многом сохранила актуальность общественную, так как по-прежнему способна предоставить заинтересованным лицам совокупность простых, но неточных сведений о психологической природе и особой опасности стихийных социальных объединений.

7. ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ПРИОРИТЕТА И ПЛАГИАТА В ПСИХОЛОГИИ ТОЛПЫ КОНЦА XIX ВЕКА

Современный научный мир отличается нулевой терпимостью к изложениям на правах собственных чужих идей, текстов, результатов исследований или иных продуктов профессиональной деятельности без адекватного указания на источники заимствования. Это обусловлено тем, что доступность исходных материалов и легкость их компьютерного копирования при сложившейся ориентации на количественные показатели в оценке научного труда создают предпосылки к множественному воспроизведению однажды полученного знания вместо его приращения. При этом в конкуренции с другими учеными плагиаторы приобретают неоправданные преимущества. Ретракции статей, аннулирования решений диссертационных советов, исключения периодических изданий из авторитетных баз научных данных, судебные иски — такова правомерная реакция сообщества на нарушения академической этики в форме плагиата.

Каковы пределы данного понятия?

Как известно, повсеместно употребляемые выражения, типовые элементы научного стиля, общеизвестные факты, профессиональная терминология, формулировки статей законов и корректно атрибутированные цитаты (неизбыточного объема и количества) недобросовестными заимствованиями не являются. Но уже при использовании ссылок на чьи-то работы, подчеркнем, с указанием авторов, возможны обвинения в плагиате. Например, так бывает в случаях представления фактического цитирования в виде ссылок, то есть копирования материалов без надлежащего перефразирования и обязательного изменения структуры исходных предложений. Плагиатом является и сочетание собственных комментариев с чужими формулировками без их должного разграничения [Publication Manual of the APA, 2010].

Отсутствует однозначный ответ на вопрос, какой минимальный объем заимствования текста считается плагиатом. Если раньше упоминали о пограничном интервале в семь — десять расположенных рядом слов [Schrader, 1980; Armstrong, 1993], то сейчас можно встретить суждения о достаточности воспроизведения шести слов, содержащих не менее 30 символов [Masic, 2014]. Более того, приняв во вни-

мание факты заимствований не только текстов, но и научных идей, следует согласиться с утверждением, что копирование уникального выражения или даже единственного слова иногда может рассматриваться в качестве плагиата [Helgesson, Eriksson, 2015].

Особые затруднения возникают при идентификации случаев недобросовестных заимствований не фрагментов текстов, а научных идей. В частности, нелегко бывает отличить элементарное дублирование постулатов своими словами от преемственности, выражающейся в пусть незначительном, но качественном изменении исходных мыслей, а то и другое — от совпадения, обусловленного «духом времени». Казалось бы, если «чужое» корректно отделено от «своего», то ситуация не выглядит безнадежной. Но как быть, например, с теми научными идеями, которые развивались постепенно?

Эксперт американской психологической ассоциации рекомендует для подобных случаев в зависимости от контекста исследований три варианта оформления ссылок: на труды признанных основоположников, на наиболее обстоятельные работы по данной проблематике или на новейшие публикации [Cooper, 2016]. Любое из этих действий обезопасит от обвинения в плагиате. Однако, важно понимать, что советы Х.Купера не вполне корректны по отношению к предшествовавшим ученым. Они предполагают игнорирование вклада того неопределенного множества исследователей прошлого, на переработке или на заимствовании тезисов которых выстроена актуальная трактовка научной идеи. Это вынужденная мера: обычно за научной идеей скрывается слишком много имен. С другой стороны, недооценка авторского вклада предшественников может привести к неверным решениям при установлении научного приоритета и фактов плагиата.

Рассмотрим эту и сопутствующие проблемы на материале нескольких «кейсов» из психологии стихийных объединений, начавшей свое развитие в качестве относительно самостоятельной сферы научного знания в конце XIX века. Известно, что итальянский ученый С.Сигеле неоднократно обвинял французских исследователей А.Фурниаля и Г.Лебона в плагиате ключевых элементов своей теории толпы [Ginneken, 1985; Palano, 2002; и др.]. Насколько справедливы такие обвинения? Примерно в то же время, как было установлено нами, эмигрант из России Б.Сидис некорректно заимствовал отдельные составляющие концепции «героев и толпы» Н.К.Михайловского. Насколько существенны эти заимствования?

СИГЕЛЕ VS ФУРНИАЛЬ (1892 Г.)

Среди нарушений академической этики иногда выделяют «наивный плагиат» [Еременко, 2015], появляющийся без своекорыстного умысла, просто потому, что неискушенному обучающемуся чужой текст «очень понравился» или «лучше все равно не скажешь» [Демидова, 2012, 94]. Опыт преподавателя подсказывает, что вероятность выбора легкого пути пропорциональна приближению срока сдачи работы, атмосфере попустительства и дефициту внимания со стороны научного руководителя. Сказанное во многом следует отнести к дипломной работе А. Фурниаля, подготовленной к окончанию двухлетней военно-санитарной школы в Лионе. Ее публикация, как отмечалось, была вызвана не особыми достоинствами, а выраженным общественным интересом к проблематике толпы. При этом доля плагиата, которая могла быть отчасти объяснима в выпускном квалификационном исследовании, оказалась неприемлемой для печатного издания.

Несмотря на то, что по числу упоминаний в тексте С. Сигеле занял почетное третье место (уступив первенство лишь научному руководителю А. Лакассаню и авторитетному Г. Тарду), он критически оценил самостоятельность умозаключений новоиспеченного военного медика. Известно, что итальянский ученый неоднократно обращался с письменными протестами к издателю, но не получил ответа. Вероятно, это произошло из-за невозможности связаться с А. Фурниалем, почти сразу убывшим в экспедиционные войска [Ginneken, 1985]. Впоследствии ветеран многочисленных колониальных кампаний Третьей республики и мировой войны не проявил никаких академических притязаний [Frachette, 1986]. Показательно, что при заполнении очередного формуляра он отметил, что научных трудов не имеет [Ginneken, 1985].

Как отмечалось нами ранее, в данном случае значительность текстуальных совпадений во многом стала следствием нескольких предпосылок. Во-первых, обе книги, отразившие негативный образ толпы, «родились на одной почве», подготовленной усилиями литераторов и философов, мемуаристов и историков Великой французской революции и Парижской коммуны. Во-вторых, авторы пользовались одним и тем же арсеналом доказательств. При этом недостаток эмпирических данных, заимствованных из физиологии, психиатрии, кри-

минальной статистики и гипнотизма, вынуждал С.Сигеле и А.Фурниаля чаще опираться на примеры и релевантные рассуждения историков, литераторов, моралистов. В-третьих, сопоставляемые исследования имели единую концептуальную основу — теорию подражания Г.Тарда, приписывающую данному феномену имманентность для личности и тотальность проявлений для социума [Tarde, 1890].

Но и при учете данных предпосылок следует констатировать, что совпадения присутствуют. Там, где рассматривались факторы образования толпы, ее ключевые характеристики и действия вожаков, отдельные суждения итальянского исследователя [Sighele, 1891] пересказывались без упоминания о нем. В ряде других случаев, где речь шла про эмоциональное заражение в толпе, разделение ее членов на категории и проявления «кровавого инстинкта», иногда встречались некорректные сочетания фраз С.Сигеле со ссылками и без них, подпадающие тем самым под признаки «гибридного» плагиата [The plagiarism spectrum].

СИГЕЛЕ VS ЛЕБОН (1895 Г.)

На упреки в плагиате Г.Лебон отреагировал подчеркнуто пренебрежительно. Уж не из тех ли г-н Сигеле «новичков, которые, старательно ограбив предшественников, для привлечения к себе внимания начинают кричать, что стали жертвой ограбления»? — в памфлетном стиле предавался сомнениям маститый автор. В опровержении он сперва назвал суждения критика ребяческими, затем обвинил С.Сигеле в коллекционировании цитат при отсутствии хотя бы «одной идеи или даже малейшего фрагмента идеи, которые являются его собственными», потом выделил в качестве принципиального одно различие в трактовке морали толпы, не забыл подчеркнуть своего признания как писателя итальянской аудитории и, наконец, еще раз прошелся по несамостоятельности исследования, молодости автора, некорректности инициированной им полемики [Le Bon, 1895a]. Тем не менее, было замечено, что выражение про «целинную почву» применительно к «душе толпы» Г.Лебон заменил на «еще очень мало исследованную» [Ginneken, 1985, Palano, 2002].

Другой линией обороны, насколько можно судить об этом, стало включение в книгу абзаца о потребности общества в подражании,

механизмах моды, управлении толпой не аргументами, а образцами, с красноречивой пометкой, что это было сказано им еще «15 лет тому назад и развито впоследствии другими авторами в новейших сочинениях» [Le Bon, 18956, 114]. Надо заметить, что прием, превращающий подозреваемого в заимствовании в предшественника подозреваемого, сохраняет популярность и в наши дни. Тем не менее Г.Лебон в первом варианте своей книги все равно избежал упоминаний имени итальянского исследователя, ограничившись еще одной неопределенной фразой об ошибках неких «писателей, изучавших толпу лишь с точки зрения ее преступности» [Le Bon, 18956, 21]. Краткое примечание о вкладе С.Сигеле, по-прежнему выдержанное в пренебрежительным ключе, появилось позже [Palano, 2002].

Судя по тому, как Г.Лебон не церемонился с наследием и некоторых других авторов [Ginneken, 1985], в своих действиях он руководствовался не только посылом о невозможности для «профессора» интеллектуально обогатиться за счет «студента», но и нежеланием перегружать текст, рассчитанный на широкую публику, обилием ссылок и цитат. То и другое давно считается этически неприемлемым. В частности, если устная беседа со «студентом» способствовала решению проблемы, такое лицо должно быть упомянуто. Что же касается научно-популярной или учебно-методической литературы, то требование избегать плагиата распространяется и на нее [Helgesson, Eriksson, 2015].

Попытка судить с позиций сегодняшнего дня о недобросовестности заимствований в конце XIX века выглядит неуместной только в том случае, если считать осуждение плагиата в любой форме более поздним феноменом. Однако это не так. Определяющей части исследователей толпы и смежных проблем того времени некорректное изложение чужих текстов или идей было присуще не в большей мере, чем нашим современникам. Показательно, что активность С.Сигеле на поприще борьбы с плагиатом, возможно, отчасти была мотивирована стремлением «отплатить» представителям французской науки за судебный вердикт против его учителя Ч.Ломброзо, заимствовавшего три страницы (заметим, с упоминанием имени) из эссе по графологии Ж.Крепье-Жамена [Palano, 2002].

В продолжение полемики итальянский ученый, отдавая должное оригинальности и верности многих мыслей Г.Лебона, пытался иронизировать в ответ [Sighele, 1898, 39, 42]. Но важнее другое:

в чем именно он видел нарушения академической этики? Известно [Ginneken, 1985], что основные заимствования С.Сигеле определил следующим образом:

- образование совокупного субъекта действий — коллективной души или психологической (одухотворенной) толпы;
- растворение в ней личности под влиянием обусловленного численностью чувства неодолимой силы, восприимчивости к внушению и особой заразительности;
- сходство психики попавшего под власть толпы с загипнотизированным субъектом;
- превращение индивида в безвольный автомат, буйного дикаря, «песчинку» среди массы других, бессознательное существо;
- противопоставление толпы изолированным индивидам по критериям интеллекта, морали, воли, осознанности, мотивации;
- свойства толпы, такие как однонаправленность мыслей и чувств, падение интеллектуальной активности; зависимость морали от содержания внушения; податливость внешним воздействиям, изменчивость настроения, легковерие до коллективных галлюцинаций, преувеличенность переживаний, импульсивность действий, экстремальность реакций;
- способы управления толпой посредством резких преувеличений, категоричных утверждений, постоянных повторений, избегания доказательств и рассуждений;
- атавистический остаток инстинктов первобытного существа, скрытый в душе каждого [Le Bon, 1895b, 12, 15, 17–21, 25, 26, 28, 30, 38–40, 45–47].

Добавим к этому перечню отдельный упрек С.Сигеле в том, что Лебон поставил абсолютно тот же акцент в трактовке роли вожаков и власти их «обаяния» над толпой [Ginneken, 1985].

Для выяснения того, в какой мере принадлежали эти идеи самому С.Сигеле, достаточно обратиться к полудюжине источников, хронологически опережавших книги участников данных дебатов о плагиате.

Как уже упоминалось, одной из первых западных публикаций по проблематике исключительно стихийных объединений явилась небольшая заметка в журнале «Lancet», перепечатанная парижской газетой «Le Temps» с названием «Физиология толпы» под рубрикой «Зарубежные материалы» [Anonymous, 1886]. Характеризуя феномен толпы, анонимный автор среди прочего отмечал, что ее интел-

лектуальные возможности ограничены гневом, имитацией, инстинктом и иными силами низшего порядка; человеком в ней управляют не личные интересы, а заражение общей страстью и стремление к подражанию; внезапный импульс превращает скопище любопытствующих в единый организм; «дух толпы» — так может быть выражена коллективность мысли, воли, и действия; именно он цементирует разнородные единицы в бессознательную и безликую массу, готовую без рассуждений взять оружие и учинить беспорядки во имя неведомой цели.

Дополним перечень обозначившихся совпадений ссылками на самое раннее в нашей подборке сочинение, не уступавшее места по афористичности стиля Г.Лебону и по методичности изложения С.Сигеле. Еще в XVIII веке в «Письмах к сыну» Ф.Честерфилд высказывался о том, что взаимное возбуждение чаще приводит толпу к плохим поступкам, чем к хорошим, и если вожаки не подтолкнут ее к злему делу, то она найдет его сама; писал, что сила и порывистость собравшихся зависят от их численности, и особо значительное количество людей приведет даже самых хладнокровных из них к повальному безумию; утверждал, что не стоит пытаться говорить с толпой на языке разума и следует апеллировать только к ее страстям, чувствам, текущим интересам. По его выражению, там, где нет способности к пониманию, имеются глаза и уши, которым требуется польстить и увлечь риторическими приемами [Честерфилд, 1774/1971, 74, 179].

Среди художественных произведений, опубликованных ранее трудов С.Сигеле и Г.Лебона, мы также найдем многие из анализируемых идей. Так, в уже упоминавшейся новелле «На воде» Г. де Мопасана есть строки о грозящей поглотить автора стадной душе толпы, исчезновении в ней таких характеристик изолированного человека как самостоятельность мышления и способность оценки, мгновенности слияния изначально различных людей в некое существо со своей особенной волей и душой и совсем иным образом мыслей, неспособности толпы рассуждать, ее подверженности безумным порывам и вспышкам ярости, увлеченности единственной идеей, безумии поступков, доверчивости и восторженности, фактически полном растворении в ней личностного начала.

Следующим релевантным источником является публицистическая работа французского медика П.Обри, автор которой писал

о подражательной заразе, способной для слабого ума стать фатумом, против которого борьба невозможна; об инстинкте убийства, спящем на дне сознания и подчас просыпающимся в толпе; о том, что в скопище человек переживает впечатления более ярко, чем в изоляции от других; наконец, что толпа становится бессознательной в боине и, нуждаясь в жертвах, в какой-то момент готова убивать как друзей, так и врагов [Aubry, 1888, 62, 68, 87, 155, 164].

Несколько ранее российский психиатр В.Х.Кандинский на основе западноевропейских публикаций опубликовал аналитическое исследование, в котором, в частности, отметил, что действие на массу душевного контагия (заражения, от лат. «contagium») пропорционально ее размеру, компактности размещения и отсутствию привычки к рассуждению, подчеркнул, что толпа всегда слепо повинуется энергическим вожакам, увлекающим ее своим примером, а также постулировал, что любая идея оказывается заразительна для массы в той мере, в которой затрагивает ее чувства, тогда как отвлеченная мысль не по плечу интеллекту толпы [Кандинский, 1876, 162–165].

В этом ряду нельзя не упомянуть публикации Н.К.Михайловского, в которой содержалось суждение о том, что бессознательное подражание вожаку толпы имеет общую физиологическую основу с гипнотическим состоянием — рефлексорность реакций на фоне временного подавления активности коры мозга. Соответственно, «кто хочет властвовать над людьми, заставить их подражать или повиноваться, тот должен поступать, как ... магнетизер, делающий гипнотический опыт. Он должен произвести моментально столь сильное впечатление на людей, чтобы оно ими овладело всецело и, следовательно, на время задавило все остальные ощущения и впечатления, чем и достигается односторонняя концентрация сознания; или же он должен поставить этих людей в условия постоянных однообразных впечатлений. И в том и в другом случае он может делать чуть не чудеса, заставляя плясать под свою дудку массу народа и вовсе не прибегая для этого к помощи грубой физической силы» [Михайловский, 1882 / 1886, 189].

Позже, в статье «Еще о героях» он особо упомянул, к сожалению, без ссылки, о качестве «обаяния» личности как «секрете» ее воздействия на подражателей [Михайловский, 1891/1896, 404]. Таким образом, и этот упрек С.Сигеле в адрес Г.Лебона нельзя признать основным.

Обратим внимание, что в приведенную выше подборку преднамеренно были включены только те предшествовавшие источники, на которых не имелось ссылок в книгах С.Сигеле и Г.Лебона. Резонно подытожить, что все идеи без исключения, ставшие предметом спора о плагиате, буквально «носились в воздухе». Заимствование плодов размышлений Ф.Честерфилда или Г. де Мопассана, предположительно, можно оценить как неумышленный плагиат вследствие криптомнезии, когда помнится сама идея, но не ее авторство [Helgesson, Eriksson, 2015]. Однако с работами российских исследователей Г.Лебон и С.Сигеле определенно не были знакомы. Если Н.К.Михайловский смог провести параллель между психикой загипнотизированного субъекта и изменением человека в толпе, а В.Х.Кандинский — высказать тезис о заразительности идеи для масс в зависимости от их эмоционального потенциала, то, очевидно, что и Г.Лебон, отталкиваясь от общих первоисточников, имел шансы прийти к таким выводам независимо от итальянского автора.

Позиция С.Сигеле состояла в том, что он не только объединил разрозненные наблюдения и отдельные замечания о толпе физиологов, психиатров, гипнологов, философов, литераторов и историков, но и концептуально развил некоторые из них. С точки зрения Г.Лебона, его оппонент эти идеи не более чем объединил, но не развил, а потому получившаяся компиляция упоминаний не заслуживает. Такая постановка вопроса автоматически делает его плагиатором. Однако здесь мы имеем дело с «плагиатом публичности», еще не описанном исследователями этого феномена. Этот вид некорректного заимствования осуществляется в отношении не чужого текста, результатов или идей, а авторского вклада, и выражается в преднамеренном игнорировании предшествовавшего исследования или отрицании его значения. Это тоже плагиат («хищение», от лат. «plagio»), так как следствием является получение личной выгоды в виде создания преувеличенного впечатления о значимости собственной работы за чужой счет.

С другой стороны, притязания С.Сигеле на научный приоритет своих идей следует признать чрезмерными: Г.Лебон, как мы показали, вполне мог взять их из иных источников или прийти к таковым своим путем. За итальянским автором следует закрепить лишь приоритет в написании обобщающего текста, но не в формулировании идей. Что же касается подозрений в плагиате в отношении самого С.Сигеле, возникающих после ознакомления с выдержками из хронологиче-

ски предшествовавших материалов, то его можно, скорее, упрекнуть в недостатке обстоятельности при изучении проблемы, чем в преднамеренных некорректных заимствованиях.

МИХАЙЛОВСКИЙ VS СИДИС (1895, 1898)

В своих первых американских публикациях [Sidis, 1895; 1898] эмигрант из России, бывший политзаключенный и в будущем плодовитый исследователь проблематики внушения, психопатологии и психотерапии Б.Сидис (Сайдис) произвел ряд заимствований из концепции «героев и толпы» Н.К.Михайловского (1882), неизвестной иностранному читателю. Остается неясным, был ли осведомлен об этом отечественный публицист, социолог и литературный критик. В научном сообществе история прошла незамеченной.

Напомним, что противопоставление «толпы» и «героев» было сделано Н.К.Михайловским в ходе заочной полемики с Т.Карлейлем, приписывающим последним уникальный набор качеств, увлекающий к значимым целям [Карлейль, 1841/1891]. Демонстрируя отсутствие принципиальных различий в процессах социального влияния любого масштаба, российский ученый обозначил этим понятием ситуативных лидеров толпы, вызвавших «энергическим примером» кратковременный эффект подражания. Для Б.Сидиса, определявшего разницу между исторической личностью и подобным вожаком как качественную, а не сугубо «количественную», не было нужды в предпочтении этого слова. Однако в его работах понятие «герой», никем, кроме Н.К.Михайловского, не употреблявшееся по отношению к доминирующим в толпе ее членам, использовалось не в пример чаще, чем «лидер», «вожак» или «главарь».

Без упоминаний предшественника Б.Сидис изложил тезисы о готовности к слепому послушанию как характерной черте масс, об утрате личного «я» под влиянием внезапного массового возбуждения, о сходстве результатов пребывания в толпе с гипнотизмом, о монотонии условий окружающей среды как предпосылки к социальной гипнотизации. Многие из указанных заимствований были творчески переработаны, дополнены комментариями и заложены в основу собственных оригинальных мыслей. Однако столь же несомненно, что в его статье присутствует плагиат как фрагментов

исходного текста Н.К. Михайловского, так и отдельных идей. Даже половина примеров из «Исследования толпы» [Sidis, 1895] ранее была подобрана его предшественником для своих публикаций.

Произведенный разбор «кейсов» неправомερных заимствований заставляет задуматься: не являлась ли вся психология толпы в период ее становления в конце XIX века сплошным сочетанием плагиата и компиляций [Rubio, 2014]? Давая отрицательный ответ, отметим, что в психологии, вероятно, нет ни одной предметной области, которая на начальном периоде развития отличалась бы исключительной оригинальностью идей. Работы Н.К. Михайловского в России, С. Сигеле и Г. Лебона в Западной Европе, Б. Сидиса в Северной Америке при явной вторичности некоторых ключевых составляющих заложили основу для формирования специфического исследовательского поля, востребованного вплоть до наших дней. Поэтому с полным основанием за ними следует закрепить научный приоритет, пусть не в привычном значении первенства идей [Merton, 1957], но первенства обобщений и выводов.

В библиографии современных публикаций по проблематике коллективного поведения «Психология толпы» [Le Bon, 18956] упоминается намного чаще иных работ конца XIX — начала XX вв. Комментируя секрет популярности Г. Лебона, кто-то из исследователей иронично заметил: «Для этого надо всего лишь долго жить и забывать ссылаться на предшественников». Разумеется, причина успеха самобытного социального философа и психолога заключалась не в этом. Но и без отсутствия ссылок дело не обошлось. Обращение к «кейсу» «Сигеле vs Лебон» позволило установить, что знаменитый французский автор в числе прочего использовал разновидность плагиата, до сих пор не выделяющуюся в особую категорию. Однако в научном мире она встречается. В качестве примера приведем споры физиков по авторству теории относительности. Распространено мнение, что А. Эйнштейн заимствовал ряд идей А. Пуанкаре, Х. Лоренца и некоторых других ученых [Bjerknes, 2002]. Об этом трудно судить без специальных знаний. Однако применение им описываемой разновидности плагиата очевидно для неспециалиста. Отсутствие

ссылок в первой статье знаменитого физика и их явный недостаток в нескольких последующих публикациях позволяют, как и в случае Г.Лебона⁴, говорить о целенаправленном игнорировании авторского вклада предшественников в конкретной области знания.

Таким образом, сложившееся понимание плагиата как нарушения академической этики лишь в форме некорректного заимствования текстов, результатов или идей [Cooper, 2016; Helgesson, Eriksson, 2015; Masic, 2014; и др.]. нуждается в дополнении. Оно не учитывает того, что неправомерная выгода может быть извлечена не только из присвоения интеллектуального продукта или повторного воспроизведения собственного (самоплагиат). К таким же последствиям приводит и введение общественности в заблуждение относительно значимости своего исследования путем преднамеренного умолчания о трудах предшественников или отрицания их авторского вклада. Подобное действие, обозначенное нами как «плагиат публичности», предполагает не присвоение информации, а получение выгоды от ее нераспространения. Оно не попадает под категории нарушений этики, известные как фабрикация и фальсификация, так как имеет отношение исключительно к манипулированию авторством. Классификационными признаками, отличающими данный вид плагиата, являются преднамеренность и отсутствие заимствований из замалчиваемых работ.

Преждевременно полагать, что плагиат публичности в современных условиях доступности информации является исчезающим феноменом. Вполне представимы ситуации, когда недобросовестный ученый, развивая собственное понимание проблемы, замалчивает или сопровождает нелестными отзывами исследование конкурента, распространению информации о которых препятствует языковой барьер или отсутствие в интернете материалов малоизвестной научной конференции.

⁴ Г.Лебон был одним из тех, кто оспаривал у А.Эйнштейна научный приоритет в разработке принципа эквивалентности массы и энергии. Как рассказывают, физик удивленно ответил: «Но у вас же там ни одной формулы!»

8. ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КРИТИКИ ТЕОРИИ ТОЛПЫ ГЮСТАВА ЛЕБОНА

Один из современников известного популяризатора науки, социального философа и психолога Гюстава Лебона (1841–1931) иронично описал его как «интеллектуально одержимый «Кодак». Его книги заполнены правдивыми снимками, интересны сами по себе, но печально бессвязны и лишены фокуса» [Vincent, 1899, 555]. Трудно сказать, в какой мере это справедливо в отношении работ по физике, химии, физиологии, архитектуре, антропологии, истории, педагогике, этнографии, верховой езде и проч. Безосновательными признаны попытки Лебона претендовать на открытие «черного света», особого типа излучения, или настаивать в споре с А.Энштейном на своем приоритете в разработке основ теории относительности [Marreau, 2000]. Давно отвергнута научным сообществом его расистская концепция [Тагиефф, 2009]. Однако в одной области — психологии стихийных объединений — мы рискнули бы сравнить французского ученого не с примитивным фотоаппаратом, а, скорее, с прототипом некоего аналогового компьютера, способного обрабатывать массивы данных, не производя оцифровки и избегая исчислений.

По стилю «Психология толпы» не отличается от большинства образцов творчества Лебона, предназначенных для завоевания широкой публики: его язык прост, нередко афористичен, рассуждения сжаты, примеры тщательно отобраны, объяснения поверхностны и пристрастны, выводы весьма категоричны [Московичи, 1998]. Тем не менее эта книга переведена на многие языки, включая арабский, китайский, корейский, турецкий, японский. Электронные каталоги ведущих национальных библиотек отмечают, что во Франции она выдержала не менее 26-ти изданий, в США и Великобритании — не менее 21-го. Согласно электронному каталогу РГБ, после первой публикации [Лебон, 1896] она не появлялась в открытой отечественной печати в течение почти ста лет. Однако в период с 1995 до начала 2018 г. зарегистрировано 15 переизданий на русском языке.

Об актуальности идей Лебона в области психологии толпы свидетельствует и обилие критических комментариев. Если концепции его предшественников [Сигеле, 1893; Fournial, 1892; Тард, 1893] лишь кратко оцениваются в некоторых объемных работах историко-пси-

хологической направленности [Barrows, 1990; McClelland, 1989; и др.], то методологические просчеты Лебона все еще служат предметом детального рассмотрения не только в монографиях, но и в многочисленных научных статьях [Райхер и др., 2005; Drury, Stott, 2011; Stott, Drury, 2016; и др.], и даже в учебных пособиях [Reicher, 2001; Locher, 2002; Spears, Postmes, 2015]. Во многом это объясняется влиянием его ключевых положений на исследования коллективного поведения Чикагской школой социологии [McPhail, 1991], а также на становление теории деиндивидуализации [Vilanova и др., 2017].

Насколько идеи Г.Лебона в отношении феномена толпы, опубликованные в конце 19 века, сохранили значение в наши дни? Согласно одной из возможных точек зрения, они устарели не более чем труды иных гениальных ученых-доктринеров, начиная от трактата Макиавелли «Государь» до «Трех очерков по теории сексуальности» З.Фрейда. По другому мнению, основные составляющие данной теории заслуживают категорического опровержения или, по крайней мере, требуют принципиальных уточнений. Для ответа на этот вопрос рассмотрим совокупность критических суждений исследователей, начиная от того времени до наших дней.

ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ТОЛПУ

Работа анализируемого автора самым выгодным образом отличалась от книг его непосредственных предшественников конкретным и, казалось бы, убедительным описанием специфики влияния вожаков. Лебон настаивал на преимуществах демагогической коммуникации во многом гипнотического толка, выражающейся в воздействии не на рациональное мышление, а на воображение и чувства аудитории. Рисовать прельщающие всех образы, опираться на имеющиеся иллюзии, демонстративно разделять общие переживания, заражать бурными эмоциями, преувеличивать, смело обобщать частные случаи, выражаться предельно просто и категорично, повторять в одних и тех же выражениях, предпочитать законам логики лозунги и речевые штампы, никогда не пробовать доказывать что-либо рассуждениями — таков его «рецепт» управления толпой [Лебон, 1896, 187, 203, 243, 244, 253].

Для подтверждения эффективности такой тактики достаточно обратиться к опыту действовавших иначе. Известный социолог

П. Сорокин вспоминал, как едва избежал участи быть разорванным толпой, которой попытался последовательно объяснить все заблуждения большевиков и масштабы грозящих стране бедствий: «...я как будто бы разговаривал не с людьми, а с неким монстром. Глухим ко всяким доводам, обуреваемым ненавистью и бесчувственной жестокостью... Я никогда не забуду эти лица в обезумевшей толпе. Они потеряли все человеческое, укрепив в себе лишь звериное начало» [Сорокин, 1992, 238]. И только когда он, действуя в духе оратора Лебона, патетично вскричал: «Неужели моя смерть даст вам землю или наполнит ваши пустые желудки?» [там же], толпа, разразившись неожиданным смехом, отпустила намеченную жертву.

По поводу тактики воздействия В.М. Бехтерев обоснованно заметил, что толпа бывает разной, и если она настроена выжидательно и не находится в движении, то выслушает доводы ораторов, которые, разумеется, должны быть простыми, логичными, убедительными, сопровождаемыми подходящими образами и примерами. Потому исключать убеждение из арсенала пригодных инструментов преждевременно [Бехтерев, 1921]. Добавим, что пронизательное суждение высказали исследователи, мыслящие в парадигме социальной идентичности и самокатегоризации. Они обратили внимание, что Лебон сконцентрировался на том, как говорить с толпой, в ущерб тому, что именно ей говорить [Райхер и др., 2005]. Согласно их трактовке содержательной стороны воздействия, социальный манипулятор, например, насаждающий ненависть к другим, как минимум, предпринимает три действия, а именно: 1) устанавливает границы между «своими» и «чужими», выстраивая идентичность ингруппы так, чтобы она совершенно исключала аутгруппу; 2) представляет аутгруппу как угрозу для существования ингруппы, нередко наделяя ее одновременно как недочеловеческими, так и сверхчеловеческими чертами; 3) изображает ингруппу как самую добродетельную, единственно заслуживающую просоциального поведения, чем снимает любые ограничения с действий, направляемых против аутгруппы.

ДУХОВНОЕ ЕДИНСТВО ТОЛПЫ

Предпочтение вожаками демагогической тактики, согласно Лебону, всецело обусловлено психологической природой того сово-

купного суггеренда, в котором полностью растворились прежде сознательные личности и образовалось нечто целое — одинаково чувствующая, думающая и действующая «коллективная душа», «одухотворенная толпа», временный социальный организм, отныне подчиняющийся «закону духовного единства толпы» [Лебон, 1896, 163]. Нивелировка индивидуальных различий при этом бывает настолько велика, что независимо от уровня ума, культуры и благосостояния человек оказывается способен на такие акты поведения, которые ранее представлялись ему совершенно немислимыми. Отныне он, «песчинка среди массы других песчинок», носитель бессознательного расового начала, «становится автоматом, у которого своей воли не существует» [Лебон, 1896, 170].

Надо заметить, что во всем этом Лебон не был первооткрывателем. Начинаящий юрист С.Сигеле к тому времени уже описал «душу толпы», в которой скрепляются воедино личности, меняющие при этом свои черты в заведомо худшую сторону [Сигеле, 1893]. Будущий военный медик А.Фурниаль отметил, как разнородные индивидуальности переплавляются в единую форму, приобретая характер существа, способного чувствовать, действовать, но не мыслить [Fournial, 1892]. Социальный философ и социолог Г.Тард очертил, как разнородное сборище «вдруг становится одной колоссальной личностью, в которой тысячи лиц сливаются как бы в один смутный облик», приобретая общую веру, страсть и цель [Тард, 1893, 4]. Однако своей «мишенью» большинство критиков выбрало Лебона.

Согласно позиции многих из них, упоминать «коллективную душу» или иное «метафизическое чудовище» [Ostlund, 1957] допустимо лишь в качестве метафоры. Правильнее ограничиться констатациями проявлений «совместной активности» [Bentley, 1897] или «взаимовлияния разумов» [Martin, 1920]. Выражения типа «единство сознаний», «единая душа» и т.п. В.М.Бехтерев считал верной приметой субъективизма в оценке общественной деятельности, от которого пришло время избавляться. Не случайно, по его мнению, толпа стала излюбленным объектом исследований «субъективистов»: если с некоторой натяжкой подобные выражения еще допустимы к ней, то в отношении любых других социальных объединений они попросту бессмысленны [Бехтерев, 1921]. Мнение сторонников индивидуалистического подхода достаточно полно выразил Д.Д.Безсонов, настаивавший на необходимости изучения не абстрактной

«психологии толпы», а человека, находящегося в особом психическом состоянии, обусловленном пребыванием в толпе [Безсонов, 1907а]. Настроение толпы, утверждал, в свою очередь, Л.Е.Оболенский, есть не что иное как настроение отдельных личностей, ставшее одинаковым под влиянием одних и тех же обстоятельств. Игнорирование этого, иронизировал он, приведет к тому, что вскоре появятся «психология леса», «психология гор, моря», «психология театра» или «психология оперетки» [Л.О., 1896, 47].

Кульминацией индивидуалистического подхода стала концепция конвергенции Ф.Олпорта, согласно которой желание присоединиться к толпе и испытать ее воздействие обусловлено имеющимися у индивидов личностными склонностями, персональными predispositionностями к совместно планируемому поведению. Иначе говоря, «человек в толпе ведет себя так же, как вел бы себя один, только еще более так» [Allport, 1924a, 295]. Однако отметим, что упрощенное представление о мотивации поступков и явная недооценка процессов социального влияния привели к тому, что время существования этой концепции оказалось значительно меньшим, чем у теории Лебона.

Значительную активность критиков вызвал тезис о нивелировке индивидуальных различий. Еще до появления книги Лебона, возражая его предшественникам, В.К.Случевский писал о возможных исключениях: «Человек с развитым сердцем и с культурным чувством чести, ... присоединившись к ней и увлекшись ею, проявит более умиротворяющих начал, нежели человек, не обладающий этими личными свойствами» [Случевский, 1893, 12]. Много позже С.Райхер и Дж. Поттер другими словами выразили то же самое, усомнившись в соответствии тезиса об обязательной нивелировке личности тому, что мы обозначим здесь как «критерий дискриминативности», способность концепции замечать и объяснять различия в поведении индивидов. Наличие «духовного единства» предполагает, что в каких-либо беспорядках или погромах примут участие все собравшиеся без исключения, а это вовсе не так [Reicher, Potter, 1985]. Ч.Кули отметил, что степень изменения личности изрядно преувеличена. Утрата рационального контроля и индивидуальной ответственности в толпе не будет большей, чем в любом состоянии сильного возбуждения [Cooley, 1909]. Наконец, К.Макфейл, основываясь на многолетнем опыте изучения толп и многочисленных исследованиях коллег, указал, что той нивелировки личности, которая, по Лебону, приводит к потере когнитивного

контроля и участию в экстремальном или даже безумном поведении, в подавляющем большинстве случаев вовсе не происходит [McPhail, 1991]. По данным американского социолога, изредка удавалось зафиксировать подобное у нескольких членов толпы, но не более того.

Своеобразен последующий ход мысли К.Макфэйла: теорию толпы следует разрабатывать с расчетом на объяснение всего спектра возможного поведения, от экстремальных до самых обычных форм. Она не должна быть, как у Лебона, «теорией редких событий» [McPhail, 1991, xxiii]. Вряд ли с этим можно согласиться. Как мы упоминали ранее, если чрезвычайно редко встречающийся феномен несет в себе значительную общественную опасность, то его обособленное изучение представляется вполне оправданным.

Современные последователи парадигмы социальной идентичности и самокатегоризации полагают, что Лебон не только исказил выраженность нивелировки индивидуальных различий, но и дал ей неверное обоснование, противопоставив рациональное «Я» вне толпы антисоциальному «Мы» в ее пределах. С их точки зрения, следует вести речь не об утере «Я», а о состоявшемся переходе от личной идентичности к общей социальной [Reicher, Potter, 1985; Reicher, 2001; Drury, Reicher, 2011; Spears, Postmes, 2015; и др.]. Проблема в том, что на данный момент в их исследованиях когнитивный компонент идентичности превалирует над аффективным [Borch, 2006], что червато неверным пониманием феномена толпы.

МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТОЛПЫ

Описывая формирование «духовного единства» толпы и растворение в ней прежде самостоятельных «частиц», автор выделил три психологических механизма: 1) осознание численности, непреодолимости общей силы вкупе с анонимностью приводят к исчезновению чувства ответственности; 2) проявление заразительности или «заразы» (contagion), причисляемое к разряду гипнотических явлений, обеспечивает готовность жертвовать личными интересами; 3) восприимчивость к внушению обуславливает состояние бессознательной гипнотизации [Лебон, 1896, 168–169]. При этом он не упомянул наиболее привычного для исследователей толпы того времени механизма подражания, посчитав его не более чем одним из проявлений «заразы».

В отношении первого из выделенных механизмов критиками было замечено, что подлинной анонимности в толпе не существует, так как люди обычно приходят туда с родственниками, друзьями, соседями, общаются со знакомыми [Reicher, Potter, 1985; McPhail, 1991]. Однако такой аргумент не является релевантным. Члены толпы могут быть прекрасно известны тем, с кем объединены внутригрупповыми связями, но для тех, кто состоит с ними в межгрупповых отношениях в качестве противников, свидетелей или потенциальных жертв, они в большинстве случаев анонимны. Таким образом, постулируемая Лебоном связь анонимности с уменьшением чувства ответственности не опровергнута. Что касается влияния численности, представляются правомерными дополнения Д.Д.Безсонова о том, что, во-первых, активное ядро внушает страх не только противнику, но и нередко терроризирует пассивную часть толпы, вынуждая ее присоединиться к экстремальному поведению, а, во-вторых, большинство для представителей пассивного меньшинства обладает несомненной референтностью, что также влияет на поведение.

Два других механизма образования толпы Лебон разграничил явно недостаточным образом, указав лишь, что «зараза» является следствием восприимчивости к внушению. З.Фрейд логично предложил различать их по субъектам действий, при этом заразительность отнести к влиянию членов толпы друг на друга, а внушение считать функцией вожаков [Фрейд, 2016].

Множество критических комментариев в отношении этих механизмов связано с произвольностью и нечеткостью формулировок Лебона. Так, Г.Уоллес упрекнул его в неопределенности трактовки бессознательного, на котором основывается действие механизмов как заразительности, так и внушаемости. По его мнению, выражение «толпы всегда бессознательны» порождает резонный вопрос: социальные объединения лишены коллективного сознания или же каждый индивид в них полностью бессознателен? [Wallas, 1920]. Л.Остлунду представилась сомнительной опора этих двух механизмов на феномен гипнотизма, безусловно, «модный» во времена Лебона, но в реальности не имеющий к механизмам социального влияния особого отношения [Ostlund, 1957]. Позже этот тезис поддержал К.Майфейл, подчеркнув неслучайность отсутствия научных исследований коллективного гипноза. По его мнению, тот факт, что люди в толпе готовы преследовать цели, внушенные другими, еще не озна-

чает потери ими самоконтроля до степени сомнамбулы. Кроме того, Л.Остлунд обозначил как существенную ошибку преувеличение Лебоном влияния данных механизмов на личность, охарактеризовав эту часть теории толпы как сугубо механическую модель, где некритичный и пассивный индивид автоматически реагирует на внешние побуждения, не отличаясь регуляцией своего поведения от самых примитивных животных [Ostlund, 1957].

Однако не все претензии критиков беспристрастны. К.Макфейл описал как тавтологию то, что единственным доказательством существования механизмов образования толпы стало поведение, которое они должны были объяснить. Иначе говоря, объяснения оказались выведены исключительно из самого объясняемого материала. Нет оснований полагать, что Лебон проявил в данном случае большую методологическую неразборчивость, чем все предшествующие и многие из последующих исследователей социальных объединений.

СВОЙСТВА ТОЛПЫ

В результате действия рассмотренных механизмов «одухотворенная толпа» приобретает, по Лебону, следующие черты: преобладание бессознательного начала, импульсивность действий, изменчивость настроений, крайняя раздражительность, нетерпимость, легковерие, внушаемость до коллективных галлюцинаций, преувеличенность и односторонненность переживаний, глубокий консерватизм мнений, склонность к морализации. Помимо этого он находил в паттернах поведения толпы «варварское», «звериное», «женское» (!) начало [Лебон, 1896].

Автор «практически полностью исчерпал список подходящих прилагательных в перечислении особых черт толпы», — констатировал один из исследователей [Barnes, 1920, 342]. Другой видел в этом и подобных ему перечнях плод случайных наблюдений, отмечая их явную голословность, преувеличенность и пристрастность [Резанов, 1910]. Третий писал: «Если собрать все те черты толпы, на которые указывают исследователи, то она окажется наделенною всеми пороками и недостатками, которые свойственны вообще человеческому роду» [Безсонов, 1907а, 62].

Многие исследователи [Безсонов, 1907а; Cooley, 1909; Barnes, 1920; Бехтерев, 1921; и др.] видели серьезную методологическую ошибку

Лебона в некритичности перенесения характеристик отдельных толп времен Великой французской революции и Парижской коммуны на феномен стихийных групп в целом. В результате эпизодическое, если не рандомное, поведение получило вид неизменного атрибута [Reicher, 2001].

Ряд исследователей оспаривал правомерность тех или иных характеристик, предлагая собственные варианты [Безсонов, 1907а; Резанов, 1910; Бехтерев, 1921; и др.]. Однако такие изменения не являлись принципиальными. Начиная с 80-х гг. XX века, научное восприятие этого и аналогичных перечней изменилось. Ученые стали говорить о преднамеренной патологизации характеристик толпы. Справедливо утверждалось, что Лебон (наравне со многими из предшественников) подчеркнуто «деконтекстуализировал» ее, вывел за пределы, во-первых, социального контекста, где толпа, защищая свои интересы, выступает в качестве одной из сторон нередко продолжительного межгруппового конфликта, и, во-вторых, за пределы контекста ситуативного, исключив из рассмотрения действия непосредственно противостоящих ей сил [Reicher, Potter, 1985; Drury, Reicher, 2000; Reicher, 2001; Stott, Drury, 2016; и др.]. Взгляд на стихийное объединение как на «изолированный образец на чашке Петри» [Drury, Stott, 2011, 278] привел к неверному представлению о том, что проблемы исходят исключительно от самой толпы, в которой все подчинено примитивным и иррациональным побуждениям. Получалось, что толпа не может являться полноправным участником социальных изменений, ее воздействие обычно деструктивно, часто немотивированно, всегда кратковременно и, в итоге, социально несущественно. Как следствие, теория Лебона внесла заметный вклад в легитимизацию полицейского насилия по отношению к столь «патологической» толпе, подкрепила отказ истеблишмента от принятия во внимание требований угнетенных, а также способствовала отрицанию власти имущими собственной ответственности за создание конфликта [Reicher, Potter, 1985; McClelland, 1989; Barrows, 1990; Spears, Postmes, 2015; и др.].

Отдельного комментария требует трактовка французским ученым ума и нравственности толпы. В согласии с предшественниками (избегая, впрочем, упоминать в книге их имена), Лебон постулировал падение уровня интеллекта в социальном объединении, способном, по его мнению, опираться лишь на внушенные идеи. «В толпе люди всегда сравниваются, — писал он, — ...подача голосов сорока акаде-

миков окажется нисколько не лучше подачи голосов сорока водносов» [Лебон, 1896, 307]. Зато в вопросе нравственности толпы Лебон резко разошелся во мнениях с С. Сигеле, автором «Преступной толпы», и Г. Тардом, незадолго до этого опубликовавшем «Преступления толпы». По его словам, «есть преступная толпа, но есть также толпа добродетельная, героическая и много других. Преступления толпы составляют лишь частный случай ее психологии» [Лебон, 1896, 158]. Проявит ли она величайшее бескорыстие и самопожертвование или решится на крайнюю жестокость — во многом это зависит от ее вожаков и сопутствующих сторонних влияний.

Критики в целом одобрили позицию Лебона в отношении нравственности толпы, но многие разошлись с ним в оценке ее интеллекта [Лозинский, 1900; Cooley, 1909; Бехтерев, 1921; и др.]. Причина расхождения взглядов состояла не в иллюзиях относительно умственного потенциала уличных сборищ, а в различном понимании того, что именно считать толпой.

КЛАССИФИКАЦИЯ «ТОЛП»

Различительным критерием в отношении социальных объединений Лебону служил «закон духовного единства толпы». Если малая группа («даже шести человек достаточно» [Лебон, 1896, 163]), организация, целое сословие или весь социальный класс начинали подчиняться этому «закону», они считались «толпой». В предложенной им классификации толпы подразделялись на разнородные и однородные. При этом среди «разнородных» выделялись анонимная (например, уличная толпа) и неанонимная (присяжные, парламент и проч.). Категориями «однородных толп» стали политические и религиозные секты, «касты» (военные, духовенство, рабочие и т.д.) и классы (буржуазия, крестьянство) [Лебон, 1896, 282].

Если первоначально критики [Безсонов, 1907а; Резанов, 1910; и др.] пытались вносить свои поправки, то уже к началу 20-х гг. была признана чрезмерность генерализации Лебоном понятия толпы [Martin, 1920; Бехтерев, 1921; и др.], выражающаяся в его некорректном распространении на иные социальные объединения на основании второстепенного признака. Чуть ли не единственным сторонником расширенной трактовки термина в то время оставался, вероятно,

самый резкий критик Лебона — Л.Н.Войтоловский, по остальным вопросам не стеснявший себя в выражениях. «Вульгарная теория», ставшая «евангелием для всех буржуазных правительств», «патентованный парижский психолог», пытающийся «приставить старую дворянскую голову к демократическим массам» [Войтоловский, 19256, 36, 99] — таковы лишь некоторые эпитеты, которыми обильно награждался заочный оппонент.

С заметно меньшей экспрессией многие зарубежные [Barnes, 1920; Ostlund, 1957; Barrows, 1990; McPhail, 1991; Московичи, 1998; Stott, Drury, 2016] и советские [Ашин, 1971; Поршнев, 1979; Бессонов, 1985; Грушин, 1987; Овчаренко, Грицанов, 1990] ученые отмечали идеологическую ангажированность позиции Лебона в отношении объекта своего исследования. Почти в одних и тех же выражениях они писали о его антидемократической предвзятости, предубеждениях против пролетариата, консервативности, реакционности, выражении страхов буржуазии, классовых предрассудках и озлобленности. На фоне сходства оценочных суждений заметно одно отличие — исследователи советского периода предпочитали критиковать теорию толпы Лебона как таковую, воздерживаясь от обстоятельного изложения ее составляющих. Идеологизация науки, характерная для того времени, предполагала замалчивание «неприемлемых» идей при нашивании «ярлыков» на их авторов.

Предсказывая наступление «эры толп», угрожающей привычному миропорядку, Лебон выбрал свою сторону баррикад. Однако видеть в его теории «научное оправдание авторитарного правления и освящение диктатуры» [Ostlund, 1957, 170] или даже «набор рецептов... [для] фашистских заправил» [Бессонов, 1985, 97] в корне неверно. Ему казалось очевидным, что в социальной сфере психология должна уметь не только выявлять, объяснять и предсказывать, но и предлагать решения актуальных проблем.

Любители простых ответов на неоднозначные вопросы продолжают находить в его книге готовые формулировки для подтверждения собственных опасений, предубеждений или устремлений. В то же время «полуправда Лебона» [Московичи, 1998] остается основанием научной традиции, противостоящей современному тренду в интерпретации стихийных объединений с позиций отчетливого индивидуализма и социального когнитивизма, недооценивающего иррациональные и интерактивные аспекты поведения толпы.

9. ЗАБЫТАЯ КОНЦЕПЦИЯ ТОЛПЫ ПАСКУАЛЕ РОССИ

Трактовки толпы, появившиеся в западноевропейской науке на рубеже XIX–XX вв., традиционно сопровождались предельно негативными коннотациями. Так, С.Сигеле описывал стихийное объединение как субстрат, в котором созданы все условия для интенсивного развития микроба зла [Сигеле, 1893, 42]. Г.Тард сравнивал толпу с диким существом, «мало того — с бешеным, несдержанным зверем, слепой игрушкой своих инстинктов и рутинных привычек, [что] иногда напоминает собой беспозвоночное низшего порядка, род какого-то чудовищного червя, ... извивающегося в беспорядочных движениях даже после отделения головы» [Тард, 1893, 10]. Г.Лебон писал: «Сила толпы направлена лишь к разрушению. Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства» [Лебон, 1896, 157]. «Звериное начало», «коллективное сумасшествие», «свирепость дикаря», «женский характер», «склонность к преступлению», «иррациональность мышления», «покорность внушению», «стадный инстинкт» — таковы лишь некоторые характеристики, приписывавшиеся в то время стихийным объединениям [Горбатов, Большаков, 2015].

С точки зрения современных исследователей [Bosc, 2003; Serge, 2016; Stizzo, 2017; и др.], такая трактовка стала выражением опасений представителей правящих классов в условиях резкого изменения социально-экономических реалий. Процессы индустриализации, сопровождаемые увеличением численности и активности пролетарских масс, нарастание крестьянских волнений в центральной Европе, усиление влияния политических партий левой ориентации, активизация суффражистского движения, всплеск анархистского террора — все это потребовало осмысления проблемы как уголовного преследования за массовые преступления, так и поиска эффективных способов управления стихией толпы.

Принципиально иную позицию в отношении психологической природы стихийных объединений занял Паскуале Росси (1867–1905), итальянский исследователь, врач, журналист, социалист и филантроп. Росси отказался демонизировать толпу, воспринимать ее исключительно с точки зрения психопатологии, иррациональности и делинквентности [Mucchi-Faina, 2000; Stizzo, 2017]. Для него толпа умеет не только воспринимать внешние воздействия, действо-

вать и чувствовать, но и мыслить, проявляя целеустремленную активность. Точно так же как индивидам ей необходимо образование для того, чтобы заменить импульсивность осмысленностью, поверхность мысли — глубиной, антиобщественную направленность — продуманными просоциальными действиями [Rossi, 1898].

КРИТИКА П. РОССИ ПЕРВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТОЛПЫ

В тенденции С.Сигеле, Г.Тарда и их многочисленных последователей приписывать толпе склонность к преступлению он видел не более чем «софистику ложного обобщения», выразившуюся в неоправданном переносе на все виды стихийных объединений свойства, присущего лишь некоторым из них. Согласно П.Росси, толпа становится преступной по нескольким причинам. Она может, во-первых, отличаться специфическим составом, включая в себя в тот или иной момент значительное число «прирожденных» и профессиональных преступников; во-вторых, подчиняться внушению злонамеренных вожаков; в-третьих, подражать нормам, насаждаемым неразборчивой в средствах общественной элитой; в-четвертых, переживать минуты эмоциональной бури и нравственного кризиса, способные подтолкнуть к нарушению закона [Rossi, 1898; 1904a]. Таким образом, преступное начало выступало в его понимании не как имманентное, но как спорадическое свойство толпы. Росси писал: «Обычные действия толпы, как правило, являются антикриминальными, мирными или полезными.... Здание загорелось, и прежде чем появятся пожарные и солдаты, анонимная толпа начинает работу по тушению; происходит несчастье, которое глубоко затрагивает душу, от толпы отделяются первые спасатели, ... поэтому мы можем сказать, что только как исключение действия толпы становятся преступными» [Rossi, 1898, 18].

Добавим, что для убежденного социалиста, приговоренного в период обучения в университете Неаполя к полугодовому тюремному заключению за участие в массовых беспорядках и позже организовавшего комитет защиты жертв правительственных репрессий, «преступность» зачастую являлась тем ярлыком, которым истеблишмент наделял своих политических противников. Росси воспринимал толпу как субъект общественного развития, способный отстаивать в борь-

бе свои интересы или убирать с арены истории мешающие прогрессу социальные институты [Rossi, 1898].

По его мнению, первые исследователи толпы совершили еще одну методологическую ошибку, фактически, отказав социальным объединениям любого типа в интеллектуальной активности и творческом потенциале. Напомним, что для Г.Лебона суждения десятков академиков, собранных воедино, не отличались большей разумностью и рассудительностью от мнений такого же количества водоносов [Лебон, 1896, 307]. «Двенадцать здравомыслящих и здоровых людей могут выдать решение, совершенно бестолковое и бессмысленное, — вторил ему С.Сигеле, — подобное же явление происходит в заседаниях многочисленных комиссий — художественных, научных и промышленных» [Сигеле, 1893, 10]. «Все гениальное индивидуально даже в деле преступлений... социальным группам несвойственно высокое умственное развитие... хорошо сотворенный ум стоит выше парламента...», — постулировал вслед за ними Г.Тард [Tarde, 1893, 350–351].

Для П.Росси вполне очевидно, что выраженные эмоциональные переживания затрудняют совместное осмысление проблем, однако это не означает того, что способность к размышлениям, взвешенным решениям и креативности присуща лишь изолированным индивидам. Как он полагал, появление такого рода суждений связано с «младенческим» возрастом новой науки — коллективной психологии, в силу недостатка эмпирических данных не всегда отличающей случайное от типичного.

Еще одной «болезнью роста» новой отрасли психологии стала, по его мнению, недооценка социальных факторов активности толпы. Чрезмерная эксплуатация, бедность и лишения оборачиваются массовыми нервными болезнями, ослаблением умственных способностей и развитием патологической внушаемости [Rossi, 1904a]. Кардинальное улучшение жизни угнетенных масс рассматривалось им как необходимая, но не исчерпывающая мера для установления отношений социального согласия.

П. РОССИ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В конце XIX века в западноевропейской (преимущественно итальянской и французской) науке сформировалось направление, по-

лучившее наименование коллективной психологии. Однако время его существования оказалось непродолжительным, что во многом связано со спецификой выделения предмета исследований. Согласно воззрениям адептов новой науки, предметная область коллективной психологии должна располагаться между психологией, изучающей психику индивидов, и социологией, сосредоточенной на структуре и функционировании организаций. По С.Сигеле, предполагалось, что она изучает временные, случайные и разнородные по составу собрания [Сигеле, 1893]. Согласно же П.Росси, предмет ее исследования составляют любые социальные объединения, в которых образовалось «духовное единство», «совокупная душа», побуждающая прежде самостоятельных индивидов думать, действовать и чувствовать одинаковым образом [Rossi, 1904a].

Развивая ключевые положения этого подхода, Росси предложил понятие «психоколлективного факта», механизма образования общности, обозначенного им как «коллективная синестезия» (ит. «*sinestesia collettiva*», от греч. «соощущение»). Он постулировал, что распространение переживания по всей совокупности собравшихся имеет внешнюю сторону, выражающуюся в возгласах, жестах, мимике и т.п., и внутреннюю, проявляющуюся в единстве восприятий и отношений. При этом «коллективная синестезия» динамична, ее интенсивность и продолжительность меняются в зависимости от силы того или иного стимула и эффектов от предшествующих воздействий, производя особый психоколлективный ритм [Rossi, 1904a]. Продукт синестезии — «коллективная душа» — рассматривался им не в качестве метафоры, но как реальный феномен, подобный организму, состоящему из множества соподчиненных клеток.

Обобщив воззрения предшественников, Росси сформулировал основные принципы коллективной психологии, а именно:

- 1) «психического продукта»: при объединении индивидов не происходит сложения психических характеристик исходных единиц (Э.Ферри);
- 2) «изменения свойств»: объединение индивидов всегда уменьшает интеллект и усиливает чувства (С.Сигеле);
- 3) «гиперорганический закон»: при объединении людей в толпу усиливается атавистический аспект их психологии.

Действие последнего принципа он ограничил собственно толпой, неорганизованным и неструктурированным сборищем, тогда

как другие признал характерными для «толп» любого типа [Rossi, 1904a].

Надо заметить, что для подчеркивания сходства различных социальных общностей, способных нивелировать индивидуальные различия, внушить одни и те же идеи и подтолкнуть к одинаковым действиям, последователи коллективной психологии чрезмерно широко использовали понятие толпы. Как мы видели в главе, посвященной критике теории Г. Лебона, так называли не только уличных зевак, манифестантов или погромщиков, но и политические партии, театральную публику, коллегии присяжных, научные конгрессы, воинские подразделения, религиозные секты, сословия, классы и даже целые народы, если могли приписать им в тот или иной момент «духовное единство». Фактическое игнорирование различий между социальными объединениями столь разных типов при обозначении их термином, за которым в повседневной жизни закрепилось принципиально иное содержание, вносило путаницу и позже было признано нецелесообразным [Горбатов, Большаков, 2015].

Выделение в качестве предмета исследований таких «толп», т.е. объединений в период их наибольшего влияния на индивидов, заведомо сузило область применения коллективной психологии, лишив ее возможности конкурировать с социальной психологией. Свою роль в этом сыграла и своеобразная субъективная производная предмета этой науки. Имеется в виду невольное желание сторонников коллективной психологии расширить область исследований, преувеличив силу воздействия групп на своих членов и степень происходящих при этом личностных изменений. Например, Г. Лебон писал: «преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действия внушенные идеи — вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует» [Лебон, 1896, 170]. Показательно, что ни он, ни Росси, ни другие адепты этой науки не оговаривали переменных, препятствующих влиянию толпы на человека.

Еще одним препятствием на пути признания за коллективной психологией статуса самостоятельной науки стали ограничения в методах исследования. По мнению П. Росси, процессы образования «коллективной души» в силу своей сложности и множества ис-

пытуемых почти не подлежат экспериментальному изучению. Высказываясь в пользу наблюдения и анализа вторичных источников, он утверждал, что эксперимент возможен лишь с «толпами» малой численности (школьный класс, спиритический кружок и т.п.) и примитивными стимулами [Rossi, 1904a]. Что касается социальной психологии, то она со времен Ф.Олпорта приобрела отчетливо экспериментальный характер.

ПРИРОДА УЛИЧНОЙ ТОЛПЫ

Рассуждая об особенностях примитивного социального объединения, П.Росси уделил особое внимание вожакам, испускающим «психоколлективные волны» внушения и заражения. Средствам их воздействия он посвятил отдельную работу [Rossi, 1904b], рассмотрев в ней соответствующий арсенал актеров-трагиков, певцов и музыкантов, ораторов, преступников и военных, лидеров неформальных детских объединений и т.д. Используя во многом те же приемы, вожаки, как правило, лица с болезненной психикой, дисгармоничные, импульсивные и целеустремленные, оказывают определяющее влияние на возбудимых людей слабой воли, которые начинают действовать на окружающих как «мультипликаторы эмоциональных вибраций» [Rossi, 1904a, 222]. Таким образом формируется «духовная общность», стирающая личностные и социальные различия в переживаниях и действиях.

По Росси, влияние вожака и толпы взаимно и непостоянно по интенсивности проявлений. Их связывает множество психоколлективных волн и вибраций, накладывающихся друг на друга. Одни из них затухают, другие — усиливаются до такой степени, что вызывают самовнушение даже у наименее гипнабельных индивидов [Rossi, 1898; 1904b]. Итальянский исследователь не вполне удачно попытался описать итоги этих процессов в виде «закона коллективной психометрии» [Rossi, 1904b, 135], согласно которому время возникновения специфичного для толпы психоколлективного ритма обусловлено временем реакции каждого ее члена и плотностью собрания в пространстве и времени.

Как и индивид, каждая толпа, по его мнению, имеет свой характер, возраст, периоды кризисов. Суммируя те или иные чувства, она

способна формулировать и распространять мысли. Совершая определенные действия — вырабатывать отношение к другим субъектам общественной жизни.

Толпа, неустойчивая по проявлениям и недифференцированная по составу, согласно его воззрениям, способна на позитивное преобразование. И поэтому следует выделить в ее существовании два аспекта — статический, соответствующий текущему состоянию, и динамический, отражающий потенциал последующего развития. И если первый характеризуется доминированием эмоциональной и импульсивной страстности, то второй будет отличаться коллективной работой мысли, осознанной нравственностью, стабильностью отношений. Переход к этому аспекту означает, что толпа стала народом [Rossi, 1906].

ДЕМОПЕДИЯ КАК НАУКА ОБ ОБРАЗОВАНИИ МАСС

Намечая перспективы назревших социальных преобразований, Росси писал: «чем больше толпа будет образована, чем больше культура будет пронизывать низшие социальные слои, тем большее число мыслящих людей примет участие в разработке идей, и если гений... укажет новую область исследований, именно толпа придаст этой мысли универсальность и интеграцию» [Rossi, 1898, 43]. С его точки зрения, основная задача состоит не в том, чтобы научиться успешно манипулировать стихийными объединениями, но поднять их уровень развития до необходимого для общественного благополучия [Donzelli, 2000]. С этой задачей должна была справиться особая отрасль науки, располагающаяся между психологией и педагогикой, — демопедия (*demopedia*), ориентированная не на личность, а на массы.

При этом воздействие должно быть комплексным — от принятия законов, справедливым образом регламентирующих труд пролетариата, до предоставления необходимых политических свобод, разработки программ обучения талантливых выходцев из народа в университетах и открытия множества публичных библиотек, театров, концертных залов [Rossi, 1906]. Росси призывал национальную элиту ориентироваться на более продуманную политику по этому вопросу Бельгии, Британии, Германии и других передовых стран. Многие зависит и от тех образцов общественной морали, которые

принимаются пролетариатом и крестьянством в качестве примеров для подражания. Процесс дальнейшего образования толпы невозможен без самовоспитания элиты.

Современники критиковали Росси за избыточность аналогий «коллективной души» с индивидуальной психикой, подчеркивали его непоследовательность при различении феноменов массы и толпы, проявлений психопатологии и иррациональности, сущности стихийных и социальных объединений [Squillace, 2010], не видели принципиальных отличий демопедии от социальной педагогики [Rossi, 1906].

Надо заметить, что работы П.Росси не относились к числу особенно популярных. Показательно, что на русском языке был опубликован лишь один обстоятельный обзор его воззрений на психологию вожаков толпы [Е.Л., 1908], в то время как библиографические списки по трудам других исследователей данной проблематики конца XIX века — Г.Лебона, Н.К.Михайловского, Г.Тарда — насчитывают множество наименований. Однако в настоящее время заметно некоторое усиление интереса ученых к составляющим его концепции. Иногда отмечается потенциал идей П.Росси при решении актуальных проблем взаимодействия с «толпами на дому», характерными для современности [Stizzo, 2017], анализа закономерностей влияния в группах значительной численности [Bosc, 2003], изучения феномена поляризации суждений после дискуссии [Mucchi-Faina, 2000], определения специфики политических партий и сект [Donzelli, 2000], выявления социальных предпосылок в деле воспитания масс [Serpe, 2016]. Добавим, что перспективными для дальнейшего изучения представляются его работы по исследованию лидерства и харизмы, интерференции побудительных посылов в толпе, а также иррациональным аспектам поведения стихийных объединений.

10. ФЕНОМЕН БУНТУЮЩЕЙ ТОЛПЫ В АМЕРИКАНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Процессы индустриализации конца XIX века обусловили возникновение во многом схожих социальных проблем в разных странах. Рост численности городского населения, обнищание пролетариата, активизация классовой борьбы, разрушение привычного общественного уклада в Северной Америке усугублялись массовой миграцией и обострением расовой и этнической розни [Butsch, 2008; Frezza, 2007; Drury, Stott, 2011; и др.]. Однако американская общественная мысль того времени отвергла антидемократическую трактовку массового поведения, характерную для первых западноевропейских теорий толпы [Butsch, 2008; Leach, 1986; Staheli, 2013; и др.]. На их основе были разработаны во многом оригинальные концепции, позже востребованные Чикагской социологической школой и исследователями деиндивидуализированного поведения. Рассмотрим специфику понимания толпы представителями американской науки на начальном периоде изучения этого феномена.

КРИТИКА Ч. КУЛИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ТЕОРИЙ ТОЛПЫ

Среди критических отзывов в адрес теорий толпы французских и итальянских авторов конца XIX века [Sighele, 1891; Tarde, 1892; Le Bon, 1895b; и др.] своей обстоятельностью выделяются замечания Ч.Х.Кули. Известный социолог и социальный психолог посвятил этому вопросу главу в монографии [Cooley, 1909]. В ней, в частности, указывалось на некорректность переноса негативных характеристик толпы на демократию в целом, а также на отсутствие системной угрозы обществу со стороны «иррациональных и дегенеративных» толп. По его мнению, здоровая демократия прежде всего характеризуется иммунитетом граждан к призывам демагогов и сенсациям журналистов. Как опытный пожарный не склонен впадать в панику при звуках очередной сирены, искушенный избиратель в силу многолетней привычки сохранит самоконтроль и здравомыслие суждений там, где в ином обществе уже бушевали бы разрушительные страсти.

Истоки представлений об опасности «эры толп» Ч.Кули видел в пугающем впечатлении от революционных событий во Франции. Однако ему казалось совсем не очевидным, что зарождавшаяся французская демократия продемонстрировала неспособность к развитию. Следовало учесть те объективные трудности, которые она не смогла преодолеть, — давние классовые конфликты, неизбежный милитаризм, отсутствие опыта народного самоуправления из-за подавления монархией политической инициативы. Таким образом, частные характеристики оказались приняты за общие. В нормальных условиях, постулировал он, нет ничего более далекого от демократии, чем власть безответственной толпы.

Ч.Кули отмечал, что изменения личности в толпе, изрядно преувеличенные исследователями, принципиально не отличаются от тех, что характерны для состояния возбуждения во множестве жизненных ситуаций. Точно так же им не признавалось уникальным устрашающее воздействие стихийного объединения, вполне соответствующее чувству робости при приближении к неординарной личности и столь же преходящее. Обоснованные возражения вызывал тезис об интеллектуальной ущербности толпы, сформированный при ее противопоставлении взятому в отдельности «рационально мыслящему» индивиду. Ч.Кули полагал, что такая точка зрения характерна для общества, где чтение заняло место собрания как стимула к размышлению. Однако так было не всегда. Долгое время религиозные или светские празднества, сопровождаемые музыкой, танцами, актерскими выступлениями или произнесением речей, больше способствовали расцвету личности, чем привычка к уединению. К тому же, нет оснований полагать, что вне толпы индивид, поглощенный повседневными заботами, непременно окажется на вершине ментального бытия.

По мнению ученого, сущность толпы заключается в другом — в способности распространять и усиливать любое чувство на фоне отсутствия социальной организации. Во многом этому способствует непривычность ситуации для индивида, который «в толпе подобен упавшему за борт в том смысле, что он удален от своего обычного окружения и погружен в странное и тревожное состояние. Одновременно возбужденный и запуганный, он с готовностью принимает внушенную эмоцию — например, панику, гнев или самоотверженность — и переходит к опрометчивым действиям» [Cooley, 1909,

150–151]. Поведение такой толпы импульсивно. В нем могут выражаться как самые низменные желания, так и глубокие нравственные озарения. Априори настаивать на первом, отрицая второе, означает игнорировать возможность того, что «это может быть один из тех голосов народа, в которых потомство услышит голос Божий» [Cooley, 1909, 154].

КОНЦЕПЦИЯ ТОЛПЫ Б. СИДИСА

Первое обращение к феномену толпы эмигранта из России и будущего знаменитого ученого трудно назвать удачным. Основные положения его статьи [Sidis, 1895], как отмечалось в главе о научном приоритете и плагиате, основывались на пересказе неизвестной иностранному читателю теории «героев и толпы» Н.К.Михайловского. Гипнотическая модель коммуникации в толпе, особенности поведения ее ситуативного лидера, несущественность мотивации и личностных свойств такого «героя», нивелировка индивидуальных различий ведомых, монотония условий жизни как предпосылка к социальной гипнотизации — все это, как и ряд исторических и этнографических примеров, было, повторим, заимствовано у Н.К.Михайловского без упоминаний подлинного автора.

Теоретические различия публикаций сводятся к тому, что, во-первых, Б.Сидис воздержался от использования по отношению к толпе концепта подражания, принципиально значимого для его предшественника, во-вторых, распространил на толпу важную для последующих исследователей мысль У.Джемса об ослаблении индивидуальности вследствие вынужденного ограничения свободы движений, в-третьих, противопоставил (что было не актуально для Н.К.Михайловского в силу сосредоточения на феномене уличной толпы) ситуативному вожаку подлинного «героя», способного оставить след в истории. Если первый удерживает на себе внимание окружающих лишь на время своего экстремального поведения, то второй — великий воин, политик, религиозный деятель — поражает других масштабом личности, отличающейся уникальным набором свойств. Заслуживают внимания проницательные наблюдения Б.Сидиса относительно роли вожаков, структуры толпы и силы ее влияния

на личность, сделанные во время еврейских погромов на юго-западе России в 80-е гг. XIX века.

Более оригинальные взгляды на феномен толпы были представлены в монографии «Психология внушения» [Sidis, 1898]. Автор отказался от идеи противопоставления разрушительности толпы и созидательности общества, характерной для исследователей коллективного поведения того времени [Staheli, 2013]. Во всех без исключения аспектах социальной жизни он выделял общую черту: «...дух внушаемости таится даже в самых лучших людях; подобно тому как злой джинн из арабских сказок закупоривается в обычном на вид сосуде. Глубоко в природе человека мы находим скрытый дух внушаемости.... Не социальность, не рациональность, а внушаемость — вот что характеризует обычного человека, ибо человек — это внушаемое животное» [Sidis, 1898, 17]. И какие бы формы не приняла внушаемость — нормальные, как в обыденной жизни, или патологические, как в бунтующей толпе, — она сопровождается разными по силе, но одинаковыми по природе физиологическими изменениями. Согласно Б.Сидису, их суть заключена в дизаггрегации сознания (disaggregation of consciousness), «расщеплении духа», когда бодрствующее, контролирующее и рассуждающее личное «Я» теряет свою силу, и на поверхности психической жизни обнаруживается древнее рефлекторное, подбодрственное (subwaking) сознание, безличное «Я».

По мысли Б.Сидиса, возможность расщепления сознания обеспечила человечеству уникальные преимущества в ходе эволюции. С одной стороны, активность личных «Я» стала базой для прогресса цивилизации с ее наукой, культурой, искусством, социальной организацией. С другой стороны, внушаемость, активизирующаяся при подбодрственном сознании, создала условия для мгновенной коммуникации, успешной ориентации на окружающих, высокой степени управляемости сообществом. Проблема в том, что усиление социального давления по мере накопления все большего количества экономических, политических, религиозных и культурных предписаний превращает современного человека в марионетку, простой автомат. Все чаще его личное «Я», способное свободно мыслить и жить, угнетается, поле сознания сужается, и доминирование безличного «Я» приводит к тому, что «Люди думают толпами и сходят с ума стадами» [Sidis, 1898, 343].

По его замечанию, не всякая общность людей становится толпой. В одном случае внушение остается косвенным, а дизаггрегация сознания — мимолетной и неустойчивой, а в другом — прямое и интенсивное взаимное внушение приводит к поражению сознания в результате его стабильной дизаггрегации. Такое происходит при нескольких условиях, а именно:

- вынужденном ограничении свободы движений из-за скученности;
- сужении поля сознания при появлении объекта общего внимания;
- формировании «матрицы толпы», сочетания внешней монотонии и внутреннего торможения;
- атмосферы общего возбуждения вследствие повышения интенсивности взаимных внушений.

В результате толпа быстро ассимилирует новых членов, снижает критичность к любому внушению, придает поведению людей импульсивность. «Как людоед она питается людьми» [Sidis, 1898, 304].

КОНЦЕПЦИЯ ТОЛПЫ Э.А. РОССА

Один из основоположников социальной психологии Э.Росс различал два вида стихийных объединений — «crowd» и «mob». С его точки зрения, возбужденная или стремящаяся к насилию толпа (crowd) еще не вошла в психическое состояние mob (от «mobile»), если каждый из ее членов не повинуется общему порыву, но лишь проявляет изначальную склонность к конкретному поведению, защищенный осознанием анонимности на фоне многочисленности собравшихся. Основным признаком «mob» является атмосфера единодушия вследствие интенсивных процессов умственного заражения при взаимном внушении. Такое состояние переменчиво, когда одно внушение сменяется другим; оно иррационально, так как интеллект и опыт заменены впечатлениями текущего момента; кратковременно из-за того, что оргия возбуждения приводит к истощаемости реакций на внешние раздражители; трусливо, потому что скрепы внушения быстро рассеиваются. Другие возможные его характеристики — свирепость, бесстыдство, преступность, мужество, нетерпимость

и проч. — в большей мере обусловлены не природой внушений, а законом больших чисел [Ross, 1897].

По мере того, как внушение вожака, подхваченное активным ядром, распространяется по рядам, оно приобретает все большую силу. То, что начиналось в центре толпы как «очарование», становится на периферии настоящим умственным запугиванием, которому не может противостоять неподготовленная личность. Эмоции берут верх над рассудком, экстремисты влияют на прежде умеренных или безразличных, законопослушные граждане оказываются способны на преступление. В этом процессе Э.Росс выделял три аспекта: «нарастание», эмоциональное и ментальное заражение собравшихся друг от друга; «интенсификацию», увеличение общей активности на фоне духовного единения; «предрасположение», возникновение переживания симпатии в результате образовавшегося унисона, способного проложить путь к ментальному единству толпы [Ross, 1909].

Если в описании роли внушения в общественной жизни в целом и в пределах толпы Э.Росс следовал по пути, определенному Б.Сидисом, то при анализе влияния урбанизации на активность стихийных объединений, а также принципиальных отличий публики (или общественности) и толпы он развивал положения, выдвинутые Г.Тардом [Тард, 1893; 1902]. В частности, Э.Росс утверждал, что общественности, рассеянные в пространстве совокупности людей, получающих информацию из одних источников и поэтому имеющих сходство вкусов и убеждений, могут переходить в режим духа толпы. Симптомами этого являются «помешательство» и «причуда», предполагающие иррациональное единство интересов, чувств, мнений или поступков взаимодействующих индивидов как результат внушения и подражания. Итоги подобной заразы умов иногда достигают градуса общественной истории, несмотря на то, что ее изначальная причина обычно незначительна. При этом под «помешательством» подразумевалось подражательное единодушие, сопровождаемое массовым волнением (таковы финансовая паника, культ нового мессии, слухи о войне, государственный переворот, страхи перед холерой, таинственные убийства, появление кометы и проч.), а под «причудой» — внезапное сосредоточение общего внимания и интереса на престижной новизне (вегетарианство, спиритизм, лечение водой,

короткие женские прически, домашние ящерицы, философский пессимизм, поэзия декадентов и т.д.).

Большинство «причуд» сравнительно безобидно, тогда как «помешательства» несут двойную опасность: каждое из них не только нарушает течение общественной жизни, но и обладает кумулятивным эффектом, выражающимся в усилении повторных воздействий, даже когда их содержание принципиально различно. В неоперациональном и неисчисляемом виде Э.Росс описал семь законов социального помешательства. В частности, он указал, что каждое из них требует времени до своей кульминации; на стадии интенсивного распространения они способны повлиять на самые трезвые умы; на «пике» их развития проявляется массовая готовность верить наиболее абсурдным внушениям; чем выше накал общественного напряжения, тем больше выражена негативность последствий; за волной одних экстремальных эмоций нередко следуют другие; меняющееся общество в большей мере подвержено безумию в сравнении с традиционным; этническая или ментальная однородность способствует развитию помешательства [Ross, 1909].

Если в обыденной жизни многие внушения из общего потока блокируют друг друга, то в режиме духа толпы они способны сломать самую сильную волю как повторяющиеся удары молота разрушают валун. Не случайно особое значение Э.Росс придавал выявлению факторов, препятствующих появлению этого состояния. Так, при обсуждениях проблем в контактных группах он считал целесообразным придерживаться правил британского парламентаризма (председатель не участвует в прениях, ораторы обращаются к председателю, слушатели не прерывают ораторов, переходы «на личность» считаются недопустимыми и проч.). Что же касается противостояния внушению в дистантных группах, то он рекомендовал комплекс мер, включающий получение высшего образования, знакомство с классической литературой, избегание сенсационной прессы, загородную жизнь, занятия спортом, заботу о семье и собственности, участие в добровольных объединениях, стремление к интеллектуальному самообладанию и т.д. Все это выглядит довольно тривиально, однако более конкретно в сравнении с обычными для того времени сентенциями, что только нравственно зрелая личность способна устоять перед толпой.

В конце 20-х — середине 30-х гг. прошлого века феномен толпы почти полностью исчез со страниц профессиональных журналов [Reicher, Potter, 1985]. Вероятно, это было связано с развитием экспериментального метода в общественных науках, для которого толпа оказалась не самым подходящим объектом. Однако в 40-е гг. представители Чикагской социологической школы, а с начала 60-х гг. и специалисты в области деиндивидуализации поведения вновь обратились к наследию первых исследователей стихийных объединений. Косвенное влияние идеи Б.Сидиса и Э.Росса оказали и на ученых, рассматривающих коллективное поведение в парадигме социальной идентичности. Основаниями для такого предположения являются современные редакции [Reicher, Potter, 1985; Reicher, 2001; Drury, Stott, 2011; Spears, Postmes, 2015; и др.] тезисов конца XIX века о формировании общего «Я» толпы в процессе подавления личных «Я» индивидов, а также о возникновении в результате подобных изменений особого психического состояния, когда-то названного «mob mind».

§ 11. ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ПРЕДРАССУДКИ В ПЕРВЫХ ТЕОРИЯХ ТОЛПЫ

Как уже отмечалось, для исследователей того времени толпа представляла как олицетворение всего «преступного», «низменного», «животного», «сумасшедшего», «дикарского» в человеческой природе. Данный перечень был бы неполон без упоминания о «женском начале» толпы, психическая неустойчивость, иррациональность мышления и выраженная внушаемость которой противопоставлялись «мужской» стабильности и здравомыслию взятого в отдельности индивида [Gallini, 1988].

ПРЕДПОСЫЛКИ К ФЕМИНИЗАЦИИ ТОЛПЫ

Наделение стихийных объединений на начальном этапе их изучения чертами «слабого пола» имеет такое же происхождение как и пристрастные характеристики женщин писателем Э.Золя, историком И.А.Тэнном, публицистом М.Дюканом, антропологом и психиатром Ч.Ломброзо, гипнологом А.О.Льебо и другими представителями интеллектуальной элиты второй половины XIX века. Причина этого заключается во влиянии гендерных стереотипов, неправомерных обобщений, и предрассудков, предвзятых отношений, закрепленных в общественном сознании того времени. Их наличие привело к тому, что случайное в поведении женщин нередко принималось за типичное, ситуативно обусловленное — за стабильно существующее, конкретно-историческое — за безоговорочно имманентное.

Значительное влияние на научное сообщество оказали сексистские аспекты учения Ч.Дарвина об эволюции человечества. Знаменитый ученый уверенно провозглашал умственное и физическое превосходство мужчин как следствие тысячелетий ожесточенной конкуренции [Bergman, 2000]. Если Ч.Дарвин ограничился набором теоретических выкладок, то эмпирические обоснования к ним представил известный анатом и антропометрист, «апостол научной объективности» П.П.Брока.

Взвесив более 400 образцов головного мозга мужчин и женщин, извлеченных при аутопсиях, авторитетный исследователь устано-

вил, что женский мозг в среднем на 14% легче мужского. Это было истолковано как «исчерпывающее» доказательство того, что различия интеллектуальных характеристик во многом обусловлены половой принадлежностью. Позже П.Брока провел исследование объемов 13-ти черепов первобытных людей, обнаруженных в пещере L'Homme Mort на юге Франции. Было обнаружено, что разница между черепными коробками, весьма произвольно отнесенными им к «женским» или «мужским», у первобытных людей составляла лишь 99,5 см³, тогда как в современной популяции она располагалась в диапазоне от 129,5 до 220,7 см³ [Gould, 1980]. Своеобразна интерпретация в духе эволюционистов: активное участие мужчин в борьбе за выживание стимулировало интенсивное развитие мозга, тогда как зависимая и пассивная роль женщин будто бы привела к тому, что их мозг почти не получил развития с первобытных времен.

Биолог С.Дж.Гулд выразил резонные сомнения в достаточности палеонтологических предпосылок для категоричных выводов и указал на отсутствие прямой связи интеллектуальных характеристик с объемом черепа. Когда же он пересчитал данные из исследования П.Брока по сравнению веса мозга современников, внося поправку на рост индивидов и их возраст (женщины были миниатюрнее и, как правило, старше мужчин), то получил не столь впечатляющую разницу. По его мнению, учет других факторов, способных повлиять на вес мозга, например, специфики и продолжительности заболевания, сведет реальные различия между полами до статистической погрешности [Gould, 1980].

ВКЛАД Г. ЛЕБОНА В ПРОЦЕСС ФЕМИНИЗАЦИИ ТОЛПЫ

Идеи Ч.Дарвина и измерения П.Брока оказали влияние на автора наиболее популярной книги по феномену толпы. В одной из ранних работ Г.Лебон тенденциозно писал, что объем черепа парижанки как типичного образца «низшей формы эволюции», располагается ближе к черепу гориллы, нежели современного мужчины. Не отрицая существования женщин, превосходящих представителей другого пола по этой анатомической характеристике, Г.Лебон определял их как игру природы, аналогичную рождению гориллы с двумя головами. Напряжительно связывая показатели меньшего объема черепной

коробки с интеллектуальной «ущербностью», он отдавал предпочтение женщинам лишь в проявлениях мелкой моторики, интуиции инстинктивного порядка, внешней привлекательности и в тех качествах, которые незаменимы в деле воспитания. Поэтому зарождавшуюся практику одинакового образования для обоих полов Лебон воспринял как опасную химеру. С его точки зрения, вытекающее из нее дальнейшее соперничество с мужчиной — тупиковый путь женского существования. Подлинное место девушки он видел не в школе, а возле ее матери, способной научить основам семейной жизни [Le Bon, 1881].

Исследователи характеризуют Г.Лебона как блестящего компилятора чужих идей, не избегавшего плагиата [Barrows, 1990]. Однако в том, что касается приписывания толпе «женского начала», мы можем, напротив, констатировать влияние Г.Лебона на исследователей стихийных объединений того времени.

Авторы первых западноевропейских работ по психологии толпы [Сигеле, 1893; Fournial, 1892] на примерах, главным образом, времен Великой французской революции и Парижской коммуны писали не о толпе «как женщине», а о конкретных женщинах в толпе, отличающихся храбростью или жестокостью. Причину подобного поведения они, вслед за гипнологами того времени, видели в податливости внушению как следствию природной впечатлительности, легковерия, слабости волевой сферы. Уже в этом они не были свободны от гендерных стереотипов. Как отмечалось в главе, посвященной пионерам исследований толпы, когда С.Сигеле описывал преступление в толпе, совершенное мужчиной, он ссылался на принадлежность того к категории «природенных преступников», указывал на специфичность его профессии или подчеркивал роль сумасшествия. Когда же преступление совершалось женщиной, подобной детализации не наблюдалось. Половая принадлежность рассматривалась на правах «все объясняющего» фактора. Проявлялись в его работе и гендерные предрассудки. Так, суждение своего учителя Ч.Ломброзо о том, что «развращенная женщина хуже развращенного мужчины» С.Сигеле считал более чем справедливым в отношении субъектов массовых преступлений. Еще более показательно сравнение А.Фурниалем женщины в толпе с гиеной. Если она становится зверем, то самым отвратительным среди тех животных, что нападают стаей [Fournial, 1892, 83].

Первым исследователем, сравнившим стихийное социальное объединение с женщиной и обнаружившим черты некоторого сходства, был Г.Тард, утверждавший, что толпа «подобно женщинам и детям» склонна к странным и бессознательным противоречиям, а ее темперамент «нервный и как бы женский» [Тард, 1893, 28]. В следующей работе по данной проблематике он был более конкретен: «по своим обычным капризам, по своей необузданной восприимчивости, по своему легковерию, нервозности, по своим резким переходам от ярости к мягкости, от отчаянья к взрывам веселости, толпа походит на женщину даже тогда, когда она состоит, как это почти всегда бывает, из мужских элементов. К счастью для женщин, их образ жизни, заставлявший их запираяться в домах, осуждает их на сравнительное уединение» [Тард, 1902, 173].

Г.Лебон продвинулся по этому пути заметно дальше, описывая не только «женскую» изменчивость, внушаемость и импульсивность толпы, но и ее интеллектуальную недостаточность — неспособность к рассуждениям и критике, характерные для «низшей формы эволюции». Именно он от сравнений перешел к полному уподоблению, утверждая, что «толпа всегда обнаруживает черты женского характера» [Лебон, 1896, 176]. А раз толпа такова, то в общении с нею автор рекомендовал действовать, фактически, в стиле пикаперов, любителей скоротечных уличных знакомств: рисовать прельщающие образы, опираться на иллюзии, демонстративно разделять переживания, заражать эмоциями, преувеличивать, выражаться категорично и просто, повторять в одних и тех же выражениях, предпочитать лозунги и речевые штампы правилам логики, никогда не пытаться доказывать что-либо рассуждениями.

Усилия по феминизации и патологизации стихийных объединений позволили ему вывести толпу за пределы как социального взаимодействия, где толпа, отстаивая свои права, выступала одной из сторон межгруппового конфликта, так и взаимодействия ситуативного, игнорируя влияние противостоящих толпе сил. Отныне ее поведение безоговорочно рассматривалось как иррациональное, немотивированное и заведомо деструктивное. Таким образом, отрицалась необходимость считать представителей народных масс участниками процесса поиска общественного согласия, а насилие по отношению к ним воспринималось как необходимая мера [Reicher, Potter, 1985; Stott C., Drury, 2016; Горбатов, Байчик, 2018].

После выхода этой книги С.Сигеле также стал писать о толпе «как женщине», наделяя ее всеми возможными пороками и отдельными достоинствами, априори «присущими» этому полу, а также провел еще более последовательную параллель между любыми проявлениями коллективной психологии и «женской» [Sighele, 1903]. Г.Тард, в свою очередь, выделил не только «женскую» толпу, но и такую же публику, совокупность людей, приобретающих сходство убеждений под влиянием информации из одних и тех же источников. В его понимании, «женская публика» более категорична, нетерпима, но, вместе с тем, сравнительно безобидна при всей многочисленности [Тард, 1902]. Кроме того, прежнюю аналогию между свойствами женщины и толпы он подменил фактическим знаком равенства. Однако предельное выражение сформировавшаяся тенденция получила в книге Ф.Казанова, где гендерные предрассудки и стереотипы настолько смешались с коллективными страхами в отношении народных масс, что, как уже отмечалось, было трудно понять, о чем именно идет речь — о психологической природе женщин, поведении отдельных женщин в толпе или же о всей толпе «как женщине» [Cazanove, 1904].

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «ЖЕНСКОМ НАЧАЛЕ» ТОЛПЫ

Тенденция к феминизации стихийных объединений не оказалась продолжительной. Важным шагом на пути к ее преодолению стало альтернативное объяснение активности женщины в буйствующей толпе, заключающееся в переходе от перечисления «природных свойств» к обозначению роли социальных факторов.

Приведем характерные примеры. Так, революционер И.И.Добровольский отмечал, что женская нервная система, обуславливающая взрыв ее чувств в толпе, отличается особой «расшатанностью и нестойкостью» как в силу общего угнетения народных масс, так и из-за возрастающих тягот семейной жизни, порожденных зависимостью от раздраженного жизненными невзгодами главы семьи [Дов, 1894]. Б.Сидис в первой американской публикации подчеркивал пагубное влияние монотонии впечатлений и действий как следствия вытеснения женщины в узкие границы сферы семьи, а также силы социального давления, проявляющейся в виде запретов со стороны

власть имущих, религии, отцов, мужей, даже собственных сыновей [Sidis, 1895]. Многих социальных коллизий, по мнению отечественного юриста П. Н. Обнинского, удалось бы избежать при условии последовательного просвещения народа, особенно его самой забитой, угнетенной и темной части — женщин [Обнинский, 1893]. Кульминацией такого подхода стали идеи итальянского исследователя П. Росси о необходимости демопедии, программы воспитания масс, включающей комплекс мер от законодательных ограничений эксплуатации женского и детского труда до предоставления политических свобод, права на обучение женщин в университетах, открытия доступных библиотек, театров, концертных залов [Rossi, 1904].

Возможная логика дальнейших выводов научного сообщества была такова: стихийные объединения сопровождают цивилизацию на всех этапах истории, поэтому если их следует наделять характеристиками, то только «извечными» по своей природе. Они могут быть экстраполированы из перечней не подвластных времени наследственных качеств составляющих толпу индивидов. Но если экстремальное поведение женщин объясняется лишь предпосылками социального порядка, а не природой пола, то дальнейшие попытки феминизации толп выглядят некорректными.

Ряд политиков реакционной ориентации довольно долго продолжал разделять убеждения Лебона в «женском начале» толп или даже наций [Московичи, 1998; Lynch, 2013], однако в научной среде тенденция уподобления толпы женщине потеряла популярность уже в конце первого десятилетия XX века. Это не означает того, что из предметного поля исследований толпы оказались исключены гендерные предрассудки и стереотипы. К примеру, и позже можно было встретить безапелляционное утверждение: «толпа женщин ужаснее толпы мужчин: они живут инстинктами более последних и разум у них вообще слабее контролирует их поступки, чем у мужчин» [Вагнер, 1929, 166].

Насколько можно судить об этом по аналогии с процессами в социальных науках, следующими шагами на пути разрушения неправомерных обобщений и предубеждений в отношении вклада женщин в активность стихийных объединений, стали, во-первых, исключение из приписываемых характеристик патологических и явно уничижительных и, во-вторых, признание большей выраженности индивидуальных различий в сравнении с гендерными. Как следствие, обобщен-

ный и смутный образ, объединивший в глазах исследователей толпы начального периода тысячи неразличимых женских лиц уступил место изображениям представительниц различных психологических типов и социальных страт. Однако вероятная представленность в сознании исследователей гендерных стереотипов и предрассудков в неосознаваемом, латентном виде не дает оснований утверждать, что эти процессы являются завершенными. И если толпа уже давно «не женщина», то женщина в толпе все еще остается предметом пристального и подчас пристрастного внимания специалистов.

Подведем итоги. В конце XIX — начале XX вв. под влиянием бытовавших гендерных стереотипов и предрассудков в западноевропейских исследованиях произошел переход от тенденциозных описаний поведения женщины в толпе к наделению стихийных объединений в целом характеристиками, приписываемыми женщинам. Определяющую роль в появлении тенденции феминизации толпы сыграл социальный философ и психолог, выдающийся популяризатор науки Г. Лебон, экстраполировавший пристрастные рассуждения Ч. Дарвина и интерпретации П. Брока на природу стихийных объединений.

Приписывание толпе нарушений эмоционально-волевой и интеллектуальной сфер, будто бы специфичных для женщин, способствовало рассмотрению ее активности вне социального и ситуативного контекста, легитимизации насилия по отношению к ней, оправданию отказа учитывать требования народных масс. Преодоление данной тенденции, сохранявшейся в западноевропейской науке не менее десятилетия, происходило по трем направлениям: подчеркивания значения социальных факторов поведения женщины в толпе, исключения из перечня приписываемых свойств уничижительных и патологических, постепенного признания большей выраженности индивидуальных различий в сравнении с гендерными.

12. ПАРАДИГМА СТАДНОГО ИНСТИНКТА В ТОЛПЕ

Становление научных представлений об эволюционном развитии видов посредством естественного отбора в начале XX столетия способствовало появлению парадигмы, описывающей поведение в толпе как унаследованное, обусловленное инстинктами, характерными для череды животных предков. Таким образом получали «исчерпывающее» объяснение иррациональное начало, присущее человеку в толпе, его податливость внушению и заражению, готовность слепо подражать, интеллектуальная регрессия, нивелировка индивидуальных различий, склонность к агрессии, отмеченные Н. К. Михайловским, Г. Лебоном, С. Сигеле, Г. Тардом и другими исследователями стихийных объединений конца XIX века.

Рассмотрим особенности данного подхода к поведению человека, а также его возможности и ограничения его применения в отношении феномена толпы.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМАТИКИ ИНСТИНКТОВ ЧЕЛОВЕКА

Существование ряда общественных инстинктов, выражающихся в стремлении находиться в обществе себе подобных, помогать сотоварищам, подчиняться вожаку, предпочитать социальное одобрение осуждению, признавалось еще Ч. Дарвином. Однако при этом основоположник эволюционного подхода утверждал, что высшие животные контрастно отличаются от низших малочисленностью и сравнительной простотой своих инстинктов [Дарвин, 1953]. Поэтому полноценное применение описываемой парадигмы к поведению человека потребовало переосмысления содержания ключевого понятия. Под инстинктами стали подразумевать не действия, выполненные целесообразным образом без осознанного предвидения самой цели и предварительной выучки, а лишь «мотивационные диспозиции» [Хекхаузен, 1986, 105] — первичные импульсы, внерассудочные побуждения, наследственные предрасположенности к совершению тех или иных действий [Angell, 1906; Bernard, 1924; Ginsberg, 1921; Parmelee, 1913; и др.]. Такое понимание проблемы детерминации

социального поведения позволило У.Джемсу утверждать, что именно человек (ввиду сложности нервной системы) обладает большим числом инстинктов, чем любое из животных [Джемс, 1896]. Причем инстинктов, заметим, на первый взгляд соответствующих критерию видотипичности, единообразия в пределах биологического вида, несмотря на всю вариативность обуславливаемых ими конкретных действий.

В 1908 г. У.Мак-Дауголл предпринял попытку на основе инстинктов заложить фундамент новой науки — социальной психологии. Именно в них он видел то движущее начало, первопричину, без которого «организм утратит всякую способность действовать. Он станет инертным, неподвижным, как часовой механизм без пружины или паровая машина без огня» [Мак-Дауголл, 1916, 32]. Его единомышленники использовали парадигму инстинктов для описания политического поведения [Wallas, 1908], экономических отношений [Tead, 1918], психологии групп [Miller, 1921], функционирования общества и государства [Trotter, 1921] и других феноменов социальной жизни. Однако время существования данной научной традиции оказалось непродолжительным. Значительную роль в этом сыграла неопределенность базового понятия: если инстинкты как фиксированные действия доступны для объективной регистрации, то в качестве импульсов и предрасположенностей к различающимся по своей специфике действиям они оставляют простор для произвольных интерпретаций.

В частности, последователи этой парадигмы не смогли прийти к единому пониманию того, как инстинкты соотносятся с эмоциями. Согласно Мак-Дауголлу, любая эмоция представляет собой аффективный компонент инстинктивного процесса, центральный, единственно стабильный, независимый от жизненного опыта и иных особенностей личности (в отличие от двух других компонентов — когнитивного и конативного или моторного). При этом некоторые инстинкты всегда связаны с конкретной эмоцией, например, реакция бегства — со страхом, отталкивания — с отвращением, любопытства — с удивлением, драчливости — с гневом и проч., тогда как аффективный компонент других инстинктов (полового, стадного, приобретения и строительства) недостаточно интенсивен или специфичен, чтобы получить конкретное наименование [Мак-Дауголл, 1916]. По А.Шэнду, трехкомпонентная структура присуща самим

эмоциям, включающим психические переживания, сопровождающие их физиологические процессы и внешние выражения в актах поведения. При этом не эмоции входят в состав инстинктов, а, напротив, инстинкты, являясь частью подобных эмоциональных комплексов, играют вспомогательную роль в их существовании [Shand, 1914]. В свою очередь, У.Джемс утверждал, что инстинкты как стремления к действиям и эмоции как стремления к чувствованиям принципиально различны: «эмоциональная реакция не выходит из пределов тела испытуемого субъекта, а...инстинктивная реакция может идти дальше и вступать на практике во взаимные отношения с вызывающим ее объектом» [Джемс, 1896, 305]. С этой точки зрения, появление объекта или мыслей о нем может вызвать как эмоцию или инстинкт по отдельности, так и то и другое одновременно. По Дж. Энджеллу, дело обстоит иначе: инстинкты и эмоции всегда существуют во взаимосвязи. При этом в некоторых из наследуемых реакций доминирует аспект действия, а в других — переживания [Angell, 1906].

По-разному определяли они соотношение содержания понятий инстинктов и рефлексов. Так, У.Джемс включал инстинктивные реакции в более обширную категорию рефлексов. По мнению других [Giddings, 1922; Parmelee, 1913], это комбинации или комплексы рефлексов. Для К.Л.Моргана инстинкты — явления принципиально более сложные, чем рефлексы, так как предусматривают реакцию не отдельного органа или группы мускулов, но организма в целом, сопровождаясь специфичным состоянием нужды или беспокойства, а также предполагая большую вариативность проявлений в связи с имеющимся опытом и сформированными привычками [Morgan, 1896]. Согласно У.Мак-Дауголлу, различие между ними неоспоримо: рефлексы представляют собой механические движения, тогда как инстинкты — это душевные процессы, помимо моторного компонента непременно включающие осознание существования стимула и эмоциональное отношение к нему [Мак-Дауголл, 1916].

Весьма запутанные отношения, судя по публикациям того времени, связывали человеческие инстинкты с понятиями жизненного опыта, навыков и привычек, интеллекта и воли. Отсутствовало единое понимание того, как соотносятся инстинкты между собой, чем отличаются инстинкты человека от иных млекопитающих, каким образом на практике отделить наследуемые элементы поведения от приобретенных в раннем детстве. Более того, неоднозначным

остался и ответ на вопрос, какое количество инстинктов присуще человеку? Так, А. Брилл утверждал: «Все в жизни может быть сведено к двум фундаментальным инстинктам: голода и любви; они правят миром» [Brill, 1921, 32]. У.Троттер остановил свой выбор на четырех инстинктах, О.Тэд — на десяти, У.Мак-Дауголл — на одиннадцати, Дж. Энджелл — на шестнадцати. Л.Л.Бернард и Э.Фэрис ссылались на некоторые классификации, включающие двадцать, двадцать шесть, тридцать, сорок и более инстинктов. Причем, проблема заключалась не в применении учеными различных оснований для составления своих перечней, но в субъективности процесса выделения ими тех или иных наследуемых предрасположенностей.

По замечанию Л.Л.Бернарда, сторонники данной парадигмы легко подбирали соответствующий инстинкт почти к каждой разновидности деятельности или общественному институту, постулируя, что экономические отношения выросли из инстинкта питания, семья построена на рационализированном половом инстинкте и наследуемых паттернах детско-родительских отношений, война имеет под собой основание в виде инстинкта борьбы, государство базируется на инстинктах стадности и страха [Bernard, 1924]. Главное — найти для человеческой активности некий примерный аналог в мире животных, не обращая внимания на их ступень на лестнице эволюции. Действуя таким образом, нетрудно было «обнаружить» инстинкты для любых феноменов — эксплуатации природы и экологического движения, женской эмансипации и дискриминации, моногамии и полигамии, эгоизма и альтруизма, аттракции и агрессии.

В итоге, парадигма инстинктов не обеспечила необходимого понимания процессов, происходящих в человеческом обществе. Не случайно ее патриарх У.Мак-Дауголл в одной из последних работ [McDougall, 1932] был вынужден заменить «инстинкты» на «предрасположенности», «склонности» (propensity), сохранив при этом основные трактовки. Одна из них, добавим, до настоящего времени входит в арсенал социальных психологов — представления о трехкомпонентной структуре предрасположенностей к действиям были заимствованы исследователями аттитюдов [Rosenberg, Novland, 1960], отказавшихся, однако, приписать им свойство наследуемости, а также скептически оценивших возможности их классификации в связи с многообразием социального поведения.

Данная парадигма была обоснованно отвергнута в качестве основания социально-психологического знания, но означает ли это, что ее отдельные составляющие не могут быть использованы при интерпретации тех или иных социальных феноменов? Проявления массовой паники и агрессии, деиндивидуализации поведения в толпе, иррациональных аспектов восприятия ситуаций и принятия решений в пределах стихийных объединений — вот некоторые примеры тех феноменов, в отношении которых применение элементов инстинктивистского подхода представляется, по крайней мере, достойным рассмотрения.

Из множества работ, затрагивающих проблематику стадного (herd, gregariousness) инстинкта, особого внимания заслуживают две теории. Одну из них разработал британский хирург и социолог У.Троттер, написавший под влиянием идей философа Ф.Ницше и психолога У.Джемса две статьи [Trotter, 1908; 1909], включенные в 1916 г. отдельными главами в состав его неоднократно переиздававшейся монографии [Trotter, 1921]. Вторая теория принадлежит биологу и зоопсихологу, основателю отечественной сравнительной психологии В.А.Вагнеру, задолго до этого опубликовавшего статью «Биология и психология толпы» [Вагнер, 1905]. В конце 20-х гг. основные положения этой публикации в значительно переработанном виде вошли в его фундаментальный труд [Вагнер, 1929], почти сразу оказавшийся недоступным для читателя по далеким от науки соображениям.

ТЕОРИЯ СТАДНОГО ИНСТИНКТА У. ТРОТТЕРА

По словам У.Троттера, человек, «обманутый собственными рационализациями и вытеснениями, воспринимает себя в качестве вполне рационального существа, бесспорно обладающего свободой воли, хозяина своей судьбы, в то время, когда он является всего лишь марионеткой, танцующей на ниточках, за которые Природа, не впечатленная его доблестной важностью, дергает неумолимо и бесстрастно» [Trotter, 1921, 95]. Несколько тысячелетий цивилизованной жизни не могли оказать особого влияние на то, что было сформировано за многие миллионы лет естественного отбора. И под покровом иллюзорных интерпретаций защитного свойства у современного чело-

века по-прежнему скрываются инстинкты — «унаследованные способности реагирования на телесные потребности и внешние стимулы» [Trotter, 1921, 94], отличающиеся от инстинктов животных тем «калейдоскопическим разнообразием» поведенческих проявлений, которое обеспечило развитие головного мозга. В силу различий сопутствующих интеллектуальных процессов, специфики личного опыта и влияния социального научения регистрация подобных предрасположенностей предельно затруднена, но само их существование представлялось британскому исследователю несомненным.

Согласно У.Троттеру, поведение человека определяют четыре инстинкта — самосохранения, питания, половой и стадный. При этом первые три относительно примитивны. Они сменяют друг друга, никогда не проявляясь с одинаковой силой одновременно, отличаются тесной связью с конкретной потребностью организма и сопровождаются чувством удовлетворения в случае успешной реализации. В противоположность этому, действия стадного инстинкта нередко вызывают «неудовлетворение тела или ума» [Trotter, 1921, 48], когда противоречат требованиям иных инстинктов, соображениям личной выгоды и имеющемуся опыту. По ироничному замечанию автора, несмотря на «очевидную обязанность действовать наоборот», человек подчас проявляет готовность не заботиться должным образом о самосохранении, испытывать недостаток в пище и проявлять стойкость к плотским порывам, подчиняясь иному императиву. Аналогично, следование увещаниям стада, таким как «честность — лучшая политика», «тайное всегда становится явным» и т.п., способно повлечь социальные санкции и внутриличностные конфликты.

К проявлениям стадного инстинкта У.Троттер отнес следующие тенденции:

- 1) непереносимость физического одиночества и интеллектуальной изоляции;
- 2) большая восприимчивость к голосу своего стада, чем к иному влиянию в вопросах мировоззрения и морали, вкусов и желаний, убеждений и ценностей;
- 3) заразительность общими страстями не только в условиях паникующей или агрессивной толпы, но и в процессе влияния СМИ на общественное мнение;
- 4) подчиненность лидерам, умеющим апеллировать к эмоциям, громче других выражать общее мнение, лукавить и льстить, под-

час не отличаясь при этом компетентностью, восприимчивостью к новым идеям и видением перспектив;

- 5) зависимость отношений с сотоварищами от признания индивида «своим», лояльным членом стада, «таким же как все».

Социальное объединение такого типа чрезвычайно консервативно и догматично, однородно и деспотично. Большинство индивидов избегает ему противоречить, слепо доверяет всему, санкционированному стадом, действуя на манер английской леди, которая, пытаясь «избежать клейма наличия у себя нормальных ног, подвергает их сильному сдавливанию с боков,...делая пожертвования миссионерам на просвещение китайской леди относительно того, насколько нелепо сдавливать свои ноги в длину» или той европейской леди, что «носит кольца в ушах, потешаясь над варварством цветной леди, которая носит свои кольца в носу» [Trotter, 1921, 38].

В слиянии с другими, по его мнению, заключен источник альтруизма, сострадания, патриотизма, энтузиазма и творчества. Более того, У.Троттер определял стадо в качестве единственной среды, где ум человека способен функционировать удовлетворительным образом⁵, ориентируясь на разделяемое знание о приемлемом и нежелательном, важном и второстепенном, разумном и абсурдном. В этом плане его идеи могут рассматриваться в контексте косвенного влияния на теорию социального сравнения [Festinger, 1954], а также на представления интеракционистов о референтных группах.

В зависимости от степени податливости стадному инстинкту У.Троттер выделял два противоположных типа личности, каждый из которых по-своему дисгармоничен. Представители первого из них достигли душевной стабильности, отвергая или игнорируя все, что противоречит предписаниям стада. Это люди «своей среды», сторонники раз и навсегда установленного порядка, не доступные для новых идей и потому не способные адаптироваться к кардинальным изменениям. Что касается другого типа, то образующие его индивиды не смогли в необходимой мере ассимилировать внутренний мир к заданным эталонам мыслей и чувств. Как следствие, они от-

⁵ Во-первых, У.Троттер не ограничивал «стада» пределами контактных групп, во-вторых, по замечанию О.Тида, индивид входит в состав нескольких «стад», например, причисляя себя к гражданам государства, жителям города, прихожанам церкви, членам профсоюза и т.п. [Tead, 1918]. Таким образом, стадность рассматривалась в значении, приближенном к социальности.

личаются душевной неустойчивостью, неготовностью к продолжительным усилиям, скептицизмом в вопросах патриотизма, религии, политики, морали, социального успеха. Нервные расстройства, алкоголизм и наркомания, жизненные неудачи стали для многих из них платой за отделение от себе подобных.

Ослабление стадного начала, связанное с возрастанием числа этих душевно неустойчивых лиц, а также с нарушением необходимой для стада моральной однородности в результате классового расслоения, У.Троттер считал основной проблемой XX века. Ему представлялась необходимой не победа интеллекта над стадным инстинктом, как это определялось другими [Howerth, 1919], но развитие интеллектуального потенциала нации для укрепления ее гармоничной стадности. Идеалом общественного устройства для него являлось «социализированное стадо» (socialized herd), напоминающее пчелиный улей, где каждая особь вносит свой вклад в дело общего выживания. По пути к этому идеалу, по его мнению, пошла Британская империя, все более отличающаяся от других европейских государств, использующих стадный инстинкт в агрессивной или защитной форме, представленных в природе стаей волков и отарой овец.

ТЕОРИЯ ИНСТИНКТОВ ТОЛПЫ В. А. ВАГНЕРА

Основной ошибкой предшествующих исследователей толпы В.А.Вагнер считал недооценку биологической основы социальной жизни. Поверхностные экскурсы в мир животных в поисках подходящих иллюстраций оборачиваются произвольностью, предвзятостью и противоречивостью трактовок поведения человека, который «унаследовал от природы свою общественность» [Вагнер, 1929, 87]. С его точки зрения, правильнее идти в другом направлении — изучать явления от простых к сложным, исходя из того, что «психология человека, как и его анатомия и физиология, не являются изолированными в природе, они генетически связаны с формами, ему предшествовавшими» [Вагнер, 1929, 47].

Социальное поведение В.А.Вагнер связывал с несколькими инстинктами, возникшими на различных ступенях эволюции.

Сравнительно незначительное влияние на человека оказывает унаследованная активность от «сборищ» животных (медуз, некото-

рых насекомых, земноводных, птиц), где особи, привлеченные в больших количествах в одно место благоприятными условиями, проявляют полное безразличие и отсутствие враждебности друг к другу, не имея никакой общей цели и согласованности действий. Прохожие или пассажиры представляют собой примеры подобных скопищ, где численность присутствующих, когда она не является чрезмерной, не оказывает особого эффекта на поведение каждого в отдельности.

Наследием временных и постоянных «агрегаций» животных (насекомых, рыб, птиц, млекопитающих) стал *массовый инстинкт*, при котором физическое воздействие одних особей на других, выражающееся в многочисленных касаниях и столкновениях, движениях перед глазами, усиливающимся при перемещениях шуме, трансформируется в нервное возбуждение. В отличие от нервной реакции, образующаяся при этом энергия не направлена на что-то конкретное. Ее эволюционный смысл, по мнению автора, заключен в интенсификации любой активности — от нападения и защиты до поиска пищи, постройки жилища, ухода за потомством и проч. Признавая некоторую роль массового инстинкта в поведении толпы и отмечая зависимость силы нервного возбуждения от степени скученности индивидов, В. А. Вагнер, тем не менее, был далек от позиции своего современника Л. Н. Войтоловского, приписывающего динамике нервно-физиологических процессов в условиях тесноты и давки определяющее значение для объяснения действий стихийных объединений [Войтоловский, 1904].

На следующих ступенях эволюции, согласно исследователю, сформировался *стадный инстинкт*, предполагающий в интересах самосохранения подражание особям, первым отреагировавшим на изменение ситуации (стае-стадные сообщества), или же вожакам, наиболее опытным, осторожным, зорким и сильным (стае-вожаческие сообщества). Однако и в последних при экстремальных случаях (например, панике) возможна редукция психической активности до подражания не наиболее адаптированным, а случайным, первым попавшим на глаза сотоварищам, и тогда совместные действия, теряя в организованности, отчасти начинают напоминать движения обезглавленных насекомых. По замечанию В. А. Вагнера, при этом животные или люди превращаются в толпу, которая перестает руководствоваться опытом и интеллектом, идя на поводу примитивных инстинктов и непредвиденных актов подражаний.

От высших животных человечеству достались в наследство *социальные инстинкты*, выражающиеся в привязанности к избранным особям, отношениях симпатии, проявлениях альтруизма. В отличие от инстинкта стадного, по замечанию В.А.Вагнера, они служат не столько интересам популяции, сколько индивида, причем степень их развития устойчиво коррелирует с умственными способностями того или иного вида. Достигая предельной выраженности у человека, социальные инстинкты обуславливают широкий диапазон поведения — от переживаний психологического комфорта и духовной близости до развития культуры и экономического разделения труда со всеми, как он показательно выразился, «последствиями этого биологического явления» [Вагнер, 1905, 171].

И если у животных социальные инстинкты проявляются лишь при благоприятных условиях и отступают, как только стадный инстинкт выходит на сцену, то в обществе между ними происходит постоянная борьба, создающая человека в полном смысле этого слова.

Обращаясь к изучению феномена толпы, В.А.Вагнер исходил из необходимости сопоставления стихийных объединений людей с их аналогами в мире животных. Как несомненное сходство он выделил ослабление рассудочной деятельности под влиянием гипертрофированных инстинктов самосохранения и, отчасти, питания. Таким образом, толпа, из кого бы она не состояла, всегда представляет собой шаг назад в психической активности. Что касается различий, то исследователь сосредоточил свое внимание на трех из них.

Во-первых, если толпа животных подражает случайно выделившимся особям, то в толпе людей всегда имеются т.н. «вторичные вожаки». В отличие от «первичных», лидеров стае-вожаческих объединений или людских орд, им нет надобности превосходить окружающих умом, волей и опытом, напротив, вожак толпы всегда ниже среднего уровня собравшихся: «превосходство могло бы даже оказаться вредным; ему достаточно одного — сильнее других проявлять запросы инстинктов и переживать связанные с этими запросами эмоциональные состояния. Вследствие этого, являясь руководителем толпы, ее вожак в то же время и законный ее сын; он сам — раб инстинктов» [Вагнер, 1929, 160]. Толпа покорно и безотчетно следует за ним до тех пор, пока не найдет себе другого, более влиятельного вожака, еще более примитивного, низменного и грубого.

Во-вторых, только человеческая толпа может пребывать в особом *латентном* виде, сущность которого заключена в сохранении социальных связей между членами распавшейся толпы, притяжении к ним иных «родственных элементов» с последующим возвращением подобного образования в активное состояние при подходящем случае. По замечанию В. А. Вагнера, «роль пространства и времени для толпы в настоящее время утратили свое первоначальное значение: ей уже нет надобности пребывать в одном месте, чтобы быть толпой» [Вагнер, 1905, 174]. Более того, толпа в противоположном, действующем виде «представляет собой явление, если не вымирающее, то несомненно опустившееся в глубинные планктоны общественной жизни, в условия среды малокультурной, грубой и темной» [там же].

Влияние латентной толпы (во многом соответствующей характеристикам феномена публики у Г. Тарда) отечественный исследователь оценивал как менее заметное со стороны, но чрезвычайно существенное. Оно проявляется в постоянной готовности к действиям, перед началом которых проявления угнетающего разум инстинкта, прекращенные на время, возобновляются с чрезвычайной быстротой и легкостью. Этого достаточно для того, чтобы «люди превращались в толпу, а с этим вместе — в зверей» [Вагнер, 1929, 165].

В-третьих, в животном мире в силу ограничений нервно-мозгового характера встречается только стадная толпа, тогда как стихийные объединения людей бывают как стадными, так и социальными. Данные образования, по мнению В. А. Вагнера, нередко сходны по проявлениям, но легко различимы по доминирующим инстинктам. Так, стадная толпа подчиняется вожаку, который оперирует лишь одной силой — элементарной, грубой, эгоистической, но и самой могущественной — стремлением к самосохранению. Социальная же толпа, построенная на чувствах альтруизма, идет за героем. Как следствие, «толпа стадная не всегда совершает преступление, но всегда готова его совершить; для социальной толпы преступление является неожиданной и не соответствующей ее инстинктам случайностью» [Вагнер, 1905, 179].

Описывая трудности различения на практике стадной и социальной толпы, автор отмечал, что иногда толпа руководствуется эгоистическими и альтруистическими инстинктами одновременно, кроме того, в человеческом обществе понятие самосохранения рас-

ширилось до значительных пределов (например, толпа погромщиков как бы следует инстинкту религиозного самосохранения). Тем не менее, идея противопоставления двух видов толп представлялась ему крайне важной по теоретическим соображениям. Тем более, что аналогичная, по его мнению, «трудность практического разграничения между инстинктом и актом разумным не мешает важности и необходимости разграничения между собой этих психических способностей» [Вагнер, 1905, 181]. Любопытно, что в конце 20-х гг. В. А. Вагнер отказался от характеристик стадности и социальности в отношении толпы, однако сохранил в неприкосновенности столь же произвольное в авторской трактовке противопоставление поведения инстинктивного и рассудочного.

Обращение к биологическим основам поведения толпы, согласно В. А. Вагнеру, позволяет внести существенные коррективы в выводы предшествовавших исследователей. В частности, неосновательным в свете учения об инстинктах представлялось ему разделение толп на преступные и добродетельные, постулируемое С. Сигеле. Глубоким заблуждением считал он тезис Г. Тарда о толпе как «эмбрионе» человеческого общества. Не соглашался с распространением ими обоими тенденции к интеллектуальной деградации с толпы на суд присяжных, парламентское собрание и иные социальные объединения. Возражал против распространенных представлений об определяющей роли вожаков, указывая, что толпа проявляет склонность к агрессии не потому, что на нее начинают влиять вожаки, напротив, их воздействие связано с тем, что она уже успела попасть под власть инстинкта и «действует как зверь, ничего не думающий, ничего не соображающий и покорный только тому инстинкту, который им руководит и которого он является рабом» [Вагнер, 1929, 166].

В то же время нельзя не заметить, что сосредоточение В. А. Вагнера на биологической составляющей проблематики обернулось фактической зоологизацией, игнорированием специфики человеческой природы и качественных отличий общественной жизни от активности животного мира. Не только в отношении стихийных объединений, но и там, где речь заходила о психологических типах личности и чертах характера, он со всей категоричностью настаивал на доминировании наследуемых предрасположенностей над влиянием социальной среды.

В силу своей простоты идея стадного инстинкта прочно закрепилась в общественном сознании и до сих пор применяется в случаях, где требуется подобрать оправдание для необдуманного копирования чьих-то не самых удачных действий. Однако в социальной психологии время ее расцвета оказалось непродолжительным. Одним из переломных моментов в отношении к стадному инстинкту в научной среде стало изменение позиции прежнего адепта данной идеи Ф.Гиддингса, разработавшего в русле бихевиоризма альтернативную концепцию типичного поведения (pluralistic behavior) [Giddings, 1920; 1922]. С точки зрения известного социолога, стадный инстинкт не может считаться исчерпывающим объяснением уже потому, что «каждый человек — одновременно животное, сознательный индивидуальный разум и социальность» [Giddings, 1920, 559]. Его реакции приобретают соответствие с реакциями окружающих в силу включенности в общую ситуацию, взаимности возбуждений, процессов коммуникативного взаимодействия, проявлений «сознания рода» (отношений общности и солидарности с другими), сложившихся общественных установлений. Инстинктам отныне отводилось место отдаленных первопричин произошедшей совокупности социальных преобразований человеческой природы. В дальнейшем о них почти полностью перестали упоминать.

Возможно ли возвращение понятия стадного инстинкта в предметное поле психологии стихийных объединений?

Принимая во внимание иррациональные аспекты действий панической, стяжательской или агрессивной толпы, трудно разделить ту точку зрения [Гальперин, 1976], по которой процесс антропогенеза привел к полному отмиранию инстинктов. С другой стороны, нет оснований полагать, что наследуемые предрасположенности проявляются в стихийных человеческих объединениях с определенностью, характерной для животного мира. Тем более, что уже там, по замечанию С.Л.Рубинштейна, инстинкт, навык и интеллект существуют во взаимосвязи, взаимопроникновении, и «если на ранних ступенях развития интеллект или элементы его выступают внутри инстинкта или навыка, то на высших инстинкт и навык функционируют внутри или на основе интеллекта, который осмысливает, контролирует и регулирует их» [Рубинштейн, 2000, 117].

В пользу теорий стадного инстинкта говорит лишь то, что исходный тезис о наличии неких биологических предпосылок не противоречит существующим подходам к изучению стихийных объединений. Во всяком случае, если мы в качестве примера обратимся к теориям толпы, приписывающим индивидам следование возникающим нормам [Turner, Killian, 1957] или замену личных идентичностей на общую социальную [Reicher, 2001], то увидим, что популярная в настоящее время опора на изолированные социально-когнитивные конструкции не означает принципиальной невозможности детерминации последних природными предрасположенностями⁶.

Проблема в том, что теории стадного инстинкта, разработанные в начале XX века, отличались чрезвычайной взаимной противоречивостью. Весьма показательно, что для У.Мак-Дауголла стадный инстинкт — один из социальных, для У.Троттера эти два термина вполне синонимичны, тогда как В.А.Вагнер описывал стадный и социальный инстинкты как заведомые противоположности. Соответственно, для первого из упомянутых авторов стадность представляла собой феномен, приобретающий только в каком-то конкретном контексте (например, урбанизации) негативные и позитивные черты; с точки зрения второго исследователя, — это важнейшее условие стабильности общества; по мнению третьего ученого, устойчивое общественное развитие, напротив, сможет обеспечить лишь преобладание социальных инстинктов над стадным, который «поддерживая в людях дух исконного рабства, вытекающий из бесконтрольной и безотчетной покорности вожаку, противодействует самой природой своей стремлению личности к знанию и свободе» [Вагнер, 1905, 184].

Подобная противоречивость трактовок стала следствием не только проблематичности регистрации проявлений стадного инстинкта как наследственной предрасположенности, но и серьезной методологической ошибки последователей парадигмы инстинктов.

⁶ Например, по Р.Тернеру и Л.Киллиэну, индивиды в толпе действуют не «как один», а «как все», выстраивая поведение в соответствии со складывающимися на их глазах нормами [Turner, Killian, 1957]. Сторонник теории стадного инстинкта, возможно, отчасти согласился бы с определением подобного поведения как рационального, но связал бы его с унаследованным побуждением. Аналогичным образом он мог бы оценить динамику идентичности, прослеженную С.Рейчером и другими исследователями в контексте включения толпы в межгрупповые отношения.

Согласно С.Л.Рубинштейну, она заключалась в некорректном представлении о психическом развитии видов как однородном целом, определяемом одними и теми же неизменными закономерностями. Таким образом, речь шла о механическом по своему характеру перенесении поведенческих феноменов «снизу вверх» вплоть до формулировок претендующих на универсальность законов человеческой деятельности [Рубинштейн, 2000].

В итоге, следует констатировать, что понятие стадного инстинкта в настоящее время сохраняет уместность только для случаев, где требуется напоминание о том, что в аристотелевской формулировке «общественного животного» вторая часть тоже имеет значение. В том виде, в котором стадный инстинкт был описан исследователями начала XX века, он не обладает необходимым объяснительным и прогностическим потенциалом по отношению к феномену толпы.

13. ТОЛПА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ

Появление в конце XIX века теорий толпы, объяснительный потенциал которых основывался на процессах бессознательного подражания, внушения и заражения, было одобрительно встречено представителями отечественной психолого-педагогической мысли того времени, увидевшими возможность их использования в деле воспитания. Вместе с тем российские исследователи не могли согласиться с рядом ключевых положений представителей антрополого-криминалистического подхода к изучению толпы. В частности, они отказались рассматривать толпу исключительно в парадигме ее «преступной природы», оказались далеки от абсолютизации тезиса о падении интеллекта и морали в любых социальных объединениях, посчитали преувеличенной фатальность воздействия массовой школы на личность ребенка, а также высказали возражения против неизменно негативной трактовки образов вожаков. С точки зрения ряда отечественных педагогов и психологов, весьма далеки были от истины представления о «детской толпе» как об априори преступном, примитивном и аморальном сборище, слепо подчиняющимся своим вожакам из числа отъявленных лентяев, второгодников и невежд. Рассмотрим основное содержание их воззрений, обращая особое внимание на критику западноевропейских теорий толпы и на те аспекты, которые были признаны пригодными к использованию в российской системе воспитания конца XIX — начала XX вв.

В психолого-педагогической традиции дореволюционного периода ссылок на труды Н.К. Михайловского, заложившего основу построения гипнотической модели коммуникации в толпе, сравнительно немного. Свою роль в этом, возможно, сыграло недостаточное внимание ученого к психологическим механизмам феномена подражания, а также очевидная неполнота описания взаимоотношений вожаков и ведомых. Кроме того, применение понятия «героев» по отношению к предводителям толпы, как упоминалось, представлялось последующим исследователям надуманным и неуместным, затрудняющим противопоставление подлинного героя, способного увлечь

других собственными идеалами, обычному жожаку, умеющему лишь выражать стремления окружающих в наиболее рельефном виде.

Значительное внимание отечественные педагоги и психологи уделили анализу идей социолога и криминолога С. Сигеле, развившего в своей книге «Преступная толпа» теорию подражания / внушения Г. Тарда применительно к стихийным объединениям. В качестве основной причины предрасположенности толпы к деструктивному поведению выделялось влияние «рокового арифметического закона психологии» (тенденции к усреднению интеллекта и морали индивидов при их объединении). Помимо этого признавалось существенным то, что стремление причинить зло по своей природе активнее желания удержаться от недобрых поступков, в условиях скопища возникает опасность превратного обвинения «активно добрых» в трусости и предательстве, сказываются особая заразительность душевных движений, упоение могуществом и безнаказанностью, влияние преступников и сумасшедших, опьяняющее действие «кровавого инстинкта» и проч. [Сигеле, 1893] Критики [Д-ов, 1894; Случевский, 1893; и др.] справедливо упрекали автора в недооценке социальных факторов выбора толпой того или иного образа действий, поверхностности аргументации и прямолинейности обобщений.

Особый интерес российских исследователей вызвали труды социолога и юриста Г. Тарда, посвященные законам подражания в общественной жизни и феномену толпы. К свойствам такого социального образования Г. Тард относил эмоциональную неустойчивость, склонность к коллективной истерии, предельную заносчивость, нетерпимость до жестокости, деспотизм, догматизм, неумеренность, безответственность, интеллектуальную и моральную регрессию, болезненную восприимчивость, безусловное единодушие, склонность подражать и подчиняться [Тард, 1893]. Признавая несомненную значимость его вклада в становление научных представлений о толпе, критики находили многие рассуждения Г. Тарда неубедительными и поверхностными [Каптерев, 1893а], взаимоисключающими и противоречивыми [Лозинский, 1900], запутанными, часто неверными и односторонними [Михайловский, 1896].

Книга французского медика, прошедшего путь от популяризатора науки до социального философа, Г. Лебона стала известна в педагогической среде ранее выхода ее переводного издания благодаря реферативным статьям в профессиональных журналах

[Пименова, 1895; Психология толпы..., 1896]. Согласно его воззрениям, толпа способна к нивелировке индивидуальных различий своих членов и снижению уровня их интеллектуальной активности в силу проявлений «души расы», бессознательного начала, действие которого усиливается осознанием неодолимости и безответственности, «заражением» действиями и чувствами, восприимчивостью к внушению. Особое внимание автора привлекли взаимоотношения ведомых и вожаков, которыми чаще всего становятся волевые и фанатичные «нервно-возбужденные люди, полупомешанные, находящиеся на границе безумия» [Лебон, 1896, 248]. По Г.Лебону, это люди действия, а не рассуждения, которые не нуждаются в особой логике и аргументах, напротив, они рисуют толпе поражающие ее воображение перспективы, имеют простые ответы на любые вопросы, постоянно преувеличивают, повторяют одно и то же, энергично повелевают и заражают окружающих упорством, убежденностью. Содержание тезисов Г.Лебона об особенностях управления массами, отрицание им (в противовес Г.Тарду и С.Сигеле) неизбежности моральной деградации членов толпы были по достоинству оценены рядом представителей психолого-педагогической мысли дореволюционной России [Иванов, 1897; Лозинский, 1900]. Добавим, что мастерство в изложении материала и изобилие идей весьма способствовали тому, что в дальнейшем психология толпы стала прежде всего связываться с именем Лебона.

Что касается других ученых того времени, то вклад П.Росси в данную проблематику получил отражение лишь в одной публикации [Е.Л., 1908], а компиляционная по своему характеру работа А.Фурниаля почти не оказала влияния на представления о толпе отечественных исследователей. На русский язык книги этих авторов не переводились. Статья В.К.Случевского, посвященная анализу психологии толпы, также осталась незамеченной педагогическими психологами.

Напомним, что теории толпы, отразившиеся в психолого-педагогических публикациях того времени, разрабатывались в русле гипнотической модели коммуникации. Н.К.Михайловский, Г.Тард и С.Сигеле основное внимание уделяли процессу подражания, вызываемому или сопровождаемому внушением — не контролируемым со стороны сознания усвоением идей, отношений и чувств. Эмоциональное или нравственное заражение рассматривалось ими как понятие, синонимичное подражанию. Г.Лебон, рассуждая не-

сколько иначе, описывал подражание в качестве элемента заражения, которое, в свою очередь, считал следствием восприимчивости к внушению. Принципиально другое объяснение поведения толпы, основанное на идее стадного инстинкта, было поддержано лишь в публикации Ф. П. Еленева, в большей мере ориентированной на укрепление патриотических и правоохранительных начал, чем на проведение научных изысканий [Еленев, 1888].

КРИТИКА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАКТОВОК ТОЛПЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Подчеркнуто негативные выражения, использованные последователями антрополого-криминалистического подхода в отношении толпы, не нашли понимания со стороны отечественных педагогических психологов. Так, И. Иванов, возражая против попыток представить ее аморальной и склонной к преступлению, указал на энтузиазм патриотически настроенных собраний, человеколюбивые порывы сбежавшихся на пожар или иное общественное бедствие, подъем религиозных чувств у присутствующих на проповеди о. Иоанна Кронштадтского. С его точки зрения, то, к чему склонится толпа — к хорошему или дурному — во многом определяется этическими свойствами собравшихся и характером того стимула, который «одухотворил» толпу [Иванов, 1897]. Со своей стороны, Е. И. Лозинский связал пессимизм взглядов С. Сигеле и Г. Тарда на нравственность толпы с невольной аберрацией сознания ученых-криминалистов, предметом исследования которых являлись преступные деяния и сообщества [Лозинский, 1900]. Думается, что для этого были основания. Достаточно заметить, что указанные ученые, в принципе, допускали возможность совершения толпой вполне добродетельных поступков, связывая их с исподволь распространяющейся подражательностью, «тихим и медленно действующим контагием» [Тард, 1893, 18] или же с внушением со стороны выделившихся вожаков [Сигеле, 1893; 1903]. Однако они предпочли ограничить свои исследования преступной толпой, совершив затем ошибку, выразившуюся в неоправданном перенесении свойств одного из видов толпы на все возможное множество.

Еще более резкие возражения представителей психолого-педагогической мысли вызвали попытки западноевропейских исследователей приписать не только толпе, но и любому социальному объединению тенденцию к интеллектуальной деградации [Тард, 1893; Сигеле, 1893; Лебон, 1896].

В основе таких рассуждений лежал известный парадокс М.Нордау, согласно которому итоги заседания множества «Гете, Кантов, Гельмгольцев, Ньютонов», при всей оригинальности их умов, не будут отличаться от суждения такого же количества взятых прямо с улицы лиц в силу проявляющегося при дискуссии доминирования наследственных, видовых признаков над индивидуальными свойствами каждого [Нордау, 1892, 35]. И если в отношении аспекта нравственности в последующих работах анализируемых авторов для социальных объединений допускались все большие исключения, то интеллектуальный уровень массовых собраний по-прежнему внушал им глубокий скептицизм, который, добавим, совершенно не разделяли педагогические психологи.

Е.И.Лозинский назвал этот «закон психологической арифметики», превращающий гениев в глупцов» [Лозинский, 1900, 18] чрезмерно парадоксальным, искусственно сколоченным, содержащим заведомое противоречие и, в конечном счете, не имеющим никакого научного значения. И.Иванов отметил, что ничтожность интеллектуального продукта гипотетического диспута титанов человеческой мысли возможна лишь как следствие иных причин — некомпетентности в обсуждаемой проблеме, своекорыстности личных интересов, узкопартийных пристрастий, способствующих отстаиванию очевидно предвзятых суждений [Иванов, 1897]. Согласно П.Ф.Каптереву, в данном случае следует вести речь еще об одной ошибке, заключающейся в чрезмерном расширении понятия толпы, фактически, до любого социального образования, которое объединяет своеобразное состояние духовного единства. Такому пониманию феномена не соответствует подлинная толпа, если она не успела определиться с направленностью и спецификой своих действий, но, с другой стороны, под него неоправданно подведены учреждения вполне организованные, состоящие из отобранных лиц с «заранее обдуманном намерением и наперед намеченной целью» [Каптерев, 1893б, 333]. И то, что окажется характерным для случайно возникшей толпы, испытывающей бурные эмоции и на ходу импровизирующей способы до-

стижения сиюминутных желаний, не будет относиться к стабильным элементам социальной системы.

Последовательно и весьма прямолинейно распространяя свои суждения о неизбежном снижении нравственности и интеллекта в социальных объединениях на сферу образования, Г.Тард приписывал массовой школе преимущественно негативное влияние на личность ребенка. По его мнению, воздействие педагогов сказывается лишь на умах, не проникая в сердца подопечных, тогда как более испорченные дети не только не исправляются сами, но примером и внушением сравнительно легко деморализуют других. Ведь «как бы хорошо не преподавалась мораль в классах, нравственная формировка школьников совершается главным образом в часы отдыха, во время игр, шалостей и знакомств» [Tarde, 1898, 207]. Как следствие, он предлагал придать системе детского образования некий «келейный» характер, предусматривающий обучение в небольших, относительно изолированных группах, с однородным по степени нравственности составом учащихся. Таким образом, школа из средства развития самостоятельной личности, умеющей противостоять сторонним влияниям, превращалась в место предохранения от этих влияний, с чем не могли согласиться педагогические психологи того времени.

Период формирования личности ребенка по праву следует признать временем интенсивного подражания, утверждал И.Иванов, однако нет оснований полагать, что оно распространяется лишь на пагубные примеры в ущерб хорошим. Подавление же задатков к общению со сверстниками в дальнейшем обернется тем, чего школа хотела бы всячески избежать — развитием эгоизма, через барьер которого не смогут проникнуть общественные интересы [Иванов, 1897; 1901]. Размышляя в том же ключе, Е.И. Лозинский писал, что коллективная среда представляет собой могущественный фактор воспитания склонностей, противоположных как эгоизму, так и пассивному человеколюбию, тогда как келейная обстановка Г.Тарда способна породить лишь вялых и застенчивых личностей, неспособных сколько-нибудь настойчиво отстаивать собственную линию поведения. Что же касается ситуаций, когда влияние сотоварищей сказывается неблагоприятным образом, то нет сомнений в том, что умелый педагог способен оказать на подопечных необходимое нравственное воздействие [Лозинский, 1900].

Действительно, отмечал И.Иванов, фактическими вожаками классов нередко становятся неудачники и второгодники, не обладающие привычкой к размышлению, рассуждению и самоконтролю усердных учеников. Руководствуясь девизом «Не выдавай!», они направляют развитие товарищей в сторону, противоположную благим стремлениям педагогов. Но это происходит только в тех случаях, когда учителя и воспитатели пускают дело на самотек или ограничивают усилия «ежовыми рукавицами», не умея управлять школьными массами, не разбираясь в подлинных интересах, слабостях и нуждах детской души [Иванов, 1901]. Не ленью, невежеством и сомнением достигают своего положения вожаки школьной толпы, утверждал П.Ф.Каптерев, но сочетанием качеств, в которых они превосходят сверстников — пронизательностью ума, энергией характера, твердостью воли, ясностью понимания ситуации. Как ни парадоксально, отчасти их личностное развитие вполне успешно: «...неужели в школьнике самое ценное — знания, а все прочее не имеет никакого значения? Неужели умение руководить другими, организовывать толпу, подчинять ее своей воле ниже грамматических знаний?» [Каптерев, 1893б, 335].

ВЛИЯНИЕ ТЕОРИЙ ТОЛПЫ НА РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Определяя тех, кто не поддается нивелирующему воздействию толпы, авторы западноевропейских теорий того времени говорили об относительно немногочисленных людях упорченной нравственности, самостоятельности ума, устойчивости души [Сигеле, 1893; Sighele, 1903; Тард, 1893; 1902]. Отечественные педагогические психологи ориентировали свои усилия на выявление закономерностей формирования таких личностей, видя в этом залог социальной стабильности страны. Одними из российских исследователей рубежа веков теории толпы воспринимались как веха на пути к построению новой общественной педагогики, в которой правильно организованные сознательные массы смогут оказать благотворное влияние на личность [Лозинский, 1900], тогда как другие видели в них лишь эффективный инструмент организации контроля за масса-

ми, способными воспрепятствовать педагогическому воздействию [Иванов, 1901]. Так или иначе, с появлением этих теорий сложились более определенные предпосылки к тому, чтобы анализировать процесс воспитания не в прежней парадигме взаимодействия учителя и «изолированных» учеников, но в контексте многообразия межличностных связей и отношений учащихся.

В своей повседневной практике педагогическая общественность не имела дела с «преступной» толпой, описанной представителями антрополого-криминалистического подхода. Однако случаи массового неповиновения и протеста, известные, например, в кадетской среде под наименованием «бенефисов» [Галенковский, 1892], не были чрезвычайной редкостью. Добавим к этому, что с 80-х гг. XIX века в России начались студенческие беспорядки на политической почве. Разумеется, толпы учащейся молодежи обычно отличались от уличной стихии благородностью мотивов и ненасильственностью действий [Еленев, 1888], но вероятность негативных последствий заставляла педагогов задуматься о мерах по профилактике и пресечению такого рода акций, а также о проблеме последующего наказания их участников.

Условиями профилактики массовых протестов И.Иванов считал нравственный авторитет педагога, стремление к справедливости, равнодушие к нуждам подопечных. Именно это позволит заметить «медленно распространяющийся психологический контагий», который, по Г.Тарду, нередко предшествует вспышкам коллективного негодования, заблаговременно устранить первоначальную причину и воздействовать успокоительно [Иванов, 1897, 401]. П.Ф.Каптерев рекомендовал при этом обратить внимание на потенциальных вожаков, без которых не обходится ни один акт протеста: «если не находится вожака, то недовольство ничем резким не обнаружится, будут говорить, сетовать... — и только.... Стоит ему первому крикнуть, свистнуть, бросить жеваной бумагой, и моментально поднимутся адский шум, крики, раздадутся свистки, полетят книги, карандаши, — все, чем можно бросить. Школа валит за вожаком, как полк за знаменосцем» [Каптерев, 1893а, 23].

В отношении «одухотворенной» толпы, проявляющей склонность к эксцессам, И.Иванов выделил две различные тактики. Первую из них он описал в русле идей Г.Лебона, фактически, предлагая педагогу выступить в несвойственной ему роли «вожака» собравшихся.

При этом надлежало действовать не в привычной манере спокойного вразумления, методичной строгости и логических доводов. Напротив, «чем больше будет в речи оратора энергии, бездоказательных утверждений и образов, способных прельстить пылкое воображение толпы, тем больший успех увенчает его старания» [Иванов, 1897, 403]. Рекомендовалось проявлять чуткость к малейшим изменениям настроения присутствующих, как можно чаще переходить от абстракций к конкретным случаям и от юмора к высокой морали, внимательно выслушивать и никогда не противоречить, производить впечатление согласия с общими стремлениями, чтобы затем наглядно продемонстрировать преимущества альтернативного способа действия. Отвечая на возможный упрек в возведении притворства и лжи в арсенал педагогических средств, автор утверждал, что когда толпа уже сформировалась, следует ее не воспитывать, а рассеивать, а если она недоступна логике как малые дети и невменяема как сумасшедшие, педагогу придется стать на время нянькой или врачом-психиатром. Другая тактика воздействия на толпу, согласно И.Иванову, основывается на мужестве и энергии руководителя, способного действовать «грозным окликом», в котором «слышалась такая сила, которая не оставляла бы никаких сомнений в непреклонности принятого педагогом решения и в его полной неспособности остановиться перед какою бы то ни было мерою в случае неповиновения» [Иванов, 1897, 404]. При этом автор отмечал, что речь идет не возгласе раздражения человека, не умеющего владеть собой, но о проявлении непреклонной воли и твердой решимости. Крики, брань и попытки устрашения будут приняты толпой за проявление слабости.

Особой проблемой для педагогических психологов являлось установление принципов наказания ответственных за массовые нарушения дисциплины. П. А. Галенковский, рассуждая в духе концепции «прирожденного преступника», предложил при невозможности установления виновных подвергать наказанию тех, кто в прошлом не раз выделялся плохим поведением, «так как без особой погрешности можно сказать, что в...беспорядках запевалами являются именно они, а не хорошие по поведению их товарищи» [Галенковский, 1892, 275]. По его мнению, подобная мера, с одной стороны исключит недопустимые шпионство и фискальство, а, с другой, рано или поздно приведет к тому, что эти лица, ожидая для себя очередных взысканий, удержат товарищей от буйства. Редакция «Педаго-

гического сборника» высказала возражение против такого подхода, отметив, что при наказании одних и тех же учащихся за общие проступки вне внимания воспитателя окажутся те, кто, много раз участвуя в массовых беспорядках, сумел избежать категории «отпетых» [Из записной книжки..., 1892]. Если трудно найти зачинщиков, то, по ее утверждению, справедливо считать, что все равно виноваты, но наказание при этом должно быть соотнесено с характером виновных — одному достаточно выговора, тогда как к другому следует отнестись строже. В свою очередь, И.Иванов высказал убеждение в том, что наказывать всех — от лидера протеста до внушаемого и зависимого аутсайдера — недопустимо. Взысканию, по его мысли, должны подлежать лишь те, кто выступил в качестве вожаков толпы. В то же время надо учитывать мотивы совершения массовых проступков, факторы влияния среды, иначе на деле получается так, что «школа весьма часто относится с большей строгостью к провинившимся воспитанникам, чем уголовное право к преступникам» [Иванов, 1897, 413].

Теории толпы конца XIX века побудили отечественных исследователей задуматься над ролью подражания и внушения в деле воспитания. Если многие из них разделили трактовку этих процессов Г.Тардом [Баженов, 1891; Иванов, 1897; и др.], то П.Ф.Каптерев считал неудачным описание подражания как своеобразного гипнозизма. С его точки зрения, объем научных знаний о последнем не достигает такого уровня, чтобы появилась возможность изучить неизвестное через анализ его уже известных компонентов: «Что нам лучше известно: подражание или гипнозизм? С чем мы чаще встречается? Что у нас постоянно перед глазами?» [Каптерев, 1893а, 27]. Он противопоставил объяснению Г.Тарда концепцию Рамбосона, согласно которой «мозговое или психическое движение», распространяясь по нервным связям в мускулы и органы чувств, становится физиологическим, затем, переходя от одного лица к другому — физическим, при восприятии вновь физиологическим и т.д. Корректируя ее механистический характер, П.Ф.Каптерев утверждал, что правильнее говорить не о перенесении состояния одного лица на другое, а о возбуждении у того такого же состояния, тут же выражающегося в соответствующих движениях тела. Таким образом, подражание представляет собой не простое воспроизведение, не копирование без изменений, но собственную деятельность того или иного лица,

развиваемую им под воздействием воспринятого впечатления мускульно-двигательную активность.

К условиям, благоприятствующим подражанию, П.Ф.Каптерев отнес, во-первых, неустойчивость, несформированность подражающего организма, в котором «все строится, ничего не установилось, поэтому каждое внешнее воздействие легко завладевает им и подчиняет себе, придавая ему на время свой вид и свойства» [Каптерев, 1893а, 34], во-вторых, общность настроений, мыслей и чувств людей, подражающих друг другу, в-третьих, нервность, чуткость и отзывчивость на возбуждения как свойств определенных натур.

Детство и юность являются не только временем интенсивного подражания и податливости к внушению, но и периодом формирования зрелой личности, способной противостоять воздействиям окружающих и при необходимости повести других за собой. Теории толпы конца XIX века, с одной стороны, содержали описание процессов социального влияния как сочетания внушения, подражания и заражения, а, с другой стороны, в первом приближении определили совокупность личностных характеристик, обуславливающих самостоятельность поведения. Тем самым они выступили в качестве одной из предпосылок к разработке в отечественной педагогической психологии концепций лидерства [Каптерев, 1893б; 1901; Лозинский, 1900, 1912; и др.].

П.Ф.Каптерев видел задачу школы не в том, чтобы создать питомник гениев, аристократов духа и ума, но в устранении препятствий на пути личностного и интеллектуального развития тех, кому предстоит вести за собой массу, «пользуясь ею как материалом, одушевляя ее, руководя ею» [Каптерев, 1901, 87]. Ограничение воспитательных усилий достижением автоматической покорности ребенка препятствует становлению энергичного характера и твердой воли, утверждал он, а ориентация учителя на усвоение материала посредством большинством класса ослабляет мотивацию и творческий потенциал немногочисленных талантов. Современное образование, стадное по своей природе, писал Е.И.Лозинский, систематически подавляет учащихся, вступающих в жизнь обезличенными и обескрыленными, шаблонно мыслящими, лишенными инициативы и воли людьми толпы. Педагогическая схоластика успешно сводит всех к одному знаменателю, загоняет потенциальных гениев и вождей в Прокрустово ложе своих программ. В воспитании лидеров, умеющих подчиняться

и подчинять себе, состоит, по его мнению, одна из важнейших целей рационально организованной педагогики, избегающей подавления и нивелировки индивидуальных черт. И если на протяжении всего исторического прошлого человечества вожди формировались стихийно, то теперь появляются возможности превратить их в продукт целенаправленного педагогического воздействия [Лозинский, 1912].

При несомненном доктринерстве, несистемности анализа и серьезных методологических упущениях теории толпы С.Сигеле, Г.Тарда, Г.Лебона предоставили отечественным педагогическим психологам того времени определенные возможности для анализа процессов социального влияния в контексте обучения и воспитания, подсказали комплекс мер по профилактике образования «школьной толпы» и управления ею, дали толчок к становлению концепций лидерства. Однако дальнейшие события российской истории нарушили преемственность развития психолого-педагогической мысли конца XIX — начала XX, а вклад ее представителей века в проблематику стихийных социальных объединений надолго оказался забытым.

14. ТОЛПА В РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ НАУКЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Становление отечественной военно-психологической мысли на рубеже XIX–XX вв во многом связано с изучением феномена толпы как особого социального образования и специфического психологического состояния. Свою роль в этом сыграли, с одной стороны, получившие чрезвычайное общественное внимание первые теории стихийных объединений, а, с другой, — бурные события российской истории, в которых армия подчас оказывалась последней преградой на пути «пятой стихии».

Дореволюционная российская военная психология вполне соответствовала мировому уровню того времени. Авторы рассматриваемых в этой статье работ, большинство которых составили признанные представители военной элиты — выпускники Николаевской академии генерального штаба и Александровской военно-юридической академии, дополнили теории толпы западноевропейских исследователей рядом существенных соображений, дополнений и уточнений. Одни из них, как, например, А. Е. Снесарев и Н. А. Ухач-Огорович противопоставили концепты «армия» и «толпа», не обнаружив между ними ничего общего. Другие, в том числе А. С. Зыков, Н. Н. Головин и А. С. Резанов, разделили позицию коллективных психологов того времени, согласно которой воинская часть или отдельное подразделение может считаться толпой. Фактически уподобляя армию и толпу, они в самом устройстве военных порядков нашли набор родственных стихийной группе свойств. Третьи, в частности, Д. Д. Безсонов и Г. Е. Шумков, отрицали возможность коллективной субъектности, сосредоточившись на изменениях индивидуальной психики в условиях боя или толпы.

ПАРАДИГМА «АРМИЯ VS ТОЛПА»

Концепция А. Е. Снесарева

А. Е. Снесарев (1865–1937), известный военачальник, военный теоретик, географ и востоковед, генерал-лейтенант, позже военспец, «Герой труда», в период репрессий дважды приговоренный к расстре-

ду, замененному по указанию И. Сталина на 10 лет лагерей, не оставил работ непосредственно по психологии толпы. Однако к рассмотрению этого концепта он не раз обращался в своих публикациях.

Дикие инстинкты, свирепость, полудикость, безмерная деспотичность, подчиненность своим капризам и страстям, склонность к насилиям и грабёжам, неустойчивость настроений, повышенная восприимчивость, своеволие до разнузданности и подлинного безумия — вот те черты, которые, по А. Е. Снесареву, отличают бунтующую толпу. Ее вожаки «после определенного момента зачастую не в состоянии бьвают совладать с естественной стадностью толпы и рано или поздно могут стать вместо властителей движения покорными его рабами, увлеченными общим потоком и бессильными с разбушевавшейся массой» [Афганские уроки..., 2003, 179]. В период смуты они подчас провоцируют ведомых на агрессию по отношению к войскам, чтобы затем обвинить тех в убийстве мирных и безоружных граждан, вызывая народную ненависть к армии, а также подрыв доверия солдат к офицерам, заставляющим «делать нечестное дело — стрелять в своих же земляков. Они не хотят понять, что офицерам очень тяжело и больно отдавать такие приказания, но к этому их принуждает сама толпа» [там же, 240].

Противопоставление автором толпы и армии было ориентировано на решение трех задач. Во-первых, подчеркнуть значение дисциплины и субординации, без которых войско превратится в скопище вооруженных разбойников, опасных для окружающих и самих себя. Во-вторых, подтвердить моральное основание для разгона революционной толпы, готовой к преступлениям, силой оружия. «Войска, посылаемые с целью водворить порядок, — писал он, — не могут ограничиваться увещаниями... они к роли проповедников не подготовлены, ... проповедовать мир и согласие довольно трудно в стране, охваченной анархией, ведомой фанатиками» [там же, 539]. В-третьих, применение первого из этих концептов как своеобразной оценочной категории в дискуссиях о характере будущих войн усиливало аргументацию А. Е. Снесарева в пользу профессиональных вооруженных сил при сравнении их с мобилизованными слабообученными массами.

Концепция Н. А. Ухач-Огоровича

Среди трудов по военной психологии своего времени работы Н. А. Ухач-Огоровича (1860–192?) располагаются особняком: попыт-

кам научных изысканий автор предпочел декларации незыблемости духовных скреп и торжества патриотических начал. Для этого имелись личные основания. Авантюрный характер и жажда наживы привели бывшего генерал-майора к лишению дворянства, чинов, наград и арестантским ротам. Утверждали, что, помимо масштабного мошенничества и казнокрадства в период Русско-Японской войны, Н.А.Ухач-Огорович не чурался и разбоя — в качестве начальника управления транспортом Маньчжурской армии он отправлял обозы, которые позже то ли грабил, то ли имитировал ограбление, используя возможности другой своей должности, главы разведывательного отделения при штабе главнокомандующего [Соколов, 2012]. Его публикации, насыщенные казенной риторикой и обвинениями «штатских» в непонимании сути военного хозяйствования, во многом были ориентированы на укрепление перед предстоящим судом собственного имиджа как военного теоретика, благонамеренного государственника и воспитателя молодежи. Однако известно, что прежние убеждения не помешали Н.А.Ухач-Огоровичу предложить услуги большевикам. В дальнейшем он служил по финансовой части в бригаде Г.Котовского, с которым, по-видимому, повстречался в Сибири, и преподавал на курсах «Выстрел».

Из первых теорий стихийных социальных объединений автор заимствовал предельно негативный образ толпы, утверждая, что она «неспособна рассуждать, в высокой степени злобнострастна, весьма изменчива в своих чувствах, безвольна, лишена совести как нравственного регулятора. Характер несимпатичный и зловредный» [Ухач-Огорович, 1911, 18]. В соответствии с С.Сигеле и Г.Тардом, но без ссылок на них, Н.А.Ухач-Огорович писал про то, что предвзятые идеи и навязчивые мысли заменяют толпе ум, многочисленность придает собравшимся дерзость и заносчивость, страсти ослепляют, личностные различия нивелируются, экстагическое исступление обуславливает самые нелепые поступки, а внушаемость и возбужденность делают их подходящим орудием для своекорыстных или идейных вожаков.

Вполне разделив тезис предшественников, в соответствии с которым «звериная» и «варварская» природа толпы априори угрожает общественному благополучию, Н.А.Ухач-Огорович отказался следовать за коллективными психологами конца XIX века в чрезмерной генерализации понятия толпы, его неоправданном переносе на иные

типы социальных объединений. Ничего общего с толпой для него не могли иметь государственные и общественные собрания, преступные организации и, уж тем более, армия, которая «сознательна и разумна; проникнута самыми высокими благородными чувствами; обладает твердой волей, прекрасно организованной; руководствуется самыми совершенными нравственными велениями совести. В общем, характер в полной мере благородный и симпатичный, заслуживающий поклонения» [там же, 45].

Требую жесткого подавления бунтующего или отказывающегося разойтись скопища, Н.А.Ухач-Огорович утверждал, что воинский строй и толпа настолько противоположны по своей природе, что опытный ротный командир никогда не допустит проникновения в солдатские ряды не только группы, но и единственного агитатора. Слишком велика вероятность неподчинения и отказа от применения оружия: «авторитет и доверие к начальнику стремительно падают от прикосновения штатской руки» [там же, 27].

ПАРАДИГМА «АРМИЯ КАК ТОЛПА»

Концепция А. С. Зыкова

А.С.Зыков (1871–1916), образованнейший офицер, закончивший Николаевскую академию генерального штаба и Александровскую военно-юридическую академию, товарищ (заместитель) председателя отделения военной психологии при Обществе ревнителей военных знаний, позже погибший в должности командира пехотного полка в мировую войну, первым из российских военных затронул в своей книге проблематику толпы.

При множестве ссылок на психологов, физиологов, психиатров и биологов в его работе не упоминались создатели первых теорий стихийных объединений. Однако о некорректных заимствованиях речи не идет: представления А.С.Зыкова о толпе слишком отличались от идей коллективных психологов, известных европейскому и российскому читателю конца XIX века. Резонно предположить, что, рассуждая о влиянии национального характера, процессах психического заражения, бессознательной активности и инстинктивной направленности толпы, ее интеллектуальной беспомощности,

безрассудности и впечатлительности, свойстве «обаяния» вожаков и приемах влияния на ведомых, автор опирался не на востребованные публикации исследователей стихийных объединений, но на отдельные пронизательные суждения, примеры и релевантные обобщения из книг их многочисленных предшественников, «ответственных» за совпадение ключевых идей Н. К. Михайловского, С. Сигеле, Г. Тарда, Г. Лебона и др. ученых того времени. Фактически, опоздав на несколько лет, он пришел к тем же выводам, что и представители коллективной психологии, действуя независимо от них.

С точки зрения А. С. Зыкова, «коллективная личность» не является научной абстракцией или условным конгломератом индивидов. Ее существование не менее реально, чем бытие отдельного человека. Точно так же, как индивидуальное сознание способно на протяжении жизненного пути сохранять непрерывность, толпа отличается устойчивостью базовых переживаний, намерений и отношений, несмотря на обновления своего состава. Так, покинувшие толпу быстро утрачивают ощущения психического напряжения и духовного единения, тогда как вновь входящие в нее кардинально меняются, невольно подстраиваясь под общий лад. Характер подобного «совокупного организма», по его мнению, проще, схематичнее, определеннее личностных черт человека, ведь при взаимодействии личностные противоположности имеют тенденцию, «накладываясь» одна на другую, взаимно уничтожаться, а общие черты — усиливаться.

Характеризуя процессы социального влияния в стихийном объединении, автор обозначил два аспекта: непосредственное воздействие оратора на слушателей и реакцию психического напряжения собравшихся, которая иной раз «достигает взаимной электризацией такой силы, что именно она определяет поступок толпы» [Зыков, 1898, 76]. Исследователь констатировал, что влияние вожака проявляется только в том случае, когда эти процессы не идут друг другу вразрез. При этом выраженность психического напряжения, по его мнению, зависит, во-первых, от общих черт представителей данного народа и эпохи («Пусть Иванов очень походит характером на англичанина, Петров на француза, Сидоров на шведа, но, составляя толпу, они составят русскую толпу» [там же, 57–58]), во-вторых, от увеличения числа собравшихся, и, в-третьих, от плотности их расположения, степени скученности на местности. Даже переминание с ноги на ногу, незаметное в редкой толпе, в более плотной действует раздражаю-

щим образом на окружающих, так что, чем теснее прижимаются люди, тем полнее передаются их эмоции.

Чтобы обратить на себя внимание, потенциальному вожаку, по А.С.Зыкову, достаточно, заняв видное место, выделиться из окружения энергичными жестами, выразительной мимикой, резкими интонациями и бранными словами. Не случайно «ораторы энергичнее влияют на толпу криком и руганью, чем убеждением и суждением» [там же, 65]. Слишком часто, по его мнению, взбудораженный народ принимает громкие возгласы за красноречие, а брань — за доказательство ума. Но мало привлечь внимание. Чтобы удержать его, обычно требуется лезть в адрес присутствующих, выражение согласия с ними, перестановка акцентов с использования логики на заражение эмоциями, применение выразительных слов и наглядных образов, точнее всего отражающих актуальные желания толпы. Проблема в том, что, по убеждению исследователя, вожак, в принципе, не способен руководить толпой. В его власти лишь пробуждение общих чувств и ориентация действий в едином направлении: «толпой сравнительно нетрудно пользоваться как неопределенной слепой силой, как тараном, ударом которого можно воспользоваться, но нельзя направить... она быстро вырывается из-под власти оратора. Оратор уподобляется человеку, бросающему искру в пороховой склад. Он может бросить ее или не бросить... Но регулировать и направить его действие не во власти поджигателя... К толпе подделываются, но ею не управляют» [там же, 77].

Применительно к практике военного дела важнейшим свойством толпы А.С.Зыков считал готовность к порыву, резкому повышению активности ее состава в силу психического заражения. Воинский строй, преобразовывающий потенциальную толпу, сокращает присущий ей запас энергии, однако придает управляемость и стойкость. В отличие от толпы, тактильные контакты в строю ограничены двумя соседями, запрещение разговоров, восклицаний и движений препятствует распространению эмоций, интервалы при расположении групп уменьшают размеры скопища и, соответственно, напряжение в нем. Когда же требуется решительный удар, строй принимает вид колонны, более схожей, по его словам, по свойствам с толпой. При этом власть воинских начальников минимизируется, а вероятность паники, например, при неожиданном обстреле, возрастает.

Существенную психологическую выгоду, согласно автору, обеспечивает синхронность строевых действий, поэтому «допустимы

только одни залпы, в строю допустима маршировка только в ногу, повороты только одновременные... Одновременность, такт — великие стимулы фактического объединения людей» [там же, 81]. Соответственно, подлинный смысл муштровки и экзерций состоит в том, чтобы отчасти сохранив преимущества толпы за счет поддержания ритма движений, избавиться от ее недостатков. Когда же шагистика обращается не на строй, а на отдельного военнослужащего, передвигающегося гусиным шагом и тянущего носок, то становится бессмысленной и даже вредной.

Концепция Н. Н. Головина

Н. Н. Головин (1875–1944), впоследствии генерал-лейтенант, профессор, теоретик военного дела, педагог и историк, убежденный противник Советской власти, участник Белого движения и последовательный коллаборационист в годы Второй мировой войны, в своих работах неоднократно рассматривал поведение толпы.

Исследуя боестолкновение как явление общественной жизни, в частности, рассматривая динамику эмоциональных состояний и поведенческих реакций в экстремальных условиях, Н. Н. Головин описал феномен «человека толпы» или «массового бойца». Согласно его воззрениям, в «психологический момент» или «кризис боя» некий внешний импульс, поведенческий императив, быстро переходящий от одного очага сражения к другому, на время подавляет индивидуальность, лишая возможности к обдуманым действиям. При этом наблюдается усиление до абсолюта стремления к победе и готовности к самопожертвованию или, напротив, желания любой ценой избежать опасности, так что солдат «бежит вперед или назад, но непременно бежит» [Головин, 1907, 126].

Как и коллективные психологи конца XIX века автор воспринимал толпу не просто в качестве временного социального образования, но как специфичную психическую общность, «совокупную душу». В этом смысле не случайно замеченное им совпадение личностных изменений, происходящих из-за пребывания в толпе и при участии в бою. В обоих случаях, по мнению Н. Н. Головина, имеет место предельная эмоциональность и минимальная рассудочность, импульсивность реакций, неустойчивость воли, легковерие, не критичность мышления, инстинктивность побуждений, повышенная восприим-

чивость к сторонним впечатлениям и воздействиям. Как следствие, «группы бойцов, как бы прочно они не были организованы, все более и более стремятся превратиться в психологическую толпу, причем с течением боя (т.е. с увеличением опасности) стремление это все увеличивается» [там же, 123].

Руководствуясь идеями Г.Лебона, Н.Н.Головин писал, что для образования подобной толпы, подчиняющейся закону «духовного единства», бывает достаточно шести человек. Однако он иначе, чем французский исследователь, определял механизмы взаимовлияния личности и толпы. Согласно Г.Лебону, восприимчивость к внушению влечет за собой «заразительность или заразу», а последняя может выражаться в подражании. Для Н.Н.Головина дело обстояло по-другому: внушение как «прививание» мыслей, эмоций и психофизических состояний проявляется в двух различных формах — подражательности и «нравственной заразы»⁷ [там же, 115]. В описании всех других особенностей толпы автор явственно следовал парадигме Г.Лебона, с характерным для нее игнорированием социального и ситуативного контекста активности стихийных объединений, чрезмерным сосредоточением на бессознательных и иррациональных аспектах психики, механистичностью трактовки мотивации людей и их личностных изменений.

К психологическим предпосылкам, обуславливающим превращение в толпу участников боя, Н.Н.Головин относил следующие:

- подавление рассудочных способностей под влиянием боевой обстановки и нарастающей опасности;
- общность переживаний вследствие активизации инстинкта самосохранения;
- проявление двух стремлений — к победе и к избеганию опасности, каждое из которых способно подчинить себе чувства и мысли бойцов;
- борьбу указанных мотивов, вызывающую неустойчивость эмоций, отвлечение внимания, затемненность разума и духовную пассивность, более всего напоминающую гипнотическое состояние.

⁷ Вопрос о соотношении данных понятий оставался дискуссионным на протяжении рассматриваемого периода. Например, другие авторы считали заражение разновидностью подражания (непроизвольной имитацией), отличающейся от внушения самостоятельностью акта копирования эмоциональных состояний, рефлексных движений и идей [Вигуру, Жукелье, 1912].

При этом он утверждал, что слияние с толпой имеет индивидуальные градации. Кто-то раньше успел войти в патологическое состояние психики и приобрести ключевые черты толпы, когда для других период «массового брожения», характеризующий интенсивной борьбой мотивов, еще не завершился. Но некоторая часть воюющих и в момент «кризиса боя» сохраняет остатки индивидуальности, избегая окончательного превращения в нерассуждающего и внушаемого, импульсивного и эмоционального «массового бойца».

Согласно Н.Н.Головину, закономерности коллективной психологии в значительной мере обуславливают т.н. «фактор случайности», способный привести войска как к поражению накануне победы, так и к тому порыву, что позволит победить в безнадежной ситуации. Такая «случайность» поддается прогнозированию и управлению. С одной стороны, от офицера требуется «стараться возможно долее удерживать бойца от окончательного превращения в индивида толпы. С другой стороны, единичный человек не способен к такому героизму как индивид толпы; поэтому наступает в бою минута, когда это превращение становится необходимым. Вполне понятно, что желательнее возможно ближе подвести к неприятелю более или менее сознающего бойца, с тем, чтобы уже накоротке, выпустить его в массу на противника, как пулю в упор» [там же, 142].

По мнению исследователя, в этом заключался один из секретов тактики А.В.Суворова. Позже, уже в эмиграции, он писал, что великий полководец приучал солдат к «сквозным атакам», побуждая их не останавливаться, как было принято, за несколько шагов до встречного строя, но, ускоряясь, протискиваться между рядами с криками «Ура!» и имитацией удара штыком. Поэтому, когда дело доходило до настоящего боя, выработанный автоматизм придавал атаке суворовских войск поистине стихийную силу. При этом автор подчеркивал, что преднамеренное превращение в «психологическую толпу» осуществлялось не далее чем за 240 шагов или за полторы минуты до столкновения [Головин, 1931, 56]. Иначе энергия порыва «массового бойца» иссякнет, импульсивность реакций, неустойчивость воли и податливость стороннему внушению приведут к тому, что он «так же легко панически побежит, как и совершит какой-нибудь высший акт самоотвержения, — все будет зависеть от природы возбудителя» [Головин, 1907, 143–144].

В том, что касается управления «массовым бойцом», Н.Н.Головин во многом был ориентирован на гипнотическую модель коммуникации Г.Лебона [Лебон, 1896, 253–261]. Так, он полагал, что в бою воздействие на эмоции и воображение эффективнее обращения к разуму. Демонстрация поддержки соратников позволит укрепить чувство непобедимости и мощи, уверенности в своих силах. Не менее важно своевременно уберечь солдат от внешних воздействий, вызванных внезапными изменениями обстановки. Для этого в бою их следует занять деятельностью, требующей максимальной концентрации внимания. В противном случае склонность «массового бойца» к легковерию и безудержным преувеличениям может достигнуть масштаба коллективных галлюцинаций. Наконец, следует экономить душевные и физические силы подчиненных, чтобы они сохранили способность к предельному напряжению в кратковременный, но важный период «кризиса боя».

Выводы Н.Н.Головина были востребованы современниками. Многие тезисы заимствовал генерал П.Н.Краснов в подготовке книги «Душа армии» (1927). Основные положения концепции «массового бойца» разделял и генерал П.Н.Симанский, автор книги о панике в войсках (1929), переведенной в СССР. Определенное отражение они получили и в советской военно-научной периодике 20-х гг. [Какурин, 1921].

В какой мере эти идеи сохранили свое значение? Современное понимание динамики идентичности при коллективном поведении [Drury, Stott, 2011; Spears, Postmes, 2015; Stott, Drury, 2016; и др.], на наш взгляд, нуждается в конкретизации как со стороны психофизиологических предикторов этого процесса, так и в том, что касается проявлений социального прайминга, многовариативности поведения под влиянием ситуативных, подчас не особо заметных факторов. Мысли Н.Н.Головина о том, как «бессознательность бойца, страшная сила чувства, которую способен проявить только индивид толпы» [Головин, 1938, 144] проявляет себя в «кризис боя», подчиняясь не всегда уловимому внешнему императиву, могут оказаться в этом полезны.

Концепция А. С. Резанова

А.С.Резанов (1878–?) военный юрист, известный разоблачением немецких шпионов в окружении Г.Распутина, офицер контрразведки в период Первой мировой войны и в деникинской армии, следы

которого позже затерялись в эмиграции, опубликовал работу по психологии толпы на основании доклада офицерам генерального штаба Варшавского военного округа.

Для него не было сомнений, что военнотружущие, впадающие в панику, идущие в атаку или поглощенные участием в параде, представляют собой толпу. А.С.Резанов был согласен с коллективными психологами и в том, что полк, дивизия, армия, отличаясь от уличного собрания, тоже являются толпой. Однако полагал, что, классифицируя виды «толп», Г.Лебон и Г.Тард допустили ряд ошибок, поддающихся исправлению при учете критериев единства места и времени, сознания и воли.

В качестве нижней ступени был выделен «скоп» — совокупность людей, случайно оказавшихся в одном месте и в одно время. Это не более чем предпосылка для подлинного объединения: «Достаточно, чтобы вблизи разорвалась бомба; чтобы какой-нибудь краснойбай выкрикнул одну из трескучих фраз, производящих всегда чарующее впечатление на массу; чтобы какой-нибудь смельчак привлек общее внимание и искра страсти, подобно электрическому току, перескакивая от одного к другому моментально, объединит разнородную до этого времени «рассыпную хромиду» [Резанов, 1910, 20–21].

К другому виду, характеризующему единством не только места и времени, но и сознания — чувств, страстей и веры, автор отнес толпу анонимную, иногда неточно, по его мнению, именуемую «толпой без вожака». Согласно А.С.Резанову, вожаки подчас быстро сменяются, и от того не всегда заметны со стороны. Само их наличие уже придает элемент организованности, однако отсутствие единой воли оборачивается изменчивостью настроений, обостренной впечатлительностью, легковерием, раздражительностью, безрассудностью толпы.

Впрочем, эти характеристики могут относиться и к «психологической» толпе, руководствующейся волей одного, но нередко выбирающей того, кому «достаточно обладать какой-либо ничтожной особенностью, например, громким голосом, физической силой, даже быстротой ног, при панике, чтобы дифференцироваться из однородной массы» [там же, 25]. Для «психологической» толпы характерны все три критерия — она собирается в одно время и в одном месте, отличается единством переживаний, подчиняется вожаку. Именно в ней происходит нивелировка личности под влиянием «коллективной души».

По А. С. Резанову, «психологическая» толпа может быть естественной (случайной) и преднамеренной (искусственной) с последующим разделением последней на временную и постоянную. Примерами толп с естественной организацией ему послужили эмоционально возбужденные группы со случайными вожаками. «Слишком обостренная впечатлительность и изменчивость толпы с естественной организацией, — писал исследователь, — делают ее неспособной к продолжительной и продуктивной жизни, почему, с целью парализовать отрицательные ее качества, толпе придают искусственную постоянную или временную организацию» [там же, 22]. К толпам с постоянной организацией он относил полк, монастырь, фабрику, а с временной — конгресс, парламент, театральную публику. Но бывают моменты, когда и там эмоциональное возбуждение берет верх, низводя собравшихся до толпы со случайной организацией. Тогда полк обращается в бегство, а парламентарии включаются в перебранку или рукопашную.

О корпорации, следующем виде объединений, А. С. Резанов высказался как об ассоциации действия, а не присутствия, относя к ней сословия, касты, политические партии, вооруженные силы государства. Для нее характерно соответствие критериям единства сознания и воли, но не времени и места. Тем не менее корпорации автор также относил к разряду «психологических» толп, ссылаясь на подавление личности и ограничения самоконтроля.

Публику или общество, последний вид объединений, автор вслед за Г. Тардом описывал как собирательное множество, где физически разделенные индивиды приобрели и сохранили духовную связь. Психическая организация при этом выражается в общественном мнении в пределах литературных, военных, политических, научных или иных кругов. Сходство суждений, общность переживаний, единство отношений отличают такие рассеянные толпы, образованные на основе внутренних идей.

Безусловно, классификация, в стиле коллективных психологов конца XIX века наделяющая толпу, достаточно примитивное объединение, чуть ли не универсальным объяснительным потенциалом, устарела. Однако заметим, что проблема типологизации стихийных социальных образований и в наши дни далека от разрешения. Уже поэтому опыт исследователей прошлого сохраняет определенную научную значимость.

А. С. Резанов подчеркивал, что в любых толпах имеют место одинаковые процессы: «токи, идущие от вожака к массе — внушение, от одного участника толпы к другому — взаимовнушение, от толпы к вожаку — отраженное внушение, и, сверх того, оказывает известное действие самовнушение» [там же, 68]. Выявление того, какие из «токов» будут преобладать или как они будут сочетаться, военный психолог считал предельно проблематичным. По его мнению, внушение в толпе всегда передается по линии наименьшего сопротивления, достигая максимальной выраженности в центре (среди окружения вожака или начальника) и ослабевая к периферии. При этом в естественной толпе оно неравномерно: «среди массы собравшихся находятся личности с резко повышенной внушаемостью, почему внушение, идущее от вожака, ... будет передаваться от одного подобного очага внушаемости к другому» [там же, 62]. Многое здесь зависит от воли случая — в ходе распространения содержание внушений искажается, а их энергия непредсказуемо изменяется из-за интерференции различных влияний.

Другое дело — толпа с преднамеренной постоянной организацией, где роль «токопроводящих» путей выполняет иерархия начальников, подготовленных к передаче приказов и контролю за подчиненными. Особое значение там принадлежит воинскому строю, способному придать силу, равномерность и устойчивость внушению, исключив его сторонние очаги. Установлением интервалов, запрещением движений и разговоров понижается сила взаимовнушений, а сосредоточением внимания на начальнике уменьшается эффект самовнушений. С его точки зрения, строй как ничто иное отделяет военнослужащих от тех, кто может оказать неуместное влияние, определяет каждому место в зоне досягаемости команд, создает привычку к бессознательному повиновению. Таким образом, он существует не для красоты парадов. Строй является средством усиления того, что обуславливает духовную силу любой армии — степень внушаемости солдат в походе и в бою.

Рассуждая об изменениях свойств толпы при использовании строя и опоры на командную иерархию, А. С. Резанов не мог не затронуть проблему самих этих свойств, нередко, по его мнению, описываемых голословно, преувеличенно и пристрастно. Сопоставив суждения коллективных психологов, он разделил свойства стихийных объединений на основные и производные. В число первых вошли моноидеизм (одноидейность), рефлексорность (чувствительность

к внешним раздражителям) и подражательность (податливость примеру). Они, в свою очередь, обусловили производные свойства — раздражительность, нетерпеливость, деспотичность, искаженность восприятия действительности, легковерие, впечатлительность, изменчивость, радикализм. В перечень свойств при этом не были включены «звериное начало», «женский характер», «преступные наклонности» и прочие черты, приписываемые толпе его предшественниками, как не характерные для воинской толпы.

В отношении приемов воздействия на толпу автор следовал в русле гипнотической коммуникации Н.К.Михайловского и Г.Лебона. В частности, он подчеркивал, что толпа играет в руках своих вожаков роль театральной марионетки, не имея собственной воли, направления ума, веры, желаний и постоянства чувств. Она живет психологией подсознательного, подавившего центры воли и самосознания. Как следствие, «кровожадный зверь всегда дремлет в душе толпы и искусство управления массами состоит в том, чтобы пользоваться когтями этого зверя против своих врагов» [там же, 84].

Отмечая необходимость сильного характера для руководства толпой, А.С.Резанов выражал сожаление, что при назначении на командные должности этого не учитывают. Пагубна неспособность начальников к непоколебимой твердости воли, ведь подлинная сила армии, по его мнению, заключена не в количестве войск, а в качестве руководителей. Поэтому подготовка офицерского корпуса должна включать умение навязывать волю, следуя проверенным путем повеления, повторения и примера. Такой «вожак» не разъясняет, а действует, зная главное: «Рассуждениями толпу не пронять, ибо все рассуждения сухи и холодны, а толпе нужны приказания, согретые чувством и окрашенные страстью. Единственное верное средство увлечь за собой толпу — это обращаться к голосу ее чувства, действуя на воображение» [там же, 91].

ПАРАДИГМА «ИНДИВИД В ТОЛПЕ»

Концепция Д. Д. Безсонова

Правовед Д.Д.Безсонов (1859–?), позже генерал-майор, профессор военно-юридической академии, разработал психологическую

концепцию стихийных объединений для разрешения проблем вменяемости, предумышленности и ответственности за массовые преступления.

Указав на противоречивость и предвзятость теорий толпы конца XIX века, Д.Д.Безсонов выделил несколько методологических ошибок, ставящих под сомнение существование «особой науки» — коллективной психологии. Одна из них состояла в некритичном распространении на толпу в целом поведенческих характеристик конкретных совокупностей людей. Признавая наличие скопищ, склонных к жестокости и разрушению, на основе ряда примеров он констатировал, что далеко не все они таковы. Другая ошибка заключалась в игнорировании альтернативности интерпретаций при приписывании феномену того или иного свойства. Например, хождение толков о «царской грамоте», разрешающей «жить по старине» или учинять насилия над чужаками, можно с равным основанием объяснить не только легковерием толпы (как это обычно делалось), но и ее моноидеизмом, доминированием одной идеи или же стремлением к самооправданию запланированной групповой агрессии. Важная методологическая ошибка связана с недооценкой социальных факторов образования бунтующей толпы. С точки зрения Д.Д.Безсонова, западноевропейские ученые излишне сосредоточились на антропологическом составе стихийного объединения, проигнорировав, «что толпа, этот автор жизненной драмы, имеет свой пролог, свою историю образования и постепенного развития, где толпа является только финалом» [Безсонов, 1907а, 87]. Вслед за Н.К.Михайловским он утверждал, что агрессия толпы не случайна, даже когда повод к ней незначителен или нелеп. Так, аграрные беспорядки происходили не потому, что крестьяне попали под влияние «прирожденных преступников» или испытали силу «нравственной заразы» гипнотического свойства. Почву создало «общее горе, общее несчастье, общая тягость жизни...» [там же, 90]. Принципиально ошибочными посчитал он и предпочтение С.Сигеле, Г.Тардом и Г.Лебоном примеров из истории Французской революции, событий иной эпохи. Если и наступил «век толп», то изучая его, следует понимать, что каждое время порождает свои толпы, — таков вывод Д.Д.Безсонова.

Для него не было сомнений в том, что в толпе внушение и подражание имеют место, но их не стоит абсолютизировать и на этой ос-

нове рассуждать о «коллективной душе» и «многоликом существе»: слишком велики неизменно обнаруживающиеся различия в поведении членов стихийной группы. Согласно его позиции, в центре внимания должно быть не абстрактное «коллективное Я», а поведение индивидов, во многом сохранивших выработанные в онтогенезе черты, но находящиеся в особом психическом состоянии из-за нахождения в толпе.

Сущность такого состояния состоит во внушаемости, которая, согласно Б.Сидису, представляет собой «дизаггрегацию сознания», «расщепление духа», проявляющуюся, когда «подбодрственное, рефлексорное сознание входит в прямое сообщение с внешним миром» [Сидис, 1902, 91]. К условиям активизации внушаемости он, вслед за Б.Сидисом, относил «напряженность внимания, ограниченность сознания, доходящую до подавленности, ограниченность произвольных движений и возможность немедленного перехода к выполнению» [Безсонов, 1907а, 45]. Все это происходит, по автору, с индивидом в толпе, который сократил поле восприятия до единственного значимого объекта, приобрел тем самым на время предельное однообразие впечатлений, ощутил ограничение свободы движений из-за толкотни и давки, утомился от дискомфорта и монотонии, наконец, вместе со всеми выразил чувства криком, свистом, энергичным жестом.

Такая постановка вопроса не означала отрицания общности психических состояний индивидов в толпе. Доработав классификации Г.Лебона и Г.Тарда, Д.Д.Безсонов предложил различать толпу пассивную (или выжидающую) и активную (действующую), в первой из которых подобная общность имеется, а во второй — утрачивается.

Он правомерно полагал, что в пассивную толпу индивиды попадают по разным причинам, в том числе и совершенно случайным. В ходе последующих взаимовлияний собравшиеся все отчетливее воспринимают духовное родство и очевидную силу многолюдства. Каждый «из слабого и одинокого... преобразуется в мощного и неуязвимого, но эта мощь и неуязвимость, как он прекрасно сознает, лежит не в нем самом, а в той общности чувств и мыслей, которые соединили отдельных лиц в толпу» [там же, 119]. Такая пассивная толпа все больше начинает составлять единое целое, готовое подражать и подчиняться. Но и это не «коллективная душа», а временное слияние индивидуальностей на основе восприятия своей гомогенности. Дальнейшее нахождение в толпе, связанное с напряжением вни-

мания, ограничением свободы движений, нарастающим утомлением, обеспечивает, по мнению ученого, «дезагрегацию сознания», ослабление «Я» и выход на передний план «подборственных» аспектов психики.

При преобразовании толпы из пассивной в активную сложившееся было «общее сознание» уступает место психическим началам, прежде скрытым в глубинах личности. Индивидуальные различия выработанных привычек и навыков, персональные стереотипы мышления и отношения к действительности проявят себя во всей полноте на фоне ослабления социальных норм, характерного при активизации эволюционно примитивного рефлекторного, «подборственного» сознания. Таким образом, «индивидуальность каждого резко выступает наружу. Поэтому мы и видим, что в такой толпе одни являются более активными, более энергично действующими, другие — менее. Одни не отступят ни перед какими препятствиями, другие — остановятся перед ними» [там же, 121].

Заметим, что идея противопоставления работы сознания индивидуального и «надиндивидуального» была характерна для того времени. Но представители коллективной психологии рассуждали о нивелировке психологических различий на фоне доминирования общей воли толпы над каждым из ее членов, тогда как Д.Д.Безсонов занял более интересную с научной точки зрения позицию, связав возможность реализации персональных предрасположенностей с психофизиологией толпы, обусловленной ее пассивностью или активностью.

Устаревшая и неточная терминология не должна исказить впечатления оригинальности от концепции Д.Д.Безсонова. Не его вина в том, что объективных возможностей для полевого исследования «дезагрегации сознания» и временного доминирования «подборственной» части психики не существовало. Что же касается ссылок автора на внешний признак «дезагрегации» — увеличения индивидуальных различий у членов активной толпы, то ее следует признать сомнительной. Вероятно, Д.Д.Безсонов принял желаемое за действительное: если в активной толпе любые действия людей становятся более заметными, то и индивидуальные различия в этих действиях, естественно, проявляются во всей полноте. Это не означает того, что в пассивной толпе таких различий нет, они лишь в меньшей мере доступны для стороннего наблюдения.

Концепция Г. Е. Шумкова

Заметный вклад в изучение психологических состояний участников боевых действий в последние годы существования Российской империи внес психиатр и психофизиолог, один из основоположников эмпирической военной психологии Г.Е.Шумков (1873–1933). Войсковой врач, участник двух войн, председатель отделения военной психологии при Обществе ревнителей военных знаний, ученик В.М.Бехтерева, ставший в советское время профессором кафедры психиатрии Пермского мединститута, обратился к феномену толпы лишь в одной публикации предвоенного периода, сохранившей значение и в наши дни.

Выражая в ней позицию, позже получившую логическое завершение в формулировке «групповой ошибки» (group fallacy), тенденции опираться на понятие группы при объяснении персональных реакций [Allport, 19246], Г.Е.Шумков подчеркивал, что пребывание в толпе является лишь условием одновременной активизации сходных поведенческих проявлений и личностных свойств, входящих в сферу не коллективной, а индивидуальной психологии. Более того, выделение самостоятельной науки, анализирующей «душу толпы», представлялось ему некорректным: «ведь все наши психические переживания, всякое претерпевание и деятельность масс (толпы) оказываются при внимательном рассмотрении переживаниями, претерпеваниями и деятельностью единичных индивидуумов» [Шумков, 1914, 86].

Не отрицая процесса нивелировки индивидуальных различий, описанного первыми исследователями толпы, он полагал недостаточным обычное указание на внешние возбудители как первопричину столь кардинальных личностных изменений. Переживание тревоги — вот фактор, пропущенный предшествующими учеными, который способен стереть черты индивидуализма и подогнать всех и каждого под единый шаблон, превратив личность в представителя массы. В состоянии тревоге Г.Е.Шумков видел тот «психологический цемент, при помощи которого люди даже разных душевных свойств могут объединиться «психологически» с наличием однородных мыслей, чувств и действий» [там же, 94]. Отсутствие данного переживания делает, по его мнению, образование толпы психофизиологически невозможным.

С его точки зрения, прослеживаемые в научной литературе особенности лиц, пребывающих в толпе, обладают неслучайным сход-

ством с признаками мышления и поведения военнослужащих с выраженным чувством тревоги. В частности, автор отмечал, что для тех и других характерна концентрация мыслей на предмете беспокойства, снижение критических способностей, повышение внушаемости, изменчивость настроений и переживаний, крайняя подвижность, нетерпение, стремление к сплочению и совершению совместных поступков, готовность подчиняться.

Анализируя состояние солдат перед боем, Г.Е.Шумков выделил основные из этих черт: «Мысли бойцов по-преимуществу вращаются в области ожидаемых событий: что-то будет? Оторвать мысли от этого и заняться спокойно каким-либо размышлением не удастся — нет психических сил. Внимание людей, ослабленное к другим интересам, в области ожидаемых событий уточнено и как бы фиксировано, со способностью ловить в разговорах, в чтении газет, в поступках других все то, что хотя бы отдаленно имело отношение к тревожащим мыслям. Причем внушаемость бойцов к словам других и к содержанию разговорных или газетных сообщений, даже к настроению окружающих и к их поведению резко повышена. Критическое настроение к известиям... обычно ослаблено настолько, что бойцы все это как бы поглощают в себя, охотно веря всему и не подвергая содержания получаемого обычной критике... Вместе с такими мыслями, с таким односторонним, обострившимся вниманием, с повышенной внушаемостью и детской доверчивостью, настроение бойцов крайне подвижно, неустойчиво и легко меняется» [там же, 91].

В силу возникновения «коллективных» переживаний гнева, печали, радости или страха у солдат, пребывающих в состоянии тревоги, появляются, по выражению автора, «коллективные» действия и поступки в самых их простых и импульсивных проявлениях. В результате, индивидуальность воина на время как бы стирается, и ему не хватает лишь вожака для того, чтобы состоявшееся духовное объединение выразило чрезвычайное возбуждение нервов каждого в совместном поведении. Таким вожаком может стать любое лицо, «живо и выпукло выражающее, передающее и угадывающее в данный момент сокровенные интересы и побуждения лиц, находящихся в толпе (общие интересы, мысли, чувства и действия), клонящиеся к удовлетворению потребностей данной минуты» [там же, 92].

По Г.Е.Шумкову, толпа готова далеко зайти в своем подчинении внушенным идеям, однако при этом влияние вожака не безгранично.

Оно реализуется лишь в той мере, в которой соответствует представлениям собравшихся о скорой и полной реализации общих чаяний. Оставив толпу в бездеятельности в состоянии тревоги, когда субъективное течение времени чрезвычайно замедляется, вожак потеряет свой авторитет.

Рассуждая о том, что в роли вожака перед сражением и на поле боя выступает «лицо начальствующее», Г.Е.Шумков отмечал случаи, когда командир, не постигающий «тождества психики подчиненных с психологией толпы» [там же, 94], фактически, самоустранялся от дел или превращался в ретранслятор распоряжений инициативного подчиненного. Если ожидание непереносимо, а бездействие особо тягостно, вожак становится тот, кто способен на немедленные поступки, ориентированные на достижение предельно значимой для каждого цели.

Подчеркивая значительную роль Г.Е.Шумкова в развитии идеи «коллективной субъектности», современные исследователи [Харитонов, 2015; Журавлев, Позняков, 2020; и др.], возможно, недооценивают тот факт, что выдающийся психолог, оставаясь в пределах сугубо индивидуального подхода, рассуждал, скорее, о сходных чувствах, чем об общих, о чрезвычайно похожем поведении, но у каждого своем. Не случайно применение им кавычек в тех случаях, когда описывались «коллективные» переживания или такие же действия. В то же время имеются основания полагать, что анализ Г.Е.Шумковым переживаний солдат перед боем создает определенные предпосылки к совершенствованию современных теорий стихийных объединений. Состояние тревоги вполне может рассматриваться в качестве психологической основы для обоснования концептуально неоднократно обозначенного [Drury, Stott, 2011; Spears, Postmes, 2015; Stott, Drury, 2016; и др.], но исчерпывающим образом не прослеженного перехода в толпе от личной идентичности собравшихся к общей социальной идентичности.

Историко-психологическая реконструкция исследований толпы в российской военной психологии дореволюционного периода позволяет сделать следующие выводы:

- в отечественной военно-психологической мысли конца XIX — начала XX вв были представлены три парадигмы изучения стихийных объединений: а) последовательно противопоставляющая армию и толпу, б) уподобляющая одну из них другой на основе «родственных» характеристик, в) рассматривающая исключительно индивидов в условиях боя, строя и толпы. Формирующаяся в то время парадигма «стадного инстинкта», описывающая феномен в контексте активизации унаследованных от животных предков внерассудочных побуждений, в российской военной психологии отражения не получила;
- противопоставление армии и толпы, осуществленное в работах А.Е.Снесарева и Н.А.Ухач-Огоровича, в сравнении с конкурирующими парадигмами теоретически оказалось менее плодотворным. Возможно, это стало следствием стремления авторов не изучать толпу как таковую, но описывать ее в качестве «внутреннего врага» сословного государства. Парадокс в том, что с позиций современной социальной психологии признание данных концептов принципиально различными представляется единственно приемлемым. Уподобление армии и толпы в публикациях А.С.Зыкова, Н.Н.Головина и А.С.Резанова, реализованное в идейном русле коллективной психологии, претендовавшей в рассматриваемый период на статус самостоятельной науки с предметным полем между социологией и классической психологией, способствовало уточнению знаний о специфике стихийных объединений и процессах социального влияния в них. Однако развитию этой парадигмы в отечественной военной психологии воспрепятствовали не только ограничения идейно-методологического характера, присущие коллективной психологии конца XIX века, но и масштабные общественно-исторические катаклизмы. Отказ от признания коллективной субъектности в пользу индивидуальной парадигмы не помешал Д.Д.Безсонову и Г.Е.Шумкову в формулировании оригинальных с научной точки зрения положений о психофизиологических изменениях в условиях толпы, динамике эмоциональных состояний и поведенческих проявлений;
- обращение к научному потенциалу российской военной психологии дореволюционного периода может рассматриваться в качестве одного из полезных шагов на пути преодоления сложившихся в настоящее время тенденций к избыточному рацио-

нализму и индивидуализму при социально-когнитивной интерпретации психологической природы стихийных объединений. В перспективе это внесет свой вклад в разработку теоретических предпосылок построения системно-структурного подхода к проблематике толпы, включающего иррациональные и аффективные аспекты ее существования.

15. ВЛИЯНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ НА РОССИЙСКУЮ ЮРИСПРУДЕНЦИЮ НАЧАЛА XX ВЕКА

В конце XIX века в западноевропейской научной традиции сформировалось направление, претендовавшее на то, чтобы в качестве самостоятельной науки занять предметную нишу между классической психологией и социологией. Напомним, что, согласно С.Сигеле, коллективная психология должна была изучать кратковременные общности, на которые не распространялись законы других наук в силу неоднородности состава и отсутствия «органической связи» между их членами [Сигеле, 1893]. А по мнению П.Росси, иначе определявшего предмет нового знания, изучению подлежали любые собрания, где произошло духовное объединение в результате «коллективной синестезии», распространения идей и переживаний до степени нивелировки личностных и поведенческих различий [Rossi, 1904]. Так или иначе, предполагалось, что коллективная психология сосредоточится на феноменах уличной толпы, театральной публики, суда присяжных, парламентских ассамблей, общественных форумов, научных конгрессов и других объединений, где бушующие страсти способны взять верх над волей и рассудком.

Стремление в полемике с представителями других наук отстоять правомерность существования коллективной психологии продиктовало ее адептам, как минимум, пять взаимосвязанных стратегий, а именно:

- использовать в качестве ключевого концепта толпу — феномен, который ранее упоминался лишь в качестве самого примитивного объединения, приобретающего зачатки организованности благодаря ситуативным лидерам. Теперь же это понятие наделялось универсальным объяснительным потенциалом на том основании, что «все современное устройство — со всей своей ложью, несправедливостью, со всей красотой и поэзией, фанатизмом и лирикой, мятежами, безумцами, героями и святителями духа — течет по законам скоротечной жизни толпы» [Войтоловский, 1912, 171];
- чрезмерно расширять предметное поле своей науки, относя к категории толп все новые социальные объединения в связи с тем, что в них иногда проявляются сходные изменения на фоне обра-

зования «коллективной души». Показательно, что Г.Лебон среди прочего называл толпой «секты» (замкнутые религиозные, политические и преступные организации), сословия (военных, духовенство) и даже классы (буржуазию, крестьянство);

- преувеличивать влияние на личность процессов внушения, заражения и подражания, в том или ином сочетании будто бы способных превратить прежде благонамеренного обывателя в сумасшедшего дикаря и ожесточенного преступника. Таким образом, участники толпы рассматривались на правах ее первых жертв, «потерпевших от психологической бури», противостоять порывам которой считалось предельно затруднительным;
- преуменьшать индивидуальные различия среди членов стихийных объединений, находя основания для этого в актуализированном Ч.Ломброзо тезисе Т.Гоббса о «внутреннем звере», способном вырваться из-за поверхностного налета цивилизованности. Постулировалось, что животное начало человеческой природы, казалось бы, навсегда скрытое в бессознательных глубинах психики, неожиданно просыпается со всей полнотой именно в условиях толпы;
- рисовать толпу исключительно мрачными красками, выставляя ее «дикарем», «животным», «сумасшедшим». Интересно, что даже те сторонники коллективной психологии, кто вслед за Г.Лебоном и П.Росси отрицали априори преступный характер толпы, заметно чаще приводили примеры криминальных действий стихийных объединений, чем какие бы то ни было другие.

Как следствие, совокупной «душе толпы» приписывались характеристики моноидеизма или «одноцельности», внушаемости до степени коллективных галлюцинаций, высокой возбудимости, переходящей в крайнюю жестокость, поразительной некритичности суждений, рефлекторности поведенческих реакций, чрезвычайной переменчивости, экстремальности мнений и поступков, переживаний могущества и самолюбования, склонности к стадной подчиненности [Сигеле, 1893; Тард, 1893; Лебон, 1896; и др.]. Доказательствами того выступали нередко тенденциозные описания исторических событий, релевантные мнения авторитетов, немногочисленные личные наблюдения и данные, заимствованные из биологии, физиологии, криминальной статистики и исследований гипнотизма.

Очевидный субъективизм последователей данной парадигмы при наличии ряда методологических ошибок привели к тому, что коллективная психология сперва потеряла шансы на развитие в качестве самостоятельной науки, а затем оказалась почти полностью забыта. Более того, после нее толпа на долгое время была исключена из перечня перспективных объектов для социальных исследователей. Однако коллективная психология успела оказать несомненное влияние на динамику юридической мысли начала XX века в определении ответственности за массовые преступления.

В частности, составители Уголовного уложения Российской империи (в число которых вошел автор публикаций по проблематике стихийных объединений, известный правовед В.К.Случевский), посчитали целесообразным последовательно различать «толпу» и «скопище». При этом каждое «скопище» считалось «толпой», но не всякая «толпа» представляла собой «скопище» [Новое уголовное уложение..., 1903]. Таким образом, первое понятие интерпретировалось исключительно как родовое, а второе — как видовое.

Согласно В.П.Ширкову, под «скопищем» подразумевалось не просто неопределенное множество людей, но социальный итог их личностного слияния, стихийная общность, характеризующаяся установившимся тождеством мыслей, действий и чувств [Ширков, 1904]. Именно ее теоретики коллективной психологии описали как единое «колоссальное существо», совокупный организм примитивного порядка, «одухотворенную толпу», всецело подчиняющуюся законам «духовного единства». Собственно же «толпа» выступала в качестве агрегации, механического соединения индивидов единством места и времени присутствия, для нее нехарактерна «электризация искрой страсти» [Безсонов, 1907б].

По комментариям Д.Д.Безсонова, составители Уголовного уложения ориентировались не на психологические отличия данных категорий стихийных групп, а на специфику состава преступления, выражающуюся в степени опасности для общественного благополучия и государственной стабильности [Безсонов, 1907а].

Отчасти такое суждение справедливо: там, где речь шла, например, о цели «выразить неуважение Верховной власти или порицание установленных Законами Основными образа правления или порядка наследия Престола или заявить сочувствие бунту или измене или лицу, учинившему бунтовщическое или изменническое деяние...» (ст. 121)

упоминалось именно «скопище». Такой же термин использовался и в статьях, описывающих отказ разойтись по требованию полицейской власти (ст. 120), а также совершение насилия над личностью, похищение или порчу чужого имущества вследствие религиозной, племенной или сословной вражды (ст. 122). Что же касается «толпы», то о ней говорилось только в случаях менее тяжких деяний, таких как «умышленное надругательство над публично выставленным государственным гербом... дружественного России государства» (ст. 136) или «учинение шума, крика или иного бесчинства в публичном месте или общественном собрании» (ст. 262).

Однако следует указать на принципиальное обстоятельство: если «толпа» рассматривалась авторами Уголовного уложения лишь в контексте отягощения вины (ст. 75, 136, 262), то «скопище» отныне, фактически, воспринималось в качестве коллективного субъекта преступного поведения (ст. 120–123). Сама принадлежность к его составу, физическое присутствие (за исключением невменяемых по болезни лиц или тех, кто мог документальными или свидетельскими показаниями обосновать случайность своего появления на месте происшествия), служили достаточным основанием для инициирования уголовного преследования [Пусторослев, 1907]. При таком подходе суду не было особой необходимости утруждаться поиском непосредственных виновников массового преступления или доказывать криминальность характера побуждений каждого участника «скопища» в отдельности. Отныне было достаточно установить факт осознанного пребывания в нем и преступности умысла стихийного социального объединения в целом. Тогда представление о своеобразной природе духовного единения в «скопище» порождало выводы об общности вины собравшихся.

Влияние доктрины преступности стихийных объединений в коллективной психологии конца XIX — начала XX вв., разумеется, не является единственной причиной к тому, что отечественная юриспруденция сделала заметный шаг назад в своей эволюции, вернувшись к средневековому постулату о наличии недифференцируемого совокупного субъекта преступления. Очевидно, что определяющую роль сыграла необходимость правового реагирования на действия возраставшего числа участников массовых беспорядков — холерных бунтов, еврейских погромов, солдатских и матросских мятежей, земельных волнений, выступлений пролетариата и т.п., где индивиду-

альная вина редко поддавалась однозначному выявлению. Сказался и отрицательный образ толпы, сформировавшийся в общественном сознании того времени под влиянием многочисленных трудов историков французской революции, европейских литераторов, социальных философов, популярных публицистов, мемуаров современников. Даже те из них, кто поддался очарованию трагических событий, неизменно акцентировались на опасности этой, по выражению М. Горького, пятой, самой великой стихии.

В то же время следует констатировать, что коллективная психология, снабдившая стихийные объединения серией негативных коннотаций, выступила подходящей концептуальной основой для легитимного распространения на всех и каждого «общей» вины. Косвенными итогами стремления основоположников данной парадигмы продемонстрировать ее право на существование в качестве самостоятельной науки стали теоретическое обоснование допустимости насилия по отношению к заведомо «преступной» толпе, а также отрицание властями своей собственной ответственности за усиление социальной розни.

§ 16. ДИНАМИКА НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТОЛПЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В конце второго десятилетия XX века отечественная традиция исследований стихийных социальных объединений, отличающаяся многочисленностью публикаций, разнообразием и оригинальностью идей, прервалась по далеким от науки причинам. Каким образом на содержание теорий последних ее представителей повлияло осмысление февральской и октябрьской революций, первой мировой и гражданской войн, реалий первых лет советской власти? Так как новых имен в отечественной психологии толпы в 20-е гг. не появилось, ответ на этот вопрос потребует рассмотрения динамики воззрений тех, кто занимался проблематикой толпы в дореволюционный период и сохранил к ней научный интерес, став свидетелем бурных событий российской истории. Проанализируем соответствующие труды клинициста, психиатра и психофизиолога В.М.Бехтерева (1857–1927), военного врача, писателя и литературного критика Л.Н.Войтоловского (1875–1941), биолога и зоопсихолога В.А.Вагнера (1849–1934).

РЕФЛЕКСОЛОГИЯ ТОЛПЫ В. М. БЕХТЕРЕВА

До революции ученый обращался к описанию толпы лишь для иллюстрации выраженности процессов внушения, своеобразного прививания идей, эмоций и психофизических состояний вне сферы личностного контроля и осознания ситуации [Бехтерев, 1898; 1908]. Массовая паника, коллективные галлюцинации, психические эпидемии, влияние вожаков на ведомых — таковы проявления этого «психического микроба», способного негативным образом повлиять на душевное состояние народа. Более позднее внимание к стихийным объединениям связано с разработкой доктрины коллективной рефлексологии [Бехтерев, 1921]. Толпа, с ее единством настроений, господством одной идеи, склонностью к стадной подчиненности и нивелировкой индивидуальных различий, выступала некоей «собирающей личностью», наиболее пригодной для фактического уподобления групповых рефлексов индивидуальным.

В.М.Бехтерев избежал многих из методологических просчетов, характерных для западноевропейских исследователей толпы того времени. В частности, он выступал против тенденции к генерализации ключевого понятия, некритичного перенесения его на иные типы социальных объединений; подвергал обоснованной критике тезис о заведомом снижении групповой интеллектуальной активности в сравнении с индивидуальной; не соглашался с мнением о выраженности «преступного начала» в активности народных масс; оспаривал правомерность классификаций толп, основывающихся на приписывании стабильных социально-демографических признаков весьма разнородному и изменчивому по своей природе образованию; возражал тем, кто пытался чрезмерно сузить спектр воздействий на личность в толпе до сочетания внушения с подражанием или заражением [Бехтерев, 1921].

Заслуживает внимания его стремление перевести исследования социальных объединений на объективную основу. Однако объяснительный потенциал коллективной рефлексологии оказался для этого недостаточным в силу механистичности представлений о совместном поведении, ориентации на отчетливо редуccionистские трактовки социальных и психических феноменов, неправомочности переноса закономерностей психики на сферу общественной жизни, а также игнорирования диалектического подхода при анализе проблематики личности и общества [Будилова, 1972].

Уточним, что по отношению к стихийным объединениям в парадигме коллективной рефлексологии В.М.Бехтерева целесообразно различать два аспекта — метода эмпирического изучения массовидных феноменов, которому свойственны принципиальные ограничения, и способа интерпретации социально-психологических процессов в условиях толпы, до сих пор представляющего научный интерес. Действительно, попытка эмпирически выявить связи между воздействиями на толпу и ее рефlekсами не удалась. Вне пределов лаборатории применение рефлексологического подхода оказалось затруднено, во-первых, тем, что многие социальные события отличаются недоступностью для непосредственного наблюдения и причинно-следственной неоднозначностью проявлений; во-вторых, вследствие того, что конкретное воздействие на толпу обычно влечет за собой не какой-то один, но конгломерат индивидуальных и коллективных рефлексов разных типов, не поддающийся исчерпываю-

щему анализу; в-третьих, ввиду невозможности объективной регистрации в условиях общественной жизни принципиально важного периода скрытого формирования рефлекса; и, в-четвертых, из-за затрудненности учета различий толп по не всегда явным критериям модальности и интенсивности настроения, поводов к объединению, активности, сплоченности, однородности состава, степени физической стесненности и проч.

В то же время парадигма коллективной рефлексологии дает, например, убедительное объяснение того, как средство достижения общей цели может замещать саму цель. Согласно В.М. Бехтереву, вначале цель служит возбудителем рефлекса, но позже средство как явление, предшествующее цели, само становится раздражителем, однако вызывает уже иной рефлекс. Так, «во время великих революций проповедь свободы и равенства как средства к общественному благополучию, в конце концов, становится самоцелью, приводя на первых порах к разрушению социального благополучия» [Бехтерев, 1921, 151]. Интересна логика рефлексологических рассуждений о влиянии мимико-соматических реакций на формирование готовности к действиям, об изменениях отношений толпы к прежним убеждениям и кумирам, о закономерностях массовых галлюцинаций, механизмах паники и групповой агрессии.

ЭМОТИВНО-ЦЕНТРИРОВАННЫЙ ПОДХОД Л. Н. ВОЙТОНОВСКОГО

В дореволюционный период исследователь посвятил проблематике толпы сперва небольшую брошюру [Войтоловский, 1904], а позже серию журнальных статей [Войтоловский, 1912]. В них он постулировал, что пребывание в стихийном объединении вызывает неизбежные физиологические изменения, отражающиеся в приливе энергии, усилении экспансивности эмоций и импульсивности поведения на фоне временного ослабления интеллектуального и волевого начала. Автором отмечалось, что предшествовавшие исследователи, во-первых, преднамеренно патологизировали толпу, а, во-вторых, не смогли оценить могущества коллективных порывов, в которых человек раскрывает свою душевную и физическую мощь, переживает ощущения полноты жизни и упоения от единения с другими.

С его точки зрения, правильнее говорить не о подавлении личности, а об увеличении ее потенциала в силу особой «прибавочной энергии масс», не о преступном характере толпы, а о ее склонности к любому экстремальному поведению, не о готовности слепо подчиняться, но об управлении со стороны толпы ее вожаками.

В середине 20-х гг. автор успел выпустить две части «Очерков коллективной психологии» из трех анонсированных. При этом первая часть [Войтоловский, 1925а] явилась перепечаткой статей [Войтоловский, 1912], опубликованных ранее в научно-литературном журнале марксистской ориентации. Дословно повторялись, к примеру, фразы о «нашумевшей года три назад диссертации», о некоем ученом, который «недавно ополчился» на идеи другого и т.п. Даже высказывания о «неотразимых» законах истории, развитии человечества путем классовой борьбы и грядущих завоеваниях социализма не были, как выясняется, продиктованы реалиями новой жизни. Опыт участия в империалистической и гражданской войне отразился лишь в нескольких выразительных вставках (свидетельстве о влиянии канонады на настроения войск; пересказах солдатских легенд о волшебном белом всаднике и спасающим от пуль особом корешке; истории о красноармейце, убедившего однополчан в своем богоподобии и неуязвимости, но не выдержавшего испытания массивной пальбой).

Вторая часть книги [Войтоловский, 1925б], содержит существенные дополнения прежних идей. В частности, в активности толпы прослеживалось четыре эмотивных этапа: «брожения», «податливости», «концентрации» и «действия». С первым, являющимся предпосылкой образования «коллективной души», соотнесено возникновение множества нестабильных и разнородных побуждений и переживаний. В пределах второго этапа толпа с равной вероятностью готова сделать общими любые эмоции. На третьем — в условиях нарастания физиологического возбуждения поведение вожаков или жертв становится той искрой, что вызовет неизбежную детонацию. Охваченная страстью, толпа постарается дойти до ее предельных проявлений. Наконец, на последнем этапе интенсивная совместная активность обеспечит разрядку напряжения.

В тексте бросается в глаза обилие цитат лидеров большевиков, прежде всего Л. Троцкого, и объемных фрагментов из книг пролетарских писателей. Сами авторские интонации, местами меняющиеся

от энтузиазма до экзальтации, от патетики до своеобразной елейности, демонстрируют абсолютное принятие советской идеологии и морали. Показательно, как Л. Н. Войтоловский, на правах строителя нового мира, где толпа не является чуждой стихией, противопоставляет вожаков и вождей. Если первые — не более чем ситуативные лидеры, на время выдвигаемые для исполнения актуальных желаний, выражения общих чувств и руководства действиями, то вторые — уникальные люди будущего, имена которых «занесены в революционные святцы», всегда проявляют способность вести толпу за собой, выступая воплощением классовой воли и олицетворением власти передового отряда пролетариата.

Несмотря на ряд заблуждений Л. Н. Войтоловского, обусловленных использованием толпы в качестве системообразующего концепта в исследованиях социальных объединений [Горбатов, Большаков, 2015], неверно было бы утверждать, что эмотивно-центрированный подход в полной мере утратил научное значение. Его положения могут сыграть определенную роль в противостоянии отмечавшемуся нами ранее современному тренду интерпретации стихийных объединений с позиций индивидуализма и социального когнитивизма при явной недооценке иррациональных, интерактивных и эмотивных аспектов массового поведения.

ТЕОРИЯ ИНСТИНКТОВ ТОЛПЫ В. А ВАГНЕРА

До революции видный деятель отечественной науки опубликовал статью [Вагнер, 1905], в которой поведение в толпе описывалось как обусловленное инстинктами, сформировавшимися на различных этапах эволюции. Как мы уже писали, наследием «агрегаций» насекомых и рыб был объявлен массовый инстинкт, при котором множественные касания, мелькания и шумы при перемещении вызывают нервное возбуждение особей, способное усилить любую активность. От птиц и млекопитающих оказался заимствован стадный инстинкт, обеспечивший в целях самосохранения подражание самымобразительным и опытным (стае-вожаческие объединения) или наиболее импульсивным (стае-стадные сообщества). От высших животных человеку достались социальные инстинкты, выражающиеся в избирательной привязанности, симпатии и альтруизме. Что же касается

попыток современников описывать толпу как «эмбрион» общественного развития, делать выводы об интеллектуальной деградации каждого социального объединения, разделять стихийные объединения на преступные и добродетельные, подчеркивать особое значение вожаков или постулировать всеобщность в природе процесса подражания — все они воспринимались В. А. Вагнером как недоразумения, порожденные игнорированием основ биологической науки.

В монографии, опубликованной при советской власти [Вагнер, 1929], авторские трактовки стихийных объединений претерпели ряд изменений, которые трудно объяснить иначе, чем осмыслением исторических катаклизмов. В частности, в тексте уже не было ранее актуального для исследователя противопоставления стадной толпы, которая идет за примитивным вожаком в силу превратно реализуемого инстинкта самосохранения, толпе социальной, во главе с «героем» руководствующейся мотивацией общественного долга. Прежние рассуждения о том, что «толпа стадная не всегда совершает преступление, но всегда готова его совершить; для социальной толпы преступление является неожиданной и не соответствующей ее инстинктам случайностью» [Вагнер, 1905, 179], потеряли смысл после восприятия тех событий, где толпа обнаружила подлинное лицо. Изменился и образ вожака. Теперь он отличался тем, что из-за ущербности нервно-психической конституции быстрее и прочнее прочих попадал во власть примитивных инстинктов и только потому мог повести толпу за собой, но лишь до тех пор, пока его не сменил бы новый, «при непременном, однако, условии, чтобы этот другой был типом еще более низменным, грубым, чем первый» [Вагнер, 1929, 163].

Не подлежит сомнению вклад В. А. Вагнера в формирование парадигмы инстинктов человека. Одним из первых он стал отстаивать ставший ключевым тезис, что наследуется не само инстинктивное действие, а границы, в пределах которых это действие выполняется [Колодкина, 2011]. Точнее, под собственно инстинктами отныне подразумевались не комплексы операций, выполненные целесообразным образом без осознанного предвидения этой цели и релевантного научения, а лишь предваряющие операции мотивационные импульсы, наследуемые внерассудочные побуждения к ним. Следствием такого понимания проблемы стала невозможность объективной регистрации инстинктов человека и полная произвольность в понимании того, каково их общее количество, в чем отличия от инстинктов

на соседних этапах эволюции, как они соотносятся с жизненным опытом, волей, интеллектом, эмоциями, рефлексам и проч. Не случайно, как мы отмечали это ранее, получилось так, что В.А.Вагнер описал стадный и социальный инстинкты как заведомые противоположности, тогда как У.Мак-Дауголл посчитал стадный инстинкт одним из социальных, а для У.Троттера эти два термина оказались синонимичными. Не менее показательным, что для первого из упомянутых авторов устойчивое общественное развитие сможет обеспечить доминирование социальных инстинктов над стадным; по мнению второго ученого, стадность является феноменом, приобретающим негативные и позитивные черты только в конкретном контексте; а, с точки зрения третьего, стадность — важнейшее условие стабильности общества.

В конце 20-х гг. прошлого века отечественная психология толпы обладала значительным научным потенциалом. Трактовки В.М.Бехтеревым рефлексологической составляющей совместного поведения, описания Л.Н.Войтоловским эмотивного компонента стихийных образований и интерпретации В.А.Вагнером унаследованных вне-рассудочных побуждений к массовой активности, казалось бы, заложили фундамент для продолжения ее развития. Однако в условиях советского строя дальнейшие исследования толпы стали невозможными в силу все новых политических и идеологических ограничений.

Закончились времена, когда под влиянием пламенных речей скопища дезертиров становились отрядами революции. «Ораторов» сменили «организаторы»⁸. И толпа стала восприниматься как враждебная стихия, противопоставленная иерархически структурированным, а потому более предсказуемым и управляемым социальным объединениям.

⁸ Показательно, что в работах И.В.Сталина, морфема «толп» является одной из самых редких. В 13-ти томах собрания сочинений она встречается только восемь раз, из которых пять приводятся в цитатах. Большая часть соответствующих словоупотреблений относится к 1-ому тому, объединяющему тексты, написанные в период деятельности в Тифлисе до апреля 1907 г.

Судьба этих теорий оказалась одинаковой, несмотря на различия позиций исследователей по отношению к новой власти. В.М.Бехтерев еще мог выражать надежду, что «коллективный рефлекс большевизма» начнет разрушаться из-за внутреннего и внешнего торможения, и общественная жизнь постепенно войдет в спокойное русло [Бехтерев, 1921]. Странник новых веяний В.Н.Войтоловский, поясняя на примере восточной сказки неоднозначность связи между классом, партией и вождем, отводил последнему роль «мудрого жениха аль-Рашида», сравнивал пролетариат с «чудесными садами Багдада», а партию одновременно соотносил как с прекрасным букетом из лучших цветов, тайная мудрость которого требовала истолкования вождем, так и с «не очнувшейся от лунатического сна невестой» [Войтоловский, 1925б, 63]. В.А.Вагнер избегал любых неосторожных высказываний, всецело сосредоточившись на ключевых деталях того, каким образом «общественность» человека была унаследована им «от природы» [Вагнер, 1929, 87].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные исследователи массового поведения подчеркнуто отказались от принятия во внимание наследия предшественников, сделав выбор в пользу изолированных социально-когнитивных объяснительных конструкций. В результате объект исследования принял вид общностей, состоящих из вполне рационально и самостоятельно действующих индивидов. Однако поиск ответов на вызовы сегодняшнего дня все чаще требует возвращения в данное предметное поле концептов, отражающих аффективные и иррациональные аспекты массового поведения. Уже поэтому обращение к научному вкладу исследователей толпы начального периода представляется целесообразным.

В ходе выполнения исследования были получены следующие основные результаты:

- 1) выявлены и изучены работы антропологов, психологов, социологов, юристов, историков, медиков, социальных философов, писателей и общественных деятелей XIX и начала XX вв. по проблематике стихийных социальных объединений;
- 2) проанализировано психологическое содержание трудов исследователей толпы указанного периода;
- 3) систематизированы представления ученых, мыслителей и общественных деятелей того времени о ключевых характеристиках толпы, процессах изменения личности в ней, условиях образования и детерминантах поведения;
- 4) в значительной мере определена специфика влияния интеллектуального, социокультурного и исторического контекста XIX века и первого десятилетия XX века на особенности научных воззрений в отношении феномена изменения личности в толпе;
- 5) сопоставлена феноменология исследований толпы XIX — начала XX вв. с последующими достижениями психологической науки;
- 6) оценены некоторые ключевые характеристики объяснительного потенциала составляющих парадигм «психологического контакта», «индивида в толпе» и «стадного» инстинкта в деле уточнения и дополнения современных теорий стихийных объединений.

Возможность комплексного понимания специфики взаимоотношений толпы и общества, государства, личности при этом была обусловлена:

- сочетанием методов историко-психологического познания, способных в своей совокупности обеспечить полноценную научную реконструкцию наследия исследователей толпы XIX — начала XX вв.;
- спецификой исследуемой области: проблематика толпы в то время приобрела отчетливый междисциплинарный характер. Освещение специфики воззрений на этот феномен криминалистов, психиатров, психологов, педагогов, публицистов, социологов, социальных философов способствовало интерпретации процессов социального влияния в стихийных объединениях в том виде, который характерен для науки конца XIX и начала XX столетий;
- объяснительным потенциалом ключевых элементов теорий «стадного» инстинкта, «индивида в толпе» и «психологического контагия», которые после переосмысления приобретают определенные возможности для дополнения и уточнения современных исследований толпы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашин Г.К. Доктрина «массового общества». М.: Политиздат, 1971. 191 с.
2. Безсонов Д.Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. Диссертация. СПб.: типо-лит. К.Л.Пентковского, 1907а. 480 с.
3. Безсонов Д.Д. К вопросу о психологической стороне массовых преступлений // Журнал министерства юстиции. 1907б. № 3. С. 105–150; 1907б. № 4. С. 115–173.
4. Безсонов Б.Н. Фашизм: идеология, политика. М.: Высшая школа, 1985. 279 с.
5. Бехтерев В.М. Роль внушения в общественной жизни. СПб.: т-во К.Л.Риккера, 1898. 55 с.
6. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: т-во К.Л.Риккера, 1908. 144 с.
7. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Петроград: Колос, 1921. 436 с.
8. Будилова Е.А. Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука, 1972. 336 с.
9. Вагнер В. Биология и психология толпы // Образование. 1905. № 9. С. 143–184.
10. Вагнер В.А. Психологические типы и коллективная психология. Л.: Начатки знаний, 1929. 223 с.
11. Вигуру А., Жукелье П. Психическая зараза. М.: Современные проблемы, 1912. 192 с.
12. Войтоловский Л.Н. Роль чувства в коллективной психологии. Киев: типо-лит. т-ва И.П.Кушнерев и К^о, 1904. 47 с.
13. Войтоловский Л.Н. Очерки психологии коллективизма // Современный мир. 1912. № 9. С. 168–195; № 10. С. 174–195; № 12. С. 153–171.
14. Войтоловский Л. Очерки коллективной психологии: в 2 ч. Ч. 1. Психология масс. М.-Л.: Гос. изд-во, 1925а. 88 с.
15. Войтоловский Л. Очерки коллективной психологии: в 2 ч. Ч. 2. Психология общественных движений. М.-Л.: Гос. изд-во, 1925б. 119 с.
16. Вульферт А. Антрополого-позитивная школа уголовного права в Италии: критическое исследование. Вып. 1. М.: Тип. В.В. Исленьева, 1887. 500 с.
17. Галенковский П.А. Проступок и наказание в кадетской жизни // Педагогический сборник. 1892. № 9. С. 264–283.
18. Гальперин П.Я. К вопросу об инстинктах у человека // Вопросы психологии. 1976. № 4. С. 28–37.
19. Герье В. Французская революция 1789–95 г. в освещении И.Тэна. СПб.: изд. А.С.Суворина, 1911. 498 с.
20. Головин Н.Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. СПб.: экономич. типо-лит., 1907. 192 с.
21. Головин Н.Н. Суворов и его «Наука побеждать». Париж: Возрождение, 1931. 132 с.

22. Головин Н.Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж: Сигнал, 1938. 248 с.
23. Горбатов Д.С., Большаков С.Н. Теории толпы в российской психологической мысли конца XIX — начала XX вв. СПб.: Art-xpress, 2015. 108 с.
24. Горбатов Д.С., Большаков С.Н. Психология толпы: теории стадного инстинкта начала XX века // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 98–106.
25. Горбатов Д.С., Байчик А.В. Критика теории толпы Г.Лебона: историко-психологический аспект // Вопросы психологии. 2018. № 3. С. 137–146.
26. Горбатов Д.С. Проблемы плагиата и научного приоритета в исследованиях толпы в конце XIX в // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 145–154.
27. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
28. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор // Сочинения. Т. 5 / Под ред. ак. Е.Н.Павловского. М.: АН СССР, 1953. С. 119–656.
29. Демидова О.Р. «Чужое как свое», или физиология плагиата // Вестник ЛГУ им. А.С.Пушкина. 2012. № 3. С. 90–98.
30. Джемс У. Психология (Text book of psychology). СПб.: тип. П.П.Сойкина, 1896. 408 с.
31. Д-ов И. (Добровольский И.И.) Психология «преступной» толпы // Русская мысль. 1894. № 12. С. 130–158.
32. Е.Л. (Лозинский Е.И.) Вожди и толпа (социально-психологический очерк) // Вестник воспитания. 1908. № 1. С. 86–124.
33. Еленев Ф. Студенческие беспорядки. СПб.: Общественная польза, 1888. 46 с.
34. Еременко Т.В. Информационно-этические ситуации плагиата в российском вузовском сообществе: по материалам научной и профессиональной периодики (2006–2015 гг.) // Наукоедение. 2015. Т. 7. № 4. <http://naukovedenie.ru/PDF/49PVN415> (дата обращения 20.11.2021).
35. Журавлев А.Л., Позняков В.П., Е.А.Будилова о разработке социально-психологических проблем в российской науке и социальной практике // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 65–76.
36. Зыков А. Как и чем управляются люди. Опыт военной психологии. СПб.: Общественная польза, 1898. 190 с.
37. Иванов И. Школьная толпа и массовые беспорядки // Педагогический сборник. 1897. № 8. С. 115–130; № 9. С. 216–240; № 11. С. 401–423.
38. Иванов И. Преподаватели и воспитатели в деле массового воспитания // Педагогический сборник. 1901. № 8. С. 75–102.
39. Какурин Н. Военная психология масс // Военная наука и революция: военно-научный журнал. 1921. Кн. 2. С. 163–176.
40. Кандинский В. Нервно-психический контагий и душевные эпидемии // Природа. 1876. Т. 4. Кн. 2. С. 138–191.

41. Кандинский В. Общепонятные психологические этюды. М.: тип. А.И.Мамонтова, 1881. 235 с.
42. Каптерев П. О подражательности в психологическом и педагогическом отношениях // Образование. 1893а. № 7–8. С. 1–41.
43. Каптерев П. Толпа и отдельная личность // Образование. 1893б. № 12. С. 330–335.
44. Каптерев П. Аристократия ума в школе и жизни // Образование. 1901. № 3. С. 86–102; № 4. С. 1–9.
45. Карлейль Т. Герои и героическое в истории. Публичные беседы Т.Карлейля. СПб.: изд. Ф.Павленкова, 1891 (1841). 340 с.
46. Колодкина О.О. Вклад В.А.Вагнера в развитие разных отраслей психологии. Автореф. ... дис. канд. психол. наук. М., 2011. 20 с.
47. Краснов П.Н. Душа Армии. Очерки по военной психологии. Берлин: Медный Всадник, 1927. 156 с.
48. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: изд. Ф.Павленкова, 1896. 329 с.
49. Леонтьев Д.А., Федорович Е.Ю. Миф об инстинкте // Человек. 2019. Т. 30. № 4. С. 53–71.
50. Л.О. (Оболенский Л.Е.) Толпа и ее герои // Новое слово. 1896. № 10. С. 43–62.
51. Лозинский Е. Общественно-психологические основы воспитания // Вестник воспитания. 1900. № 3. С. 1–31.
52. Лозинский Е. Воспитание вождей // Педагогический сборник. 1912. № 10. С. 345–366; 1912. № 11. С. 457–495; 1912. № 12. С. 357–570.
53. Мак-Дауголл У. Основные проблемы социальной психологии. М.: Космос, 1916. 282 с.
54. Малишевский И.А. «Воды многие» И.А.Булнина и «На воде» Ги де Мопассана: художественный диалог // Вестник Воронежского гос. университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 70–74.
55. Михайловский Н.К. Сочинения: в 6 т. Т. 2. СПб.: Русское богатство, 1896. 886 с.
56. Мопассан Г., де. Полн. собр. соч. в 12 т. / Под общ. ред. Ю.И.Данилина. М.: Правда, 1958.
57. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.
58. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903. СПб.: изд. В.П.Анисимова, 1903. 254 с.
59. Нордау М. В поисках за истиной. СПб.: изд-во Ф.Павленкова, 1892. 246 с.
60. Обнинский П. Contagion morale и холерные беспорядки // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. Кн. 1. С. 1–14.
61. Овчаренко В.И., Грицанов А.А. Социологический психологизм: критический анализ. Минск: Вышэйшая школа, 1990. 206 с.
62. Пименова Э. Душа толпы. Psychologie des foules par Gustave Le-Bon // Образование. 1895. № 12. С. 1–10.
63. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 235 с.

64. Пузыревский А.К. Исследование боя в древние и новейшие времена: извлечение из фр. соч. полковника де Пика. Варшава: тип. штаба Варшавского военного округа, 1893. 156 с.
65. Пусторослев П.П. Преступность, виновность и вменяемость // Журнал министерства юстиции. 1907. № 4. С. 77–114.
66. Райхер С., Хопкинс Н., Левин М., Ратх Р. Организаторы ненависти и организаторы солидарности: социальная идентичность как основа массовой коммуникации // Международный журнал Красного креста. 2005. Т. 87. № 860. С. 23–45.
67. Резанов А.С. Армия и толпа. Опыт военной психологии. Варшава: Варшавская эстетич. тип., 1910. 104 с.
68. Рубинштейн С.Л. Проблема развития в психологии // Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. С. 90–124.
69. Салем Ж. Ги де Мопассан — философ? / пер. с фр. М.Н.Бочаровой // Вестник Волгоградского гос. университета. Сер. 7: Философия. Социология и соц. технологии. 2006. № 5. С. 98–105.
70. Сериков А.Е. Дискуссия об инстинктах человека в психологии и этологии // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Философия. Филология. 2015. № 1 (17). С. 65–87.
71. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб.: изд. Ф.Павленкова, 1893. 116 с.
72. Сидис Б. Психология внушения. СПб.: изд. Б.Н.Звонарева, 1902. 376 с.
73. Симанский П.Н. Паника в войсках. Л. — М.: Гос. издат. Отд. военной лит., 1929. 181 с.
74. Случевский В.К. Толпа и ее психология // Книжки недели. 1893а. № 4. С. 5–38.
75. Случевский В.К. Толпа и ее психология // Книжки недели. 1893б. № 5. С. 5–23.
76. Сорокин П.А. Бойня: революция 1917 года // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Под ред. А.Ю.Согомонова. М.: Политиздат, 1992. С. 223–244.
77. Тагиефф П.-Л. Цвет и кровь. Французские теории расизма. М.: Ладомир, 2009. 236 с.
78. Тард Г. Преступления толпы. Казань: Типо-лит. Импер. университета, 1893. 44 с.
79. Тард Г. Общественное мнение и толпа. М.: тов-во А.И.Мамонтова, 1902. 202 с.
80. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / Сост. и предисл. В.С.Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. 391 с.
81. Тесля А. Воспитание историей французской революции // Тетради по консерватизму. 2017. № 2. С. 76–86.

82. Тэн И. Происхождение современной Франции / Пер. с фр. под ред. Я. Швырова. СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1907. Т. 1. Старый порядок. 295 с. Т. 2. Анархия. 260 с. Т. 3. Якобинское завоевание. 228 с. Т. 4. Революционное правительство. 256 с. Т. 5. Новый порядок. 312 с.
83. Ухач-Огорович Н. А. Психология толпы и армии. Киев: тип. С. В. Кульженко, 1911. 54 с.
84. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Азбука, 2016. 192 с.
85. Харитонов Е. В. К истории изучения коллективных чувств в России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 8–2. С. 167–170.
86. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. М.: Педагогика, 1986. 406 с.
87. Честерфилд Ф. Д. С. Письма к сыну. Максимум. Характеры. Л.: Наука, 1971 (1774). 351 с.
88. Чиркова Е. В. Анатомия финансового пузыря. М.: Кейс, 2010. 416 с.
89. Ширков В. П. Преступления толпы по новому уголовному уложению (конструкция ответственности) // Журнал министерства юстиции. 1904. № 3. С. 90–124.
90. Шкловский В. Б. Повести о прозе. Размышления и разборы // Избранное: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1983. 639 с.
91. Шумков Г. Роль чувства тревоги в психологии масс как начала, нивелирующего индивидуальности // Военный сборник. 1914. № 9. С. 85–94.
92. Эрштейн М. О. Мизогинистические мотивы в произведениях Августа Стриндберга и Ги де Мопассана // Прорывные научные исследования как двигатель науки нового времени: сб. науч. статей. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2016. С. 242–244.
93. Allport F. H. Social psychology. Boston: Houghton Mifflin, 1924a. 453 p.
94. Allport F. H. The group fallacy in relation to social science // The American Journal of Sociology. 1924b. Vol. 29. № 6. P. 688–706.
95. Angell J. R. The important human instincts // Psychology: An introductory study of the structure and function of human conscious. N. Y.: Henry Holt and C^o, 1906. P. 294–309.
96. Anonymous. Physiologie de la foule // Le Temps, 23 février 1886. P. 3.
97. Armstrong J. D., 2-nd. Plagiarism: what is it, whom does it offend, and how does one deal with it? // American Journal of Roentgenology. 1993. Vol. 161. P. 479–484.
98. Aubry P. La contagion du meurtre. Étude d'anthropologie criminelle. Paris: Félix Alcan, Éditeur, 1888. 184 p.
99. Barnes H. E. A psychological interpretation of modern social problems and of contemporary history: A survey of the contributions of Gustave Le Bon to social psychology // American Journal of Psychology. 1920. Vol. 31. № 4. P. 333–369.
100. Barrows S. Miroirs déformants. Réflexions sur la foule en France à la fin du XIX siècle. Paris: Aubier, 1990. 226 p.

101. Bellamy R. The advent of the masses and the making of the modern theory of democracy // *The Cambridge history of twentieth-century political thought* / Eds. T. Ball, R. Bellamy. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 70–103.
102. Bentley A. F. Review of Le Bon's *The Psychology of Peoples* // *American Journal of Sociology*. 1897. Vol. 2. № 4. P. 612–614.
103. Bergman J. The history of the teaching of human female inferiority in Darwinism // *Journal of Creation*. 2000. Vol. 14. № 1. P. 117–126.
104. Bernard L. L. *Instinct: A study in social psychology*. N.Y.: Henry Holt and C°, 1924. 534 p.
105. Berkowitz L. The frustration-aggression hypothesis revisited // *Roots of aggression: A re-examination of the frustration-aggression hypothesis* / Ed. L. Berkowitz. N.Y.: Atherton Press, 1969. P. 1–28.
106. Bjercknes C. J. *Albert Einstein the incorrigible plagiarist*. Downers Grove, Illinois: GTX, 2002. 408 p.
107. Brighenti A. M. La folla delinquente: Scipio Sighele, la psicologia delle folle e le origini della sociologia del XX secolo // *Altre Storie*. 2013. № 41. P. 16–18.
108. Brill A. A. *Fundamental conceptions of psychoanalysis: Lecturer on psychoanalysis and abnormal psychology*. N.Y.: Harcourt, Brace and C°, 1921. 344 p.
109. Borch C. The exclusion of the crowd: The destiny of a sociological figure of the irrational // *European Journal of Social Theory*. 2006. Vol. 9. № 1. P. 83–102.
110. Bosc O. De la folla delinquente à la follacultura: Scipio Sighele et Pasquale Rossi prophètes italiens de la modernité au tournant du siècle // *Laboratoire italien. Politique et société*. 2003. Vol. 4. P. 37–56.
111. Butsch R. *The Citizen audience: Crowds, publics, and individuals*. NY: Routledge, 2008. 185 p.
112. Cantero E. *Literatura, religión y política en la Francia del siglo XIX*: Hippolyte Taine // *Verbo*. 2007. № 453–454. P. 219–264.
113. Cazanove F. *Les femmes dans la foule; leur responsabilité criminelle*. Bordeaux: Y. Cadoret, 1904. 120 p.
114. Cooley C. H. *Democracy and crowd excitement* // *Social Organization: A study of the larger mind*. N.Y.: C. Scribner's Sons, 1909. P. 149–156.
115. Cooper H. *Principles of good writing: Avoiding plagiarism*. 12.05.2016 // <https://blog.apastyle.org/apastyle/2016/05/avoiding-plagiarism.html> (дата обращения 20.11.2021).
116. Donzelli M. Rossi, Tarde e Le Bon // *Pasquale Rossi e il problema della folla. Socialismo. Mezzogiorno. Educazione* / Ed. T. Cornacchioli, G. Spadafora. Roma: Armando, 2000. P. 341–358.
117. Drury J., Reicher S. Collective action and psychological change: The emergence of new social identities // *British Journal of Social Psychology*. 2000. Vol. 39. № 4. P. 579–604.
118. Drury J., Stott C. Contextualising the crowd in contemporary social science // *Contemporary Social Science*. 2011. Vol. 6. № 3. P. 275–288.

119. Festinger L. A Theory of social comparison processes // *Human Relations*. 1954. № 7. P. 117–140.
120. Frezza D. The leader and the crowd. Democracy in American public discourse, 1880–1941. Athens, GA: University of Georgia Press, 2007. 348 p.
121. Fournial H. Essai sur la psychologie des foules: considérations médico-judiciaires sur les responsabilités collectives. Lyon: A. Storck, Paris: G. Masson, 1892. 113 p.
122. Frachette C. Le Médecin-Inspecteur Général Henri Fournial (1866–1932) // *Histoire des sciences médicales*. 1986. Vol. 20. № 4. P. 381–390.
123. Gallini C. Scipio Sighele et la foule délinquante // *Hermes*. 1988. № 2. P. 105–133.
124. Giddings F.H. Pluralistic behavior — concluded: A brief of sociological theory restated // *American Journal of Sociology*. 1920. Vol. 25. P. 539–561.
125. Giddings F.H. Studies in the theory of human society. N.Y.: Macmillan and C^o, 1922. 308 p.
126. Ginneken J., van. The 1895 debate on the origins of crowd psychology // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1985. Vol. 21. № 4. P. 375–382.
127. Ginsberg M. The psychology of society. N.Y.: E.P. Dutton and Co, 1921. 174 p.
128. Gorbatov D.S., Baichik A.V. Gender biases and stereotypes in the theories of crowd behavior of late XIX — early XX centuries // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. Т. 8. № 2А. С. 7–14.
129. Gould S.J. Women's brains // *The Panda's Thumb*. N.Y.: W.W. Norton, 1980. P. 152–159.
130. Harris T.A. le V. Maupassant in the hall of mirrors: ironies of repetition in the work of Guy de Maupassant. N.Y.: St. Martin's Press, 1990. 230 p.
131. Helgesson G., Eriksson S. Plagiarism in research // *Medicine Health Care and Philosophy*. 2015. Vol. 18. № 1. P. 91–101.
132. Howerth I.W. The great war and the instinct of the herd // *International Journal of Ethics*. 1919. Vol. 29. № 2. P. 174–187.
133. Lazzeri C. La contagion des émotions entre psychologie sociale et sociologie, de Le Bon à Durkheim // *Problemata: Revista Internacional de Filosofia*. 2016. Vol. 7. № 3. P. 133–156.
134. Leach E.E. Mastering the crowd: Collective behavior and mass society in American social thought, 1917–1939 // *American Studies*. 1986. Vol. 27. № 1. P. 99–114.
135. Le Bon G. L'homme et les sociétés. Leurs origines et leur histoire. Deuxième partie. Les sociétés. Leurs origines et leur développement. Paris: J. Rothschild, 1881. Réimpression, Paris: Jean-Michel Place, 1987. 432 p.
136. Le Bon G. A propos des foules criminelles // *Revue Scientifique*. 1895a. Vol. 4. № 20. P. 635.
137. Le Bon G. Psychologie des foules. Paris: Felix Alcan, 1895b. 200 p.
138. Locher D. A Collective behavior. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2002. 320 p.

139. Lynch C.E.C. A multidão é louca, a multidão é mulher: a demofobia oligárquico-federativa da Primeira República e o tema da mudança da capital // *História, Ciências, Saúde. Manguinhos*, 2013. Vol. 20. Nº 7. P. 1491–1514.
140. Mahn P. Guy de Maupassant; sein leben und seine werke. Berlin: E.Fleischel, 1908. 564 p.
141. Marpeau B. Gustave Le Bon. *Parcours d'un intellectuel 1841–1931*. Paris: CNRS Éditions, 2000. 374 p.
142. Martin E.D. *The behavior of crowds: A Psychological study*. N.Y., L.: Harper & brothers publishers, 1920. 312 p.
143. Masic I. Plagiarism in scientific research and publications and how to prevent it // *Materia Socio-Medica*. 2014. Vol. 26. Nº 2. P. 141–146.
144. McClelland J.S. *The crowd and the mob: From Plato to Canetti*. L.: Unwin Hyman, 1989. 356 p.
145. McClelland J.S. *A history of western political thought*. L.: Routledge, 2005. 824 p.
146. McDougall W. *The energies of men: A study of the fundamentals of dynamic psychology*. London: Routledge, 1932. 396 p.
147. McPhail C. *The myth of the madding crowd*. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1991. 265 p.
148. Merton R.K. Priorities in scientific discovery: A chapter in the sociology of science // *American Sociological Review*. 1957. Vol. 22. Nº 6. P. 635–659.
149. Miller H.A. *The Group as an instinct* // *American Journal of Sociology*. 1921. Vol. 27. P. 334–343.
150. Morgan C.L. *Habit and instinct*. L.; N.Y.: E.Arnold Publ., 1896. 352 p.
151. Mucchi-Faina A. Alcune considerazioni a partire dall'opera psico-collettiva di Pasquale Rossi // *Pasquale Rossi e il problema della folla*. Socialismo. Mezzogiorno. Educazione / Ed. T.Cornacchioli, G.Spadafora. Roma: Armando, 2000. P. 333–340.
152. Ostlund L.A. Tarde, Le Bon, and Bagehot: Early group-interaction theorists // *Social Science*. 1957. Vol. 32. Nº 3. P. 166–171.
153. Palano D. *Il potere della moltitudine: L'invenzione dell'inconscio collettivo nella teoria politica e nelle scienze sociali italiane tra Otto e Novecento*. Milano: Vita e Pensiero, 2002. 602 p.
154. Parmelee M. *The science of human behavior: Biological and psychological foundations*. N.Y.: Macmillan and Co, 1913. 448 p.
155. *Publication Manual of the American Psychological Association*. 6th ed. Washington, D.C.: APA, 2010.
156. Reicher S., Potter J. Psychological theory as intergroup perspective: A comparative analysis of «Scientific» and «Lay» accounts of crowd events // *Human Relations*. 1985. Vol. 38. Nº 2. P. 167–189.
157. Reicher S. *The psychology of crowd dynamics* // Eds.: M.A.Hogg, R.S.Tindale / *Blackwell handbook of social psychology: Group processes*. Oxford: Blackwell, 2001. P. 182–208.
158. Richard N. Hippolyte Taine. *Histoire, psychologie, littérature*. Paris: Classiques Garnier, 2013. 316 p.

159. Ross E.A. The mob mind // *Popular Science Monthly*. 1897. Vol. 51. P. 390–398.
160. Ross E.A. *Social psychology: An outline and source book*. N.Y.: Macmillan Co, 1909. 372 p.
161. Rosenberg M.J., Hovland C.I. Cognitive, affective, and behavioral components of attitudes // Eds. M.J. Rosenberg, C. I. Hovland. *Attitude organization and change: An analysis of consistency among attitude components*. New Haven: Yale University Press 1960. P. 1–14.
162. Rossi P. *L'animo della folla*. Cosenza: Tip. R. Riccio, 1898. 286 p.
163. Rossi P. *Sociologia e psicologia collettiva*. Roma: C. Colombo, 1904. 239 p.
164. Rossi P. *Les suggesteurs et la foule*. Paris: A. Michalon, 1904. 222 p.
165. Rossi P. *La scienza dell'educazione della folla* // *Atti del V congresso internazionale di psicologia tenuto in Roma dal 26 al 30 aprile 1905*. Roma: Forzani e c. tip. del Senato, 1906. P. 652–656.
166. Rubio V. *Le regard sociologique sur la foule à la fin du XIX siècle* // *Mil neuf cent. Revue d'histoire intellectuelle*. 2010. № 1 (28). P. 13–33.
167. Rubio V. *Permanence et métamorphoses de la foule* // *Hermès*. 2014. Vol. 70. № 3. P. 83–87.
168. Schleicher R. *Zur Psychopathologie der Französischen Revolution: Hippolyte Taine, Édouard Drumont, Gustave Le Bon* // *HeLix*. 2011. Vol. 4. S. 50–64.
169. Schrader E.S. *Perils and pitfalls of plagiarism and how to avoid them* // *AORN Journal*. 1980. Vol. 31. P. 981–982.
170. Serpe B. *Il problema educativo nella riflessione di Pasquale Rossi* // *Mizar. Costellazione di pensieri*. 2016. № 4. P. 71–81.
171. Sidis B. *A study of the mob* // *Atlantic Monthly*. 1895. Vol. 75. № 448. P. 188–197.
172. Sidis B. *The psychology of suggestion*. N.Y.: D. Appleton Co, 1898. 386 p.
173. Sighele S. *La folla delinquente*. Torino: Fratelli Bocca, 1891. 123 p.
174. Sighele S. *Psychologie des sectes*. Paris: V. Giard & E. Brière, 1898. 231 p.
175. Sighele S. *U'intelligenza della folla*. Torino: F. Bocca, 1903. 168 p.
176. Shand A.F. *The foundations of character: Being a study of the tendencies of the emotions and sentiments*. L.: MacMillan and C°, 1914. 532 p.
177. Spears R., Postmes T. *Group identity, social influence and collective action online: Extensions and applications of the SIDE model* // Ed.: S.S. Sundar / *The Handbook of Psychology of Communication Technology*. Oxford: Blackwell, 2015. P. 23–46.
178. Squillace F. *Vida y obras de Pasquale Rossi* // *Alma Pública. Revista desdisciplinada de psicología social*. 2010. № 5. P. 17–36.
179. Staheli U. *Spectacular speculation: Thrills, the economy, and popular discourse*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2013. 298 p.
180. Stizzo F. *Concezione pedagogica, impegno sociale e orizzonte utopistico in Pasquale Rossi* // *Quaderni di Intercultura*. 2017. № 9. P. 151–162.
181. Stott C., Drury J. *Contemporary understanding of riots: Classical crowd psychology, ideology and the social identity approach* // *Public Understanding of Science*. 2016. Vol. 26. № 1. P. 2–14.

182. Tarde G. Les lois de l'Imitation: Étude sociologique. Paris: Félix Alcan, 1890. 431 p.
183. Tarde G. Foules et sectes au point de vue criminel // Revue des deux mondes. 1893. 15 novembre. P. 349–387.
184. Tarde G. Etudes de psychologie sociale. Paris: V. Giard & E. Brière, 1898. 328 p.
185. Tead O. Instincts in industry: A study of working-class psychology. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin Co, 1918. 222 p.
186. The plagiarism spectrum // <https://www.turnitin.com/static/plagiarism-spectrum> (дата обращения 20.11.2021).
187. Trotter W. Herd instinct and its bearing on the psychology of civilized man // Sociological Review. 1908. Vol. 1. № 3. P. 227–248.
188. Trotter W. Sociological application of the psychology of herd instinct // Sociological Review. 1909. Vol. 2. № 1. P. 36–54.
189. Trotter W. Instincts of the herd in peace and war. L.: T. Fisher Unwin Ltd. Adelphi Terrace, 1921. 264 p.
190. Turner R. H., Killian L. M. Collective Behavior. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1957. 547 p.
191. Vilanova F., Beria F. M., Costa Â. B., Koller S. H. Deindividuation: From Le Bon to the social identity model of deindividuation effects // Cogent Psychology. 2017. Vol. 4. № 1. P. 1–21.
192. Vincent G. E. Review of Le Bon's The psychology of peoples // American Journal of Sociology. 1899. Vol. 4. № 4. P. 554–556.
193. Wallas G. Human nature in politics. L.: A. Constable and C°, 1908. 302 p.
194. Wallas G. The great society: A psychological analysis. N.Y.: The Macmillan Company, 1920. 383 p.

**Горбатов Дмитрий Сергеевич,
Агафонова Вера Владимировна,
Андреева Людмила Тимофеевна,
Волкова Вероника Вячеславна,
Горбатова Елена Александровна**

**ПСИХОЛОГИЯ СТИХИЙНЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ**

Монография

Научное издание

Адрес редакции:

199178, Санкт-Петербург, 12-я линия В.О., д. 13 литера А, к. 507

ISBN 978-5-6046439-8-3

Отпечатано в ООО «Типография Экспресс-Реклама»
196084, РФ, г. Санкт-Петербург, ул. Заставская, д. 5/1, литера А
тел.: (812) 646-33-77

Цифровая печать: www.express-promo.ru

Офсетная печать: www.er-print.ru

Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,9. Тираж 500 экз. Заказ № 1-8641-1v